

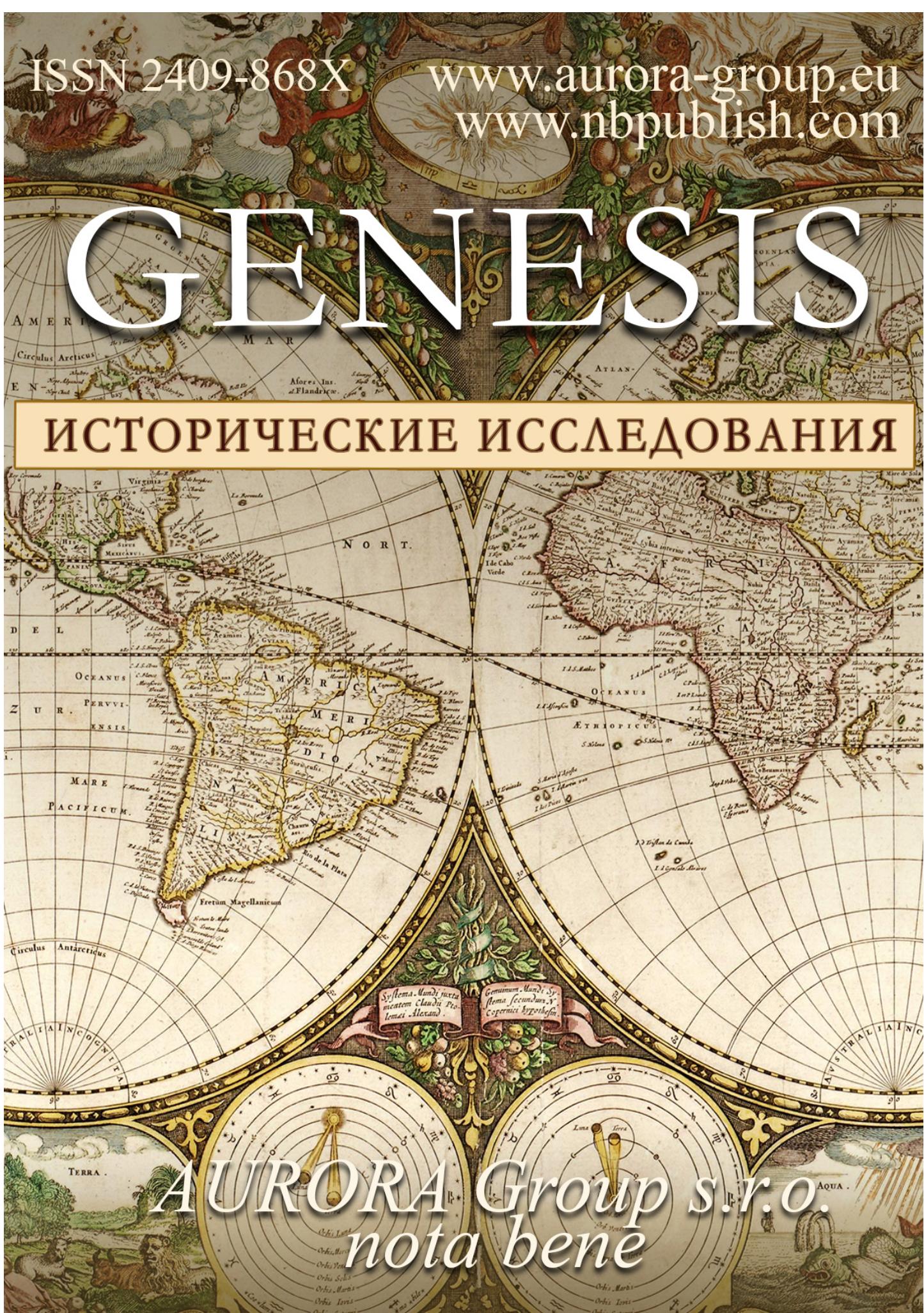
ISSN 2409-868X

www.aurora-group.eu
www.nbpublish.com

GENESIS

ИСТОРИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

AURORA Group s.r.o.
nota bene

Выходные данные

Номер подписан в печать: 04-05-2025

Учредитель: Даниленко Василий Иванович, w.danilenko@nbpublish.com

Издатель: ООО <НБ-Медиа>

Главный редактор: Кодан Сергей Владимирович, доктор юридических наук,
svk2005@yandex.ru

ISSN: 2409-868X

Контактная информация:

Выпускающий редактор - Зубкова Светлана Вадимовна

E-mail: info@nbpublish.com

тел.+7 (966) 020-34-36

Почтовый адрес редакции: 115114, г. Москва, Павелецкая набережная, дом 6А, офис 211.

Библиотека журнала по адресу: http://www.nbpublish.com/library_tariffs.php

Publisher's imprint

Number of signed prints: 04-05-2025

Founder: Danilenko Vasiliy Ivanovich, w.danilenko@nbpublish.com

Publisher: NB-Media ltd

Main editor: Kodan Sergei Vladimirovich, doktor yuridicheskikh nauk, svk2005@yandex.ru

ISSN: 2409-868X

Contact:

Managing Editor - Zubkova Svetlana Vadimovna

E-mail: info@nbpublish.com

тел.+7 (966) 020-34-36

Address of the editorial board : 115114, Moscow, Paveletskaya nab., 6A, office 211 .

Library Journal at : http://en.nbpublish.com/library_tariffs.php

Редакционный совет

Главный редактор – Кодан Сергей Владимирович, доктор юридических наук, профессор, Заслуженный юрист Российской Федерации, профессор кафедры теории государства и права, руководитель Научно-образовательного центра проблем изучения теории и истории государства и права Уральского государственного юридического университета. E-mail: svk2005@yandex.ru

Абдулин Роберт Семёнович – кандидат педагогических наук, профессор, заведующий кафедрой уголовного права и процесса Курганского государственного университета, Заслуженный юрист Российской Федерации, судья Курганского областного суда в отставке.

Акишин Михаил Олегович – доктор исторических наук, кандидат юридических наук, ведущий научный сотрудник Лаборатории гуманитарных исследований Новосибирского научного исследовательского университета.

Батурин Юрий Михайлович – доктор юридических наук, профессор МГУ им. М.И. Ломоносова, чл.-корр. РАН, директор Института истории естествознания и техники им. С.И. Вавилова Российской академии наук (ИИЕТ РАН), 109012, РФ, Москва, Старопанский переулок, д. 1/5, ИИЕТ РАН

Беляева Галина Серафимовна – доктор юридических наук, профессор, Юго-Западный государственный университет кафедра теории и истории государства и права, 308015, Россия, г. Белгород, ул. Победы, 85,

Билюшкина Надежда Иосифовна – доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры теории и истории государства и права Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского.

Васильев Дмитрий Валентинович – доктор исторических наук, Российской академия предпринимательства, первый проректор, профессор, 109544, Москва, ул. Малая Андроньевская, д. 15 dvvasiliev@mail.ru

Графский Владимир Георгиевич – доктор юридических наук, профессор, главный научный сотрудник, заведующий сектором права, государства и политических учений, заведующий Центром теории и истории Института государства и права Российской академии наук. 119019. Россия, г. Москва, ул. Знаменка, д.10.

Дитрих Айше Памир – доктор исторических наук, профессор кафедры истории Средневосточного технического университета, г. Анкара, Турция.

Добрынин Николай Михайлович – доктор юридических наук, профессор кафедры конституционного и муниципального права Института государства и права Тюменского государственного университета. 625000. Россия, г. Тюмень, ул. Ленина, 38.

Ефремова Надежда Николаевна – кандидат юридических наук, профессор, ведущий научный сотрудник сектора истории государства, права и политических учений Института государства и права Российской академии наук.

Жаров Сергей Николаевич – доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры теории и истории государства и права Института права Челябинского государственного университета.

Жиртуева Наталья Сергеевна – доктор философских наук, доцент, профессор кафедры

«Политология и международные отношения», Институт общественных наук и международных отношений, Севастопольский государственный университет, г. Севастополь, ул. Университетская, 33, zhr_nata@bk.ru

Зуев Андрей Сергеевич - доктор исторических наук, профессор, первый заместитель директора Сибирского института управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации.

Ирхен Ирина Игоревна – доктор культурологии, доцент, Академия русского балета им. А.Я. Вагановой, профессор кафедры философии, истории и теории искусства, заведующая аспирантурой, 191023, г. Санкт-Петербург, ул. Зодчего Росси, 2 irkhen67@gmail.com

Каминская Елена Альбертовна – доктор культурологии, АНО ВО «Институт современного искусства», проректор по учебно-методической работе, профессор кафедры режиссуры театрализованных представлений и праздников, 121309, Центральный федеральный округ, г. Москва, ул. Новозаводская, д. 27А, kaminskaya@mail.ru

Ковалева Светлана Викторовна – доктор философских наук, доцент, Костромской государственный университет, профессор кафедры философии, культурологии и социальных коммуникаций, 156005, г. Кострома, ул. Дзержинского, 17, cultural@kstu.edu.ru

Кодан Сергей Владимирович, доктор юридических наук, профессор, Заслуженный юрист Российской Федерации, профессор кафедры теории государства и права, руководитель Научно-образовательного центра проблем изучения теории и истории государства и права Уральского государственного юридического университета. E-mail: svk2005@yandex.ru

Козлихин Игорь Юрьевич - доктор юридических наук, профессор, Заслуженный деятель науки Российской Федерации, профессор кафедры теории и истории государства и права юридического факультета Санкт-Петербургского государственного университета.

Коробеев Александр Иванович - доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, заведующий кафедра уголовного права и криминологии, Дальневосточный федеральный университет. 690992, г. Владивосток, пос. Аякс, кампус ДВФУ,

Костенко Николай Иванович – доктор юридических наук, профессор Кубанский государственный университет, кафедра международного права, 350915, Россия, Краснодарский край, г. Краснодар, ул. Восточно-Кругликовская, 76/4, кв. 133

Кравец Игорь Александрович – доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой теории истории государства и права, конституционного права Новосибирский национальный исследовательский государственный университет, 630090, Новосибирская обл., г. Новосибирск, ул. Пирогова, 1, kravigor@gmail.com

Крайнов Григорий Никандрович – доктор исторических наук, профессор кафедры «Политология, история и социальные технологии», Российский университет транспорта (МИИТ), 127994, г. Москва, ул. Образцова, 9, стр. 2. [kainovgn@mail.ru](mailto:krainovgn@mail.ru)

Красняков Николай Иванович - доктор юридических наук, доцент, заместитель директора (по учебной работе) Института философии и права Новосибирского национального исследовательского государственного университета.

Курбанов, Рашад Афатович - доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации, Российский экономический университет имени Г.В. Плеханова: 117997, Российская Федерация, г. Москва, Стремянный пер., 36

Лаптева Людмила Евгеньевна - доктор юридических наук, профессор, ведущий научный сотрудник сектора истории государства, права и политических учений Института государства и права Российской академии наук.

Мазур Людмила Николаевна – доктор исторических наук, профессор, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина, кафедра документоведения, архивоведения и истории государственного управления, 620000, Россия, Свердловская область, г. Екатеринбург, ул. Тургенева, 4, оф. 482

Манин Вячеслав Анатольевич - кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры государственного и муниципального права Сургутского государственного университета.

Мациевский Герман Олегович – доктор исторических наук, доцент, Краснодарский государственный институт культуры. Кафедра истории, культурологии и музееведения, 350072, Россия, Краснодарский край, г. Краснодар, ул. 40-Летия победы, 33, каб. 132

Нарутто Светлана Васильевна – доктор юридических наук, профессор кафедры конституционного и муниципального права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), 125993. Москва, ул. Садовая-Кудринская 9, svetanarutto@yandex.ru

Нематов Акмал Рауфджонович - доктор юридических наук, заведующий отделом теоретических проблем современного государства и права Института философии, политологии и права Академии наук Республики Таджикистан.

Нижник Надежда Степановна - доктор юридических наук, кандидат исторических наук, профессор, профессор кафедры теории государства и права Санкт-Петербургского университета МВД России.

Николайчук Ольга Алексеевна – доктор экономических наук, профессор, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, профессор Департамента экономической теории, 125993, Москва, ГСП-3, Ленинградский проспект, д. 49, 18111959@mail.ru

Новицкая Татьяна Евгеньевна - доктор юридических наук, профессор, Лауреат Государственной премии Российской Федерации, профессор кафедры истории государства и права юридического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова.

Пешкова Христина Вячеславовна – доктор юридических наук, доцент заведующая кафедрой гражданского, процессуального права, Центральный филиал Российского государственного университета правосудия, 394006, ул. 20-летия Октября, 95, Воронеж Peshkova1@yandex.ru

Побережников Игорь Васильевич - доктор исторических наук, заведующий сектором методологии и историографии отдела истории Института истории и археологии Уральского отделения Российской академии наук.

Редин Дмитрий Алексеевич - доктор исторических наук, профессор, заместитель директора по научным вопросам Института истории и археологии Уральского отделения Российской академии наук.

Редкоус Владимир Михайлович - доктор юридических наук, профессор, ведущий научный сотрудник сектора административного права и административного процесса ИГП РАН,

профессор кафедры УДПООП ЦКШУ Академии управления МВД России. 119019 Москва, ул. Знаменка, д.10, E-mail: rwmmos@rambler.ru

Рошевская Лариса Павловна – доктор исторических наук, профессор, отдел гуманитарных междисциплинарных исследований Кomi научного центра Уральского Отделения РАН, главный научный сотрудник, 167982, Сыктывкар, Коммунистическая, 24, lp38rosh@gmail.com

Рылёва Анна Николаевна – доктор культурологии, главный научный сотрудник и руководитель Центра непрерывного культурологического образования Российского института культурологии. 119072, Россия, г. Москва, Берсеневская набережная, 18-20-22, строение 3.

Серов Дмитрий Олегович - доктор исторических наук, доцент, заведующий кафедрой теории и истории государства и права Новосибирского государственного университета экономики и управления.

Скопа Виталий Александрович – доктор исторических наук, доцент, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Алтайский государственный педагогический университет», профессор кафедры Историко-культурного наследия и туризма, 656031, г. Барнаул, ул. Молодежная, 55. sverhtitan@rambler.ru

Смыкалин Александр Сергеевич - доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой истории государства и права Уральского государственного юридического университета.

Ставицкий Владимир Вячеславович – доктор исторических наук, профессор, кафедра Всеобщей истории, историографии и археологии, Пензенский государственный университет, 440052, Россия, Пензенская область, г. Пенза, ул. Тамбовская, 9 кв.106 stawiczky.v@yandex.ru

Сыченко Елена Вячеславовна - PhD (университет Катании, Италия), доцент кафедры трудового права Санкт-Петербургского государственного университета, 199034, Санкт-Петербург, 22 линия В.О., 7. e.sychenko@mail.ru

Тимошук Алексей Станиславович – доктор философских наук, доцент, профессор кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин Владимира юридического института ФСИН России, 600020, Владимир, ул. Большая Нижегородская, 67-е, human@vui.vladinfo.ru

Тихомиров Юрий Александрович – доктор юридических наук, профессор, главный научный сотрудник Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ; 117218, Россия, Москва, ул. Б. Черемушкинская, 34

Тищенко Наталья Викторовна – доктор культурологии, ФГБОУ ВО «Саратовский государственный технический университет имени Гагарина Ю.А.», профессор кафедры истории Отчества и культуры, 410004 г. Саратов, ул. Политехническая, 17, mihai洛van@inbox.ru

Туманова Анастасия Сергеевна - доктор исторических наук, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры теории права и сравнительного правоведения Национального исследовательского университета "Высшая школа экономики".

Федоровская Наталья Александровна – доктор искусствоведения, доцент, директор департамента искусств и дизайна Дальневосточного федерального университета, 690091, Владивосток, о. Русский, п. Аякс, кампус Дальневосточного федерального университета, корп. G, ауд. 357, fedorovskaya.na@dvfu.ru

Алпатов Сергей Викторович - доктор филологических наук, МГУ имени М.В. Ломоносова, доцент, 105318, Россия, г. Москва, ул. Вельяминовская, 6, кв. 125, alpserg@gmail.com

Бадмаева Екатерина Николаевна - доктор исторических наук, ФГБОУ ВО "Калмыцкий государственный университет им. Б.Б. Городовикова", директор Международного научно-исследовательского центра "Ойраты и калмыки на евразийском пространстве", 358000, Россия, республика Калмыкия, г. Элиста, ул. KALMYKIA, ELISTA, Chkalova ST, 7?, KALMYKIA, ELISTA, Chkalova ST, 7?, en-badmaeva@yandex.ru

Блейх Надежда Оскаровна - доктор исторических наук, Северо-Осетинский государственный университет им. К.Л.Хетагурова, профессор кафедры психологии психолого-педагогического факультета, 362043, Россия, республика Северная Осетия-Алания, г. Владикавказ, ул. Владикавказская, , д. 16, кв. 32, nadezhda-blejjkh@mail.ru

Борисова Нина Александровна - доктор исторических наук, Федеральное государственное бюджетное учреждение "Центральный музей связи имени А.С.Попова", Заместитель директора по науке и технике, Санкт-Петербургский университет телекоммуникаций им. проф. М.А.Бонч-Бруевича, доцент, 197373, Россия, г. Санкт-Петербург, Комендантский, 32-3, кв. 172, borisova@rustelecom-museum.ru

Бурнашева Наталия Ивановна - доктор исторических наук, Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Север Сибирского отделения РАН, ведущий научный сотрудник, 677013, Россия, республика Республика Саха (Якутия), г. Якутск, ул. Ойунского, 41, кв. 117, n_burnasheva@mail.ru

Величкова Лэдмила Владимировна - доктор филологических наук, Воронежский государственный университет, зав. кафедрой немецкой филологии, 394036, Россия, Воронежская обл область, г. Воронеж, ул. Фр. Энгельса, 7, кв. 28, luvel1@rambler.ru

Володина Людмила Мильтоновна - доктор юридических наук, Тюменский государственный университет, профессор, 111402, Россия, Москва область, г. Москва, ул. Вешняковская, 5 корпус 1, кв. 195, lm.volodina@yandex.ru

Гарскова Ирина Марковна - доктор исторических наук, Московский государственный университет имени М.В.Ломоносова, исторический факультет, доцент кафедры исторической информатики, 119607, Россия, Москва, г. Москва, ул. улица раменки, 31, кв. 253, irina.garskova@gmail.com

Гомонов Николай Дмитриевич - доктор юридических наук, федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Мурманский арктический государственный университет», профессор кафедры юриспруденции, 183010, Россия, Мурманская область, г. Мурманск, ул. Халтурина, 7, оф. 10, Gomonov_Nikolay@mail.ru

Грязнова Елена Владимировна - доктор философских наук, ФГБОУ ВО «Нижегородский государственный педагогический университет имени Козьмы Минина», профессор, 603009,

Россия, г. Н.Новгород, ул. Вологдина, 1 Б, оф. 49, egik37@yandex.ru

Деметрадзе марине резоевна - доктор политических наук, Российский научно-исследовательский институт культурного и природного наследия имени Д. С. Лихачёва , главный научный сотрудник, институт мировых цивилизации , профессор, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (РАНХиГС) , профессор, 117292, Россия, г. москва, ул. нахимовский проспект дом 48 кв.96, 48, demetradze1959@mail.ru

Каминская Елена Альбертовна - доктор культурологии, Автономная некоммерческая организация высшего образования "Институт современного искусства", проректор, 121309, Россия, Москва область, г. Москва, ул. Новозаводская, 27а, kaminskaya@mail.ru

Карпов Игорь Петрович - доктор филологических наук, ФГБОУ ВО «Марийский государственный университет», профессор, 434003, Россия, Республика Марий Эл область, г. Йошкар-Ола, ул. Ленинский проспект, 45, оф. 9, kip52@yandex.ru

Кежутин Андрей Николаевич - доктор исторических наук, федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Приволжский исследовательский медицинский университет» Министерства здравоохранения Российской Федерации, доцент кафедры социально-гуманитарных наук, 603005, Россия, Нижегородская область область, г. Нижний Новгород, ул. М. Горького, 160, кв. 58, kezhutin@rambler.ru

Кобец Петр Николаевич - доктор юридических наук, «Всероссийский научно-исследовательский институт Министерства внутренних дел Российской Федерации», главный научный сотрудник отдела научной информации, подготовки научных кадров и обеспечения деятельности научных советов Центра организационного обеспечения научной деятельности , 121069, Россия, г. Москва, ул. Поварская, д. 25, стр. 1, pkobets37@rambler.ru

Коновалов Игорь Анатольевич - доктор исторических наук, ФГАО ВО "Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского", Декан юридического факультета, 644050, Россия, Омская область область, г. Омск, пер. Комбинатский, 4, кв. 48, konov77@mail.ru

Луговской Александр Михайлович - доктор географических наук, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Московский государственный университет геодезии и картографии» (МИИГАИК), профессор кафедры географии факультета картографии и геоинформатики , 1090548, Россия, Московская область, г. Москва, ул. Шоссейная, 13, оф. 49, alug1961@yandex.ru

Неволина Виктория Васильевна - доктор педагогических наук, ФГБОУ ВО "Оренбургский государственный медицинский университет", Профессор, ФГБОУ ВО "Оренбургский государственный университет", Профессор, 460040, Россия, г. Оренбург, Мира, 8А, кв. 10, nevolina-v@yandex.ru

Нижник Надежда Степановна - доктор юридических наук, Федеральное государственное казенное образовательное учреждение высшего образования «Санкт-Петербургский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации», Начальник кафедры

теории государства и права, 191025, Россия, Санкт-Петербург, г. Санкт-Петербург,
Владимирский проспект, 3, кв. 20, n.nishnik@bk.ru

Портнова Татьяна Васильевна - доктор искусствоведения, Российской государственный
университет им. А Н. Косыгина, профессор, 127282, Россия, Москва, г. Москва, ул. 117997,
33 Sadovnicheskaya Str., Moscow, Russian Federation, 52 к 4, кв. 457, Infotatiana-p@mail.ru

Редкоус Владимир Михайлович - доктор юридических наук, Федеральное
государственное бюджетное учреждение науки Институт государства и права Российской
академии наук, ведущий научный сотрудник сектора административного права и
административного процесса, Федеральное государственное казенное образовательное
учреждение высшего образования «Академия управления Министерства внутренних дел
Российской Федерации», Профессор кафедры управления деятельностью подразделений
обеспечения охраны общественного порядка центра командно-штабных учений, 117628,
Россия, г. Москва, ул. Знаменские садки, 1 корпус 1, кв. 12, rwmmos@rambler.ru

Сивкина Наталья Юрьевна - доктор исторических наук, Нижегородский государственный
университет им. Н.И. Лобачевского, профессор кафедры истории древнего мира и средних
веков института международных отношений и мировой истории, 603000, Россия,
Нижегородская область область, г. Нижний Новгород, проспект Ленина, 63, кв. 22, natalia-sivkina@yandex.ru

Соков Илья Анатольевич - доктор исторических наук, Волгоградский государственный
университет, профессор, 400062, Россия, Волгоградская область, г. г. Волгоград, ул.
маршалла Василевского, 2, кв. 4р

Соловьев Константин Анатольевич - доктор исторических наук, Московский
государственный университет имени М.В.Ломоносова, профессор, 141402, Россия,
Московская область, г. Химки, ул. Чапаева, 9, оф. 72, ksoloviov@spa.msu.ru

Сушкова Юлия Николаевна - доктор исторических наук, Федеральное государственное
бюджетное образовательное учреждение высшего образования "Национальный
исследовательский Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарева", декан
юридического факультета, 430007, Россия, республика Мордовия, г. Саранск, ул.
Осипенко, 40, кв. -, yulenka@mail.ru

Тропин Николай Александрович - доктор исторических наук, Елецкий государственный
университет им. И.А. Бунина, старший научный сотрудник, 399771, Россия, Липецкая
область, г. Елец, ул. Орджоникидзе, 49, tropin2003@list.ru

Ульянов Олег Германович - доктор исторических наук, профессор МГУ им. М.В.
Ломоносова, professor.ulyanov@gmail.com

Шевцова Анна Александровна - доктор исторических наук, федеральное
государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования
«Московский педагогический государственный университет», Профессор кафедры
культурологии, 127018, Россия, Москва, г. Москва, ул. Стрелецкая, 14к1, кв.
164, ash@inbox.ru

Шульгина Ольга Владимировна - доктор исторических наук, Государственное автономное
образовательное учреждение высшего образования города Москвы "Московский городской

педагогический университет" (ГАОУ ВО МГПУ), Заведующий кафедрой географии и туризма, 119192, Россия, Москва, г. Москва, Мичуринский проспект, 56, кв. 879, Olga_Shulgina@mail.ru

Editorial collegium

Editor-in-Chief -Sergey V. Kodan, Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation, Professor of the Department of Theory of State and Law, Head of the Scientific and Educational Center for the Study of Theory and History of State and Law of the Ural State Law University. E-mail: svk2005@yandex.ru

Abdulin Robert Semenovich - Candidate of Pedagogical Sciences, Professor, Head of the Department of Criminal Law and Procedure of Kurgan State University, Honored Lawyer of the Russian Federation, retired judge of the Kurgan Regional Court.

Akishin Mikhail Olegovich - Doctor of Historical Sciences, Candidate of Legal Sciences, leading researcher at the Laboratory of Humanitarian Studies of Novosibirsk Scientific Research University.

Baturin Yuri Mikhailovich - Doctor of Law, Professor of Lomonosov Moscow State University, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Director of the Institute of the History of Natural Science and Technology named after S.I. Vavilov of the Russian Academy of Sciences (IIET RAS), 109012, RF, Moscow, Staropansky Lane, 1/5, IIET RAS

Belyaeva Galina Serafimovna – Doctor of Law, Professor, Southwest State University Department of Theory and History of State and Law, 85 Pobedy Str., Belgorod, 308015, Russia,

Byushkina Nadezhda Iosifovna - Doctor of Law, Associate Professor, Professor of the Department of Theory and History of State and Law of the Lobachevsky Nizhny Novgorod State University.

Vasiliev Dmitry Valentinovich – Doctor of Historical Sciences, Russian Academy of Entrepreneurship, First Vice-Rector, Professor, 15 Malaya Andronevskaya str., Moscow, 109544 dvvasiliev@mail.ru

Grafsky Vladimir Georgievich - Doctor of Law, Professor, Chief Researcher, Head of the Sector of Law, State and Political Studies, Head of the Center for Theory and History of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences. 119019. Russia, Moscow, Znamenka str., 10.

Dietrich Ayshe Pamir - Doctor of Historical Sciences, Professor of the Department of History of the Middle Eastern Technical University, Ankara, Turkey.

Dobrynin Nikolay Mikhailovich - Doctor of Law, Professor of the Department of Constitutional and Municipal Law of the Institute of State and Law of Tyumen State University. 625000. Russia, Tyumen, Lenin str., 38.

Efremova Nadezhda Nikolaevna - Candidate of Law, Professor, leading researcher of the history sector. State, Law and Political Doctrines of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences.

Zharov Sergey Nikolaevich - Doctor of Law, Associate Professor, Professor of the Department of Theory and History of State and Law of the Institute of Law of Chelyabinsk State University.

Zhirtueva Natalia Sergeevna – Doctor of Philosophy, Associate Professor, Professor of the

Department of Political Science and International Relations, Institute of Social Sciences and International Relations, Sevastopol State University, Sevastopol, Universitetskaya str., 33, zhr_nata@bk.ru

Andrey Sergeevich Zuev - Doctor of Historical Sciences, Professor, First Deputy Director of the Siberian Institute of Management of the Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation.

Irhen Irina Igorevna - Doctor of Cultural Studies, Associate Professor, Vaganova Academy of Russian Ballet, Professor of the Department of Philosophy, History and Theory of Art, Head of Graduate School, St. Petersburg, 191023, Architect Rossi str., 2 irkhen67@gmail.com

Kaminskaya Elena Albertovna - Doctor of Cultural Studies, ANO VO "Institute of Contemporary Art", Vice-rector for Educational and Methodological work, Professor of the Department of Directing theatrical performances and holidays, 121309, Central Federal District, Moscow, Novozavodskaya str., 27A, kaminskayae@mail.ru

Kovaleva Svetlana Viktorovna - Doctor of Philosophy, Associate Professor, Kostroma State University, Professor of the Department of Philosophy, Cultural Studies and Social Communications, 17 Dzerzhinskiy str., Kostroma, 156005, cultural@kstu.edu.ru

Kodan Sergey Vladimirovich, Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation, Professor of the Department of Theory of State and Law, Head of the Scientific and Educational Center for the Study of Theory and History of State and Law of the Ural State Law University. E-mail: svk2005@yandex.ru

Kozlikhin Igor Yuryevich - Doctor of Law, Professor, Honored Scientist of the Russian Federation, Professor of the Department of Theory and History of State and Law of the Faculty of Law of St. Petersburg State University.

Korobeev Alexander Ivanovich - Doctor of Law, Professor, Honored Scientist of the Russian Federation, Head of the Department of Criminal Law and Criminology, Far Eastern Federal University. 690992, Vladivostok, village Ajax, FEFU campus,

Kostenko Nikolay Ivanovich - Doctor of Law, Professor, Kuban State University, Department of International Law, 350915, Russia, Krasnodar Territory, Krasnodar, Vostochno-Kruglikovskaya str., 76/4, sq. 133

Igor Kravets - Doctor of Law, Professor, Head of the Department of Theory of the History of State and Law, Constitutional Law Novosibirsk National Research State University, 630090, Novosibirsk Region, Novosibirsk, Pirogova str., 1, kravigor@gmail.com

Krainov Grigory Nikandrovich - Doctor of Historical Sciences, Professor of the Department "Political Science, History and Social Technologies", Russian University of Transport (MIIT), 127994, Moscow, Obraztsova str., 9, p. 2. krainovgn@mail.ru

Krasniakov Nikolay Ivanovich - Doctor of Law, Associate Professor, Deputy Director (for Academic Affairs) Institute of Philosophy and Law of the Novosibirsk National Research State University.

Kurbanov, Rashad Afatovich - Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation, Plekhanov Russian University of Economics: 36 Stremyanny Lane, Moscow, 117997, Russian Federation

Lyudmila Lapteva - Doctor of Law, Professor, Leading researcher of the Sector of the History

of State, Law and Political Doctrines of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences.

Lyudmila N. Mazur – Doctor of Historical Sciences, Professor, Ural Federal University named after the First President of Russia B.N. Yeltsin, Department of Documentation, Archival Science and History of Public Administration, 620000, Russia, Sverdlovsk Region, Yekaterinburg, Turgenev str., 4, office 482

Vyacheslav Anatolyevich Manin - Candidate of Law, Associate Professor, Associate Professor of the Department of State and Municipal Law of Surgut State University.

Matsievsky Herman Olegovich – Doctor of Historical Sciences, Associate Professor, Krasnodar State Institute of Culture. Department of History, Cultural Studies and Museology, 350072, Russia, Krasnodar Territory, Krasnodar, ul. 40-Letiya pobedy, 33, office 132

Narutto Svetlana Vasilevna – Doctor of Law, Professor of the Department of Constitutional and Municipal Law of the Kutafin Moscow State Law University (MGUA), 125993. Moscow, Sadovaya-Kudrinskaya str. 9, svetanarutto@yandex.ru

Akmal Raufjonovich Nematov - Doctor of Law, Head of the Department of Theoretical Problems of Modern State and Law of the Institute of Philosophy, Political Science and Law of the Academy of Sciences of the Republic of Tajikistan.

Nizhnik Nadezhda Stepanovna - Doctor of Law, Candidate of Historical Sciences, Professor, Professor of the Department of Theory of State and Law of the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Nikolaichuk Olga Alekseevna – Doctor of Economics, Professor, Financial University under the Government of the Russian Federation, Professor of the Department of Economic Theory, 125993, Moscow, GSP-3, Leningradsky Prospekt, 49, 18111959@mail.ru

Novitskaya Tatiana Evgenievna - Doctor of Law, Professor, Laureate of the State Prize of the Russian Federation, Professor of the Department of History of State and Law of the Faculty of Law of Lomonosov Moscow State University.

Hristina V. Peshkova – Doctor of Law, Associate Professor, Head of the Department of Civil and Procedural Law, Central Branch of the Russian State University of Justice, 95 20th Anniversary of October Str., Voronezh, 394006
Peshkova1@yandex.ru

Igor V. Berezhnikov - Doctor of Historical Sciences, Head of the Methodology and Historiography Sector of the History Department of the Institute of History and Archaeology of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences.

Dmitry A. Redin - Doctor of Historical Sciences, Professor, Deputy Director for Scientific Affairs of the Institute of History and Archeology of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences.

Redkous Vladimir Mikhailovich - Doctor of Law, Professor, leading researcher of the Sector of Administrative Law and Administrative Process of the IGP RAS, Professor of the Department of UDPOP of the CCSHU Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 10 Znamenka str., Moscow, 119019, E-mail: rwmmos@rambler.ru

Larisa P. Roshchevskaya – Doctor of Historical Sciences, Professor, Department of Humanities Interdisciplinary Studies of the Komi Scientific Center of the Ural Branch of the Russian

Academy of Sciences, Chief Researcher, 167982, Syktyvkar, Communist, 24,
lp38rosh@gmail.com

Ryleva Anna Nikolaevna — Doctor of Cultural Studies, Chief Researcher and Head of the Center for Continuing Cultural Education of the Russian Institute of Cultural Studies. 119072, Russia, Moscow, Bersenevskaya embankment, 18-20-22, building 3.

Serov Dmitry Olegovich - Doctor of Historical Sciences, Associate Professor, Head of the Department of Theory and History of State and Law of Novosibirsk State University of Economics and Management.

Vitaly A. Osprey – Doctor of Historical Sciences, Associate Professor, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Altai State Pedagogical University", Professor of the Department of Historical and Cultural Heritage and Tourism, 55 Molodezhnaya str., Barnaul, 656031. sverhtitan@rambler.ru

Smykalin Alexander Sergeevich - Doctor of Law, Professor, Head of the Department of History of State and Law of the Ural State Law University.

Stavitsky Vladimir Vyacheslavovich – Doctor of Historical Sciences, Professor, Department of General History, Historiography and Archeology, Penza State University, 440052, Russia, Penza Region, Penza, Tambovskaya str., 9 sq.106 stawiczky.v@yandex.ru

Sychenko Elena Vyacheslavovna - PhD (University of Catania, Italy), Associate Professor of the Department of Labor Law of St. Petersburg State University, 199034, St. Petersburg, 22 line V.O., 7. e.sychenko@mail.ru

Timoshchuk Alexey Stanislavovich – Doctor of Philosophy, Associate Professor, Professor of the Department of Humanities and Socio-Economic Disciplines of the Vladimir Law Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, 600020, Vladimir, Bolshaya Nizhegorodskaya str., 67th, human@vui.vladinfo.ru

Tikhomirov Yuri Alexandrovich – Doctor of Law, Professor, Chief Researcher Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation; 34 B. Cheremushkinskaya str., Moscow, 117218, Russia

Tishchenko Natalia Viktorovna – Doctor of Cultural Studies, Saratov State Technical University named after Gagarin Yu.A., Professor of the Department of History of Patronymic and Culture, Saratov, 410004, Politehnicheskaya str., 17, miailovan@inbox.ru

Tumanova Anastasia Sergeevna - Doctor of Historical Sciences, Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Theory of Law and Comparative Law of the National Research University "Higher School of Economics".

Ulyanov Oleg Germanovich - Doctor of Historical Sciences, Professor of Lomonosov Moscow State University M.V. Lomonosov, professor.ulyanov@gmail.com

Natalia Fedorovskaya – Doctor of Art History, Associate Professor, Director of the Department of Art and Design of the Far Eastern Federal University, 690091, Vladivostok, Russian Island, Ajax village, campus of the Far Eastern Federal University, bldg. G, room 357, fedorovskaya.na@dvfu.ru

Требования к статьям

Журнал является научным. Направляемые в издательство статьи должны соответствовать тематике журнала (с его рубрикатором можно ознакомиться на сайте издательства), а также требованиям, предъявляемым к научным публикациям.

Рекомендуемый объем от 12000 знаков.

Структура статьи должна соответствовать жанру научно-исследовательской работы. В ее содержании должны обязательно присутствовать и иметь четкие смысловые разграничения такие разделы, как: предмет исследования, методы исследования, апелляция к оппонентам, выводы и научная новизна.

Не приветствуется, когда исследователь, трактуя в статье те или иные научные термины, вступает в заочную дискуссию с авторами учебников, учебных пособий или словарей, которые в узких рамках подобных изданий не могут широко излагать свое научное воззрение и заранее оказываются в проигрышном положении. Будет лучше, если для научной полемики Вы обратитесь к текстам монографий или диссертационных работ оппонентов.

Не превращайте научную статью в публицистическую: не наполняйте ее цитатами из газет и популярных журналов, ссылками на высказывания по телевидению.

Ссылки на научные источники из Интернета допустимы и должны быть соответствующим образом оформлены.

Редакция отвергает материалы, напоминающие реферат. Автору нужно не только продемонстрировать хорошее знание обсуждаемого вопроса, работ ученых, исследовавших его прежде, но и привнести своей публикацией определенную научную новизну.

Не принимаются к публикации избранные части из диссертаций, книг, монографий, поскольку стиль изложения подобных материалов не соответствует журнальному жанру, а также не принимаются материалы, публиковавшиеся ранее в других изданиях.

В случае отправки статьи одновременно в разные издания автор обязан известить об этом редакцию. Если он не сделал этого заблаговременно, рискует репутацией: в дальнейшем его материалы не будут приниматься к рассмотрению.

Уличенные в плагиате попадают в «черный список» издательства и не могут рассчитывать на публикацию. Информация о подобных фактах передается в другие издательства, в ВАК и по месту работы, учебы автора.

Статьи представляются в электронном виде только через сайт издательства <http://www.enotabene.ru> кнопка "Авторская зона".

Статьи без полной информации об авторе (соавторах) не принимаются к рассмотрению, поэтому автор при регистрации в авторской зоне должен ввести полную и корректную информацию о себе, а при добавлении статьи - о всех своих соавторах.

Не набирайте название статьи прописными (заглавными) буквами, например: «ИСТОРИЯ КУЛЬТУРЫ...» — неправильно, «История культуры...» — правильно.

При добавлении статьи необходимо прикрепить библиографию (минимум 10–15 источников, чем больше, тем лучше).

При добавлении списка использованной литературы, пожалуйста, придерживайтесь следующих стандартов:

- [ГОСТ 7.1-2003 Библиографическая запись. Библиографическое описание. Общие требования и правила составления.](#)
- [ГОСТ 7.0.5-2008 Библиографическая ссылка. Общие требования и правила составления](#)

В каждой ссылке должен быть указан только один диапазон страниц. В теле статьи ссылка на источник из списка литературы должна быть указана в квадратных скобках, например, [1]. Может быть указана ссылка на источник со страницей, например, [1, с. 57], на группу источников, например, [1, 3], [5-7]. Если идет ссылка на один и тот же источник, то в теле статьи нумерация ссылок должна выглядеть так: [1, с. 35]; [2]; [3]; [1, с. 75-78]; [4]....

А в библиографии они должны отображаться так:

[1]
[2]
[3]
[4]....

Постраничные ссылки и сноски запрещены. Если вы используете сноски, не содержащую ссылку на источник, например, разъяснение термина, включите сноски в текст статьи.

После процедуры регистрации необходимо прикрепить аннотацию на русском языке, которая должна состоять из трех разделов: Предмет исследования; Метод, методология исследования; Новизна исследования, выводы.

Прикрепить 10 ключевых слов.

Прикрепить саму статью.

Требования к оформлению текста:

- Кавычки даются углками (« ») и только кавычки в кавычках — лапками (“ ”).
- Тире между датами дается короткое (Ctrl и минус) и без отбивок.
- Тире во всех остальных случаях дается длинное (Ctrl, Alt и минус).
- Даты в скобках даются без г.: (1932–1933).
- Даты в тексте даются так: 1920 г., 1920-е гг., 1540–1550-е гг.
- Недопустимо: 60-е гг., двадцатые годы двадцатого столетия, двадцатые годы XX столетия, 20-е годы XX столетия.
- Века, король такой-то и т.п. даются римскими цифрами: XIX в., Генрих IV.
- Инициалы и сокращения даются с пробелом: т. е., т. д., М. Н. Иванов. Неправильно: М.Н. Иванов, М.Н. Иванов.

ВСЕ СТАТЬИ ПУБЛИКУЮТСЯ В АВТОРСКОЙ РЕДАКЦИИ.

По вопросам публикации и финансовым вопросам обращайтесь к администратору Зубковой Светлане Вадимовне
E-mail: info@nbpublish.com
или по телефону +7 (966) 020-34-36

Подробные требования к написанию аннотаций:

Аннотация в периодическом издании является источником информации о содержании статьи и изложенных в ней результатах исследований.

Аннотация выполняет следующие функции: дает возможность установить основное

содержание документа, определить его релевантность и решить, следует ли обращаться к полному тексту документа; используется в информационных, в том числе автоматизированных, системах для поиска документов и информации.

Аннотация к статье должна быть:

- информативной (не содержать общих слов);
- оригинальной;
- содержательной (отражать основное содержание статьи и результаты исследований);
- структурированной (следовать логике описания результатов в статье);

Аннотация включает следующие аспекты содержания статьи:

- предмет, цель работы;
- метод или методологию проведения работы;
- результаты работы;
- область применения результатов; новизна;
- выводы.

Результаты работы описывают предельно точно и информативно. Приводятся основные теоретические и экспериментальные результаты, фактические данные, обнаруженные взаимосвязи и закономерности. При этом отдается предпочтение новым результатам и данным долгосрочного значения, важным открытиям, выводам, которые опровергают существующие теории, а также данным, которые, по мнению автора, имеют практическое значение.

Выводы могут сопровождаться рекомендациями, оценками, предложениями, гипотезами, описанными в статье.

Сведения, содержащиеся в заглавии статьи, не должны повторяться в тексте аннотации. Следует избегать лишних вводных фраз (например, «автор статьи рассматривает...», «в статье рассматривается...»).

Исторические справки, если они не составляют основное содержание документа, описание ранее опубликованных работ и общеизвестные положения в аннотации не приводятся.

В тексте аннотации следует употреблять синтаксические конструкции, свойственные языку научных и технических документов, избегать сложных грамматических конструкций.

Гонорары за статьи в научных журналах не начисляются.

Цитирование или воспроизведение текста, созданного ChatGPT, в вашей статье

Если вы использовали ChatGPT или другие инструменты искусственного интеллекта в своем исследовании, опишите, как вы использовали этот инструмент, в разделе «Метод» или в аналогичном разделе вашей статьи. Для обзоров литературы или других видов эссе, ответов или рефератов вы можете описать, как вы использовали этот инструмент, во введении. В своем тексте предоставьте prompt - командный вопрос, который вы использовали, а затем любую часть соответствующего текста, который был создан в ответ.

К сожалению, результаты «чата» ChatGPT не могут быть получены другими читателями, и хотя невосстановимые данные или цитаты в статьях APA Style обычно цитируются как личные сообщения, текст, сгенерированный ChatGPT, не является сообщением от человека.

Таким образом, цитирование текста ChatGPT из сеанса чата больше похоже на совместное использование результатов алгоритма; таким образом, сделайте ссылку на автора алгоритма записи в списке литературы и приведите соответствующую цитату в тексте.

Пример:

На вопрос «Является ли деление правого полушария левого полушария реальным или метафорой?» текст, сгенерированный ChatGPT, показал, что, хотя два полушария мозга в некоторой степени специализированы, «обозначение, что люди могут быть охарактеризованы как «левополушарные» или «правополушарные», считается чрезмерным упрощением и популярным мифом» (OpenAI, 2023).

Ссылка в списке литературы

OpenAI. (2023). ChatGPT (версия от 14 марта) [большая языковая модель].
<https://chat.openai.com/chat>

Вы также можете поместить полный текст длинных ответов от ChatGPT в приложение к своей статье или в дополнительные онлайн-материалы, чтобы читатели имели доступ к точному тексту, который был сгенерирован. Особенno важно задокументировать созданный текст, потому что ChatGPT будет генерировать уникальный ответ в каждом сеансе чата, даже если будет предоставлен один и тот же командный вопрос. Если вы создаете приложения или дополнительные материалы, помните, что каждое из них должно быть упомянуто по крайней мере один раз в тексте вашей статьи в стиле APA.

Пример:

При получении дополнительной подсказки «Какое представление является более точным?» в тексте, сгенерированном ChatGPT, указано, что «разные области мозга работают вместе, чтобы поддерживать различные когнитивные процессы» и «функциональная специализация разных областей может меняться в зависимости от опыта и факторов окружающей среды» (OpenAI, 2023; см. Приложение А для полной расшифровки). .

Ссылка в списке литературы

OpenAI. (2023). ChatGPT (версия от 14 марта) [большая языковая модель].
<https://chat.openai.com/chat> Создание ссылки на ChatGPT или другие модели и программное обеспечение ИИ

Приведенные выше цитаты и ссылки в тексте адаптированы из шаблона ссылок на программное обеспечение в разделе 10.10 Руководства по публикациям (Американская психологическая ассоциация, 2020 г., глава 10). Хотя здесь мы фокусируемся на ChatGPT, поскольку эти рекомендации основаны на шаблоне программного обеспечения, их можно адаптировать для учета использования других больших языковых моделей (например, Bard), алгоритмов и аналогичного программного обеспечения.

Ссылки и цитаты в тексте для ChatGPT форматируются следующим образом:

OpenAI. (2023). ChatGPT (версия от 14 марта) [большая языковая модель].
<https://chat.openai.com/chat>

Цитата в скобках: (OpenAI, 2023)

Описательная цитата: OpenAI (2023)

Давайте разберем эту ссылку и посмотрим на четыре элемента (автор, дата, название и

источник):

Автор: Автор модели OpenAI.

Дата: Дата — это год версии, которую вы использовали. Следуя шаблону из Раздела 10.10, вам нужно указать только год, а не точную дату. Номер версии предоставляет конкретную информацию о дате, которая может понадобиться читателю.

Заголовок. Название модели — «ChatGPT», поэтому оно служит заголовком и выделено курсивом в ссылке, как показано в шаблоне. Хотя OpenAI маркирует уникальные итерации (например, ChatGPT-3, ChatGPT-4), они используют «ChatGPT» в качестве общего названия модели, а обновления обозначаются номерами версий.

Номер версии указан после названия в круглых скобках. Формат номера версии в справочниках ChatGPT включает дату, поскольку именно так OpenAI маркирует версии. Различные большие языковые модели или программное обеспечение могут использовать различную нумерацию версий; используйте номер версии в формате, предоставленном автором или издателем, который может представлять собой систему нумерации (например, Версия 2.0) или другие методы.

Текст в квадратных скобках используется в ссылках для дополнительных описаний, когда они необходимы, чтобы помочь читателю понять, что цитируется. Ссылки на ряд общих источников, таких как журнальные статьи и книги, не включают описания в квадратных скобках, но часто включают в себя вещи, не входящие в типичную рецензируемую систему. В случае ссылки на ChatGPT укажите дескриптор «Большая языковая модель» в квадратных скобках. OpenAI описывает ChatGPT-4 как «большую мультимодальную модель», поэтому вместо этого может быть предоставлено это описание, если вы используете ChatGPT-4. Для более поздних версий и программного обеспечения или моделей других компаний могут потребоваться другие описания в зависимости от того, как издатели описывают модель. Цель текста в квадратных скобках — кратко описать тип модели вашему читателю.

Источник: если имя издателя и имя автора совпадают, не повторяйте имя издателя в исходном элементе ссылки и переходите непосредственно к URL-адресу. Это относится к ChatGPT. URL-адрес ChatGPT: <https://chat.openai.com/chat>. Для других моделей или продуктов, для которых вы можете создать ссылку, используйте URL-адрес, который ведет как можно более напрямую к источнику (т. е. к странице, на которой вы можете получить доступ к модели, а не к домашней странице издателя).

Другие вопросы о цитировании ChatGPT

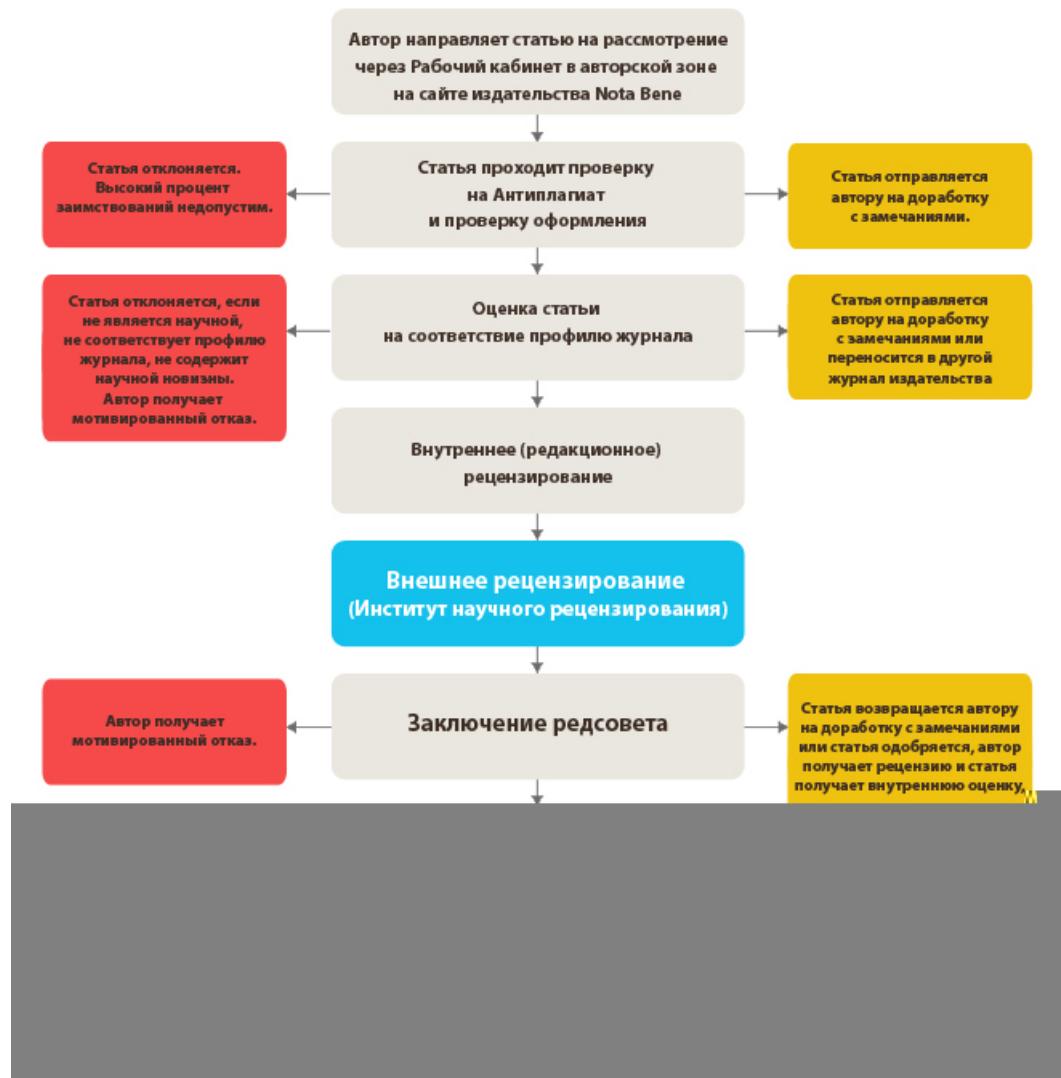
Вы могли заметить, с какой уверенностью ChatGPT описал идеи латерализации мозга и то, как работает мозг, не ссылаясь ни на какие источники. Я попросил список источников, подтверждающих эти утверждения, и ChatGPT предоставил пять ссылок, четыре из которых мне удалось найти в Интернете. Пятая, похоже, не настоящая статья; идентификатор цифрового объекта, указанный для этой ссылки, принадлежит другой статье, и мне не удалось найти ни одной статьи с указанием авторов, даты, названия и сведений об источнике, предоставленных ChatGPT. Авторам, использующим ChatGPT или аналогичные инструменты искусственного интеллекта для исследований, следует подумать о том, чтобы сделать эту проверку первоисточников стандартным процессом. Если источники являются реальными, точными и актуальными, может быть лучше прочитать эти первоисточники, чтобы извлечь уроки из этого исследования, и перефразировать или процитировать эти статьи, если применимо, чем использовать их интерпретацию модели.

Материалы журналов включены:

- в систему Российского индекса научного цитирования;
- отображаются в крупнейшей международной базе данных периодических изданий Ulrich's Periodicals Directory, что гарантирует значительное увеличение цитируемости;
- Всем статьям присваивается уникальный идентификационный номер Международного регистрационного агентства DOI Registration Agency. Мы формируем и присваиваем всем статьям и книгам, в печатном, либо электронном виде, оригинальный цифровой код. Префикс и суффикс, будучи прописанными вместе, образуют определяемый, цитируемый и индексируемый в поисковых системах, цифровой идентификатор объекта — digital object identifier (DOI).

[Отправить статью в редакцию](#)

Этапы рассмотрения научной статьи в издательстве NOTA BENE.

Содержание

Кряжева-Карцева Е.В., Линькова Е.В., Симонова М.А. Два императора – две эпохи. Взгляд из России на личность и политику Наполеона Бонапарта и Наполеона III: сравнительный анализ	1
Селезнев А.В. Изменение правового положения енисейского казачества в XVII – начале XX веков	12
Егоров Д.И. История научных заблуждений в США и их социально-экономические предпосылки по исследованиям Наоми Орескес	52
Тимофеева Р.А., Чумак Р.Н. Научно-исследовательские и опытно-конструкторские работы по созданию электромагнитной артиллерии в СССР в конце 1920-х-1930-е годы	66
Хазиев Р.А., Гоффер П.С. Подпольные «маклеры» Ленинграда эпохи «хрущевской оттепели»	84
Дацко Н.И. Работа высшего военного начальства над «Положением о генерал-инспекторах» в 1907-1908 гг.	93
Дубень А.К. Никос Пуланзас как теоретик права и основоположник структуралистского марксизма	105
Мосейкина М.Н., Якусик Слободюк А. Русская военная эмиграция в Парагвае и ее вклад в победу в Чакской войне (1932-1935 гг.)	115
Наумов А.О. Содружество наций как актор «мягкой силы» Британской империи	126
Ташиан Д.А. Чешско-русские культурные связи в период трансформации взаимного интереса во второй половине XIX века	135
Англоязычные метаданные	144

Contents

Kryazheva-Kartseva E.V., Linkova E.V., Simonova M.A. Two emperors – two eras. A view from Russia on the personality and politics of Napoleon Bonaparte and Napoleon III: a comparative analysis	1
Seleznev A.V. Changes in the legal status of the Yenisei Cossacks in the 17th – early 20th centuries	12
Yegorov D.I. The history of scientific misconceptions in the USA and their socio-economic prerequisites according to the research of Naomi Oreskes	52
Timofeeva R.A., Chumak R.N. Research and development work on the creation of electromagnetic artillery in the USSR in the late 1920s-1930s	66
Khaziev R., Goffer P.S. Underground «brokers» of Leningrad during the «Khrushchev Thaw»	84
Datsko N.I. General inspectors of infantry, cavalry, and engineering units in the Russian army and the issue of the boundaries of their powers in the system of high military administration of Russia in the early 20th century	93
Duben A.K. Nicos Poulantzis as a theorist of law and founder of structuralist Marxism.	105
Moseykina M.N., Yakusik Slobodiuk A. Russian Military Emigration in Paraguay and Its Contribution to the Victory in the Chaco War (1932-1935)	115
Naumov A.O. The Commonwealth of Nations as an actor of the soft power of the British Empire	126
Tashchian D.A. Czech-Russian cultural ties during the transformation of mutual interest in the second half of the 19th century	135
Metadata in english	144

Genesis: исторические исследования

Правильная ссылка на статью:

Кряжева-Карцева Е.В., Линькова Е.В., Симонова М.А. Два императора – две эпохи. Взгляд из России на личность и политику Наполеона Бонапарта и Наполеона III: сравнительный анализ // Genesis: исторические исследования. 2025. № 4. DOI: 10.25136/2409-868X.2025.4.73841 EDN: VPBSXI URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=73841

Два императора – две эпохи. Взгляд из России на личность и политику Наполеона Бонапарта и Наполеона III: сравнительный анализ

Кряжева-Карцева Елена Валерьевна

кандидат исторических наук

зав. кафедрой; факультет гуманитарных и социальных наук (ФГСН); Российский университет дружбы народов им. П. Лумумбы

117198, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, 6

✉ kartseva_ev@pfur.ru

Линькова Елена Валентиновна

доктор исторических наук

профессор; факультет гуманитарных и социальных наук (ФГСН); Российский университет дружбы народов им. П. Лумумбы

117279, Россия, г. Москва, р-н Коньково, ул. Островитянова, д. 33, кв. 84

✉ linkova_ev@pfur.ru

Симонова Мария Александровна

доктор исторических наук, кандидат педагогических наук

директор Учебно-научного института сравнительной образовательной политики; институт Учебно-научный сравнительной образовательной политики; Российский университет дружбы народов им. П. Лумумбы

117198, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, 6

✉ simonova-ma@rudn.ru

[Статья из рубрики "Личность в истории"](#)

DOI:

10.25136/2409-868X.2025.4.73841

EDN:

VPBSXI

Дата направления статьи в редакцию:

26-03-2025

Дата публикации:

02-04-2025

Аннотация: Предметом исследования настоящей статьи являются воззрения отечественных консервативных и либеральных мыслителей середины XIX – второй половины XIX вв. на личность и деятельность Наполеона Бонапарта и Наполеона III. Отмечается, что в российском обществе всегда был высок уровень интереса к событиям, происходящим во Франции. Это было связано как с мировоззренческими установками среди российского дворянства, так и с теми противоречиями, которые наблюдались между Россией и Францией в XIX столетии. Речь идет об Отечественной войне 1812 г. и антинаполеоновских войнах начала века, а также о Крымской кампании 1853-1856 гг. Данные события оказали существенное влияние на восприятие Франции в России, а также на те оценки, которые давались в российском обществе французским правителям. Авторы подчеркивают, однако, довольно заметную разницу в представлениях отечественных мыслителей на личность Наполеона Бонапарта и Наполеона III, определенное уважение в отношении первого и явную критику и даже пренебрежение в отношении второго монарха. Основными методами настоящего исследования можно назвать сравнительный, дающий возможность провести компаративный анализ мнений и оценок, выявить характерные черты в восприятии французских лидеров в российском общественном мнении. Представляется возможным отметить, что настоящая проблема практически не исследовалась ранее, т.е. специальных исследований, посвященных сравнению политики французских императоров в российской общественной мысли XIX в., не предпринималось. В этой связи представляется весьма интересным провести именно компаративный анализ существующих оценок, помогающий понять причинууважительного отношения к Наполеону Бонапарту в России и практически полное забвение или критику его племянника. Среди основных выводов, к которым приходят авторы можно выделить следующие: в российском обществе XIX в. присутствовал неизменный интерес как к внешнеполитической составляющей, так и к отдельным государствам. В частности, подобный интерес наблюдался в отношении Франции, воплощением и собирательным образом которой несомненно были те правители, которые запомнились яркими реформами, военными успехами/поражениями, и, безусловно, взаимодействием с Россией.

Ключевые слова:

Консерватизм, Либерализм, Россия и Франция, Наполеон Бонапарт, Наполеон III, общественная мысль, образ императора, внешняя политика, французская революция, Восточный вопрос

Две исторические личности Франции, два императора – Наполеон Бонапарт и Наполеон III – две эпохи, оценки которых отличаются порой кардинально. Сравнение правления дяди и племянника предпринимались как во Франции, причем подобные компаративные практики начались еще при жизни Наполеона III, так и в общественном мнении других государств Европы. И одной из стран, где присутствовал особый интерес к личности и политике двух французских деятелей, была Россия. Этот интерес вполне объясним: с именем Наполеона Бонапарта было связано одно из ключевых событий в российской

истории – Отечественная война 1812 г., существенное изменение положения России на мировой арене. С Наполеоном III ассоциировалась трансформация той системы, которая установилась после 1814-1815 гг. и Крымская война 1853-1856 гг. Важно отметить, что в восприятии обоих императоров среди отечественных мыслителей и государственных деятелей отмечались общие черты, но в основном речь идет о некоем противопоставлении, изображении Наполеона Бонапарта и Наполеона III как двух антиподов и по масштабу личности, и по влиянию на ситуацию в Европе, и по результатам правления для самой Франции.

Для выявления данных общих и особенных элементов представляется интересным обратиться к взглядам и оценкам российских общественно-политических деятелей середины XIX в. (в частности, консерваторов и либералов), в публицистических произведениях и переписке которых нашел отражение анализ личности и деятельности Наполеона Бонапарта и Наполеона III.

Основными методами настоящего исследования можно назвать сравнительный, дающий возможность провести компаративный анализ мнений и оценок, выявить характерные черты в восприятии французских лидеров российскими общественными и государственными деятелями.

Источниковой базой послужила совокупность эпистолярных документов личного происхождения, в частности переписки и публицистики, являющихся достаточно репрезентативными с точки зрения проведения исторического исследования.

Представляется возможным отметить, что настоящая проблема практически не исследовалась ранее, т.е. специальных исследований, посвященных сравнению политики французских императоров в российской общественной мысли XIX в., не предпринималось. Однако существует весьма внушительный пласт работ, посвященных изучению восприятия личности Наполеона Бонапарта в России [\[9,10\]](#) и существенно меньше – Наполеона III [\[7,8\]](#). В этой связи представляется весьма интересным провести именно компаративный анализ существующих оценок, помогающий понять причину уважительного отношения к Наполеону Бонапарту в России и практически полное забвение или критику его племянника.

Итак, Наполеон Бонапарт – противоречивая личность, деспот и тиран с одной стороны и великий государственный деятель – с другой. В российской общественной мысли, особенно среди либералов и консерваторов, сложился весьма противоречивый образ первого императора французов. От восхищения к неприятию и критике – вот тот основной путь эволюции оценок деятельности Наполеона Бонапарта в России. Карьера Наполеона, подвиг на Аркольском мосту, восхождение к власти – это те вехи жизни Бонапарта, которые зачастую идеализировались и вызывали восхищение в русском обществе, особенно среди молодежи. Однако столкновение с Россией, поход на Москву и ее разграбление, а в конечном итоге поражение французской армии заставили иначе взглянуть на гений Наполеона, что породило и его критику, и «черную легенду», но при этом никогда не снижало градус уважения к достойному противнику. Можно отметить, что подобное отношение к французскому императору было связано с осознанием величия той победы, которую одержала Россия. Данные идеи высказывали многие российские мыслители и государственные деятели первой половины – середины XIX в.: Н.М. Карамзин, А.С. Шишков, С.С. Уваров, Ф.И. Тютчев, И.С. Аксаков и др.

Анализируя публицистическое наследие отечественных мыслителей и государственных деятелей, можно сделать вывод о том, что фигура Наполеона Бонапарта – это

многогранный и сложный образ. А.С. Пушкин, несколько романтизируя обстоятельства жизни и смерти Наполеона на острове Святой Елены, называл его "великим человеком", "изгнаником вселенной" [\[11, с. 65\]](#). С другой стороны, Ф.И. Тютчев, посвятивший французскому императору главу своего незаконченного трактата "Россия и Запад" и стихотворение "Наполеон", отмечал, что причиной поражения столь великой личности были два обстоятельства. Истоки власти Наполеона Бонапарта связаны с революцией, поэтому "...разбился-то он об Россию. Ибо именно Россия была его истинным противником - борьба между нами была борьбой между законной Империей и коронованной Революцией" [\[12, с. 197\]](#). Наполеон - "покорный и слепой слуга" [\[13, с. 648\]](#) Революции, писал К.Н. Леонтьев.

Вторая причина краха Наполеона заключалась в антихристианской сущности его власти. И.С. Аксаков, Ф.И. Тютчев полагали, что французский император - это некий продукт эпохи Просвещения, человек, уверовавший в неограниченную свободу личности, находившийся в пленах страстей и непомерных амбиций, отринувший христианскую мораль и ценности. И именно благодаря своим сильным духовным началам Россия смогла одержать победу над наполеоновской Францией. Тютчевский образ Наполеона Бонапарта соединяет в себе величие исторической личности, оказавшей влияние на развитие Европы, с трагизмом судьбы человека, посягнувшим на Россию, с ее православными ценностями и силой духа. Как отмечал И.С. Аксаков, "сила этого гордого гения сокрушилась не о вещественную мощь России, а о нравственную силу русского народа, - его смирение и веру" [\[14, с. 525\]](#). По мнению консервативных мыслителей, роль и масштаб личности Наполеона Бонапарта были неоспоримы, но без христианского содержания любые политические действия обречены на неудачу, на поражение как идейное, так и военное.

Интересную мысль о значимости фигуры Наполеона Бонапарта для России выразил А.С. Пушкин в своем стихотворении, написанном на смерть французского императора, который "русскому народу... высокий жребий указал" [\[11, с. 65\]](#). Поэт и мыслитель говорит о том росте национального самосознания, который стал результатом Отечественной войны 1812 г., о том духовном поиске, которым отличалась эпоха после наполеоновских войн и который способствовал самоидентификации России, осознанию своего места и роли на мировой арене.

Наконец, отечественные мыслители середины XIX в. отмечали, что для самой Франции государственные деятели уровня Наполеона Бонапарта - это своего рода благо, они вносят "в общество...нечто новое, давая возможность на короткое время обществу выделять из себя небывалые прежде характеры". И хотя подобные личности "изнуряют дотла психические запасы обществ" [\[13, с. 254\]](#), но сравнивая Францию начала и середины XIX в., К.Н. Леонтьев приходит к выводу, что "положение Франции было бы теперь иное, если бы она...могла бы произвести что-либо великое, подобное Наполеону..." [\[13, с. 331\]](#).

Совершенно иным было отношение к Наполеону III. Если во Франции существовали различные оценки деятельности французского императора и первого президента: от критики и насмешек (например, В. Гюго) до одобрения, то в России имя французского правителя в основном вызывало негативные коннотации. Во-первых, это было связано с условиями прихода к власти. Во-вторых, с восточным вопросом, в котором именно с приходом Наполеона III обозначились явные русско-французские противоречия (по Святым местам, по влиянию на оттоманское правительство, по покровительству

христианским народам Порты и т.д.). В-третьих, с Крымской войной 1853-1856 гг., ставшей своего рода результатом данных противоречий, так и реваншистских настроений французов и их стремления пересмотреть итоги 1814-1815 гг., сломав ту систему, которая была установлена Венским конгрессом.

Известно, что будущий французский император в 1830-х гг. неоднократно обращался к Николаю I, о чем свидетельствует переписка А.Х. Бенкендорфа и Луи Наполеона. Речь идет о финансовой и политической поддержке, на которую рассчитывал Луи Наполеон намереваясь занять французский престол. С тех самых пор за будущим французским правителем закрепилось довольно обидное и уничижительное прозвище - «Наполеончик», намекающее на отсутствие политической харизмы, но присутствие непомерных амбиций, неподкрепленных теми действиями, которые были свойственны для его дяди - Наполеона Бонапарта и когда-то вызывали восхищение современников.

В 1847 г., до избрания на пост президента Французской Республики, Луи Наполеон сделал несколько попыток через начальника русской тайной полиции графа А.Ф. Орлова заручиться помощью царя в осуществлении своих планов во Франции. Луи Наполеон просил графа А.Ф. Орлова стать его адвокатом [\[1, с. 172\]](#) и еще весной 1847 г., находясь в Лондоне в качестве эмигранта пытался установить контакты с Николаем I. Но все эти попытки оказались безуспешными. Для Николая I, который был очень обеспокоен угрозой распространения революции в европейских странах, даже откровенное обещание Луи Наполеона навести порядок во Франции и тем самым способствовать восстановлению «спокойствия» в Европе в обмен на финансовую помощь России (1 миллион франков в год) не сыграло решающего значения. Луи Наполеон просил денег, он подчеркивал, что восстановление порядка во Франции - «трудное, но не невозможное предприятие. Но для достижения этой великой цели не хватает денег» [\[1, с. 173\]](#). Однако ожидаемая помощь от Николая I так и не была получена, российский император на протяжении всего своего царствования фактически отказывал французскому правителю в легитимности.

Внешнеполитические противоречия России и Франции, в особенности по восточному вопросу, лишь усугубили данное неприятие. В отечественной публицистике Наполеон III зачастую награждался весьма уничижительными прозвищами, например, П.А. Вяземский, неоднократно называл французского императора «Наполеончиком» [\[2, с. 846\]](#). Но, самое главное, указывал на политическую близорукость последнего. П.А. Вяземский отмечал, что военные амбиции Франции (это было написано еще до Крымской кампании 1854-1856 гг.) могут спровоцировать социальные потрясения именно на Западе, в Россию же «мятеж...не проникнет». Российский мыслитель был убежден, что «о гибельных последствиях войны думать не нам, а им, и в особенности французам. Красные страшны более им, а не нам, и если из глупого самолюбия и из зависти к нам они вооружаться за турок и, ослабив вооруженную силу, очистят место для Ledru-Rollin, то можно будет сказать Наполеончику: tu l'as voulu, George Dandin (ты сам этого хотел, Жорж Даунден)» [\[2, с. 814\]](#). Отчасти, П.А. Вяземский был прав: Крымская война явно не способствовала стабилизации ситуации как внутри Франции, так и в целом на международной арене.

Причем российские мыслители и государственные деятели усматривали в действиях французского императора Наполеона III явный реваншизм и желание отомстить за своего знаменитого дядю. И в этой связи П.А. Вяземский предрекал, что русскому народу вновь предстоит «очистить французский престол от засевшей на нем саранчи», а в «безумном озлоблении, которое пихает племянника (хорош племянник, курвин сын) на Россию, есть какое-то предзнаменование, что если не в славе, то в паденьи,

Провидение готовит ему участь дяди» [\[2, с. 834\]](#).

Кроме того, политика Наполеона III, по мнению российских государственных деятелей, дестабилизировала ситуацию на Ближнем Востоке. Крымская война и последовавший за ней Парижский конгресс вовсе не способствовали решению османской проблемы. Данный аспект особенно явно проявился в конце 1860-х – начале 1870-х гг. По наблюдениям русского консула на Балканах К.Н. Леонтьева, местное население внимательно следило за происходящими в Европе событиями, полагая, что они могут затронуть и балканский регион. Так, большой ажиотаж вызвала среди южного славянства франко-прусская война 1870-1871 гг. Та существенная масса населения, которая, как писал К.Н. Леонтьев, не могла бы извлечь материальных выгод из войны, начала питать надежды, что «...война сделается общеевропейскою,...что наступает конец ... вековому рабству и спрашивала, – не пора ли готовиться к восстанию?» [\[3, с. 292\]](#) Но по прошествии нескольких недель, когда стало очевидным, что война затронет лишь Францию и Германию, настроения изменились, пришло понимание, «что час избавления одних и падения других еще не пробил, но что Россия воспользуется этою войною для отмены если не всего, то по крайней мере некоторых статей Парижского трактата» [\[3, с. 292\]](#).

Безусловно, российских деятелей и мыслителей больше волновал вопрос о внешней политике как Наполеона Бонапарта, так и Наполеона III в силу того, что она напрямую влияла на положение России на международной арене. Однако и те изменения, которые благодаряенным правителям происходили в самой Франции не оставались незамеченными в российском обществе. Известно, что и Наполеон Бонапарт, и его племянник предпринимали попытки (и порой весьма успешные и масштабные) в переустройстве французской системы управления, образования и т.д. Данные перемены способствовали трансформации европейских институтов власти, общественных и экономических отношений, что отражалось и на России. Неудивительно, что с именем Наполеона Бонапарта русские консерваторы связывали идеологию Революции, усмирителем которой называли французского императора. Наполеон III в отличие от своего предшественника справиться с революционными настроениями и тенденциями так и не смог. К.Д. Кавелин, российский либерал середины XIX в. отмечал, что Наполеон III предпринимал попытки проводить политику «цезаризма», но именно эта политика в итоге привела французского императора к падению. К.Д. Кавелин отмечал, что власть Наполеона III утвердилась в результате падения конституционных начал. Мыслитель проводил параллели с Россией и доказывал, что увлечение идеями конституционализма чревато серьезными политическими потрясениями и нестабильностью. Конституционные режимы крайне неустойчивы, а их упадок приводит к вынуждению как раз цезаризма, еще более авторитарной власти, чем ограниченная монархия [\[4, с. 38-39\]](#).

К.Д. Кавелин полагал, что Наполеон III зачастую служил примером для подражания в высших политических кругах России, созданная им система вызывала интерес и положительную оценку российского императора Александра II, известного своей модернизацией России и правившего в период, вошедший в историю страны под названием «эпохи великих реформ». К.Д. Кавелин отмечал, что «Цезарем был в наше время Людвиг Наполеон, административные приемы которого непонятно почему находят усердных подражателей в наших высших административных сферах» [\[4, с. 1016\]](#), однако мыслитель называл подобные увлечения не соответствующими потребностям России, а самому Наполеону III еще до франко-прусской войны предрекал падение.

О крахе Второй Империи писал и К.П. Победоносцев, обер-прокурор и крупнейший государственный деятель и мыслитель России второй половины XIX в. В частности, он указывал на то, что Наполеон III, хоть и принимал во внимание предостережения консервативно настроенных деятелей, однако по факту проводил политику, которая привела к усилению демократических и революционных начал, а также к центробежным тенденциям в регионах Франции, особенно в восточной части. К.П. Победоносцев, в частности, упоминал о Ле Пле, который «не скрывал перед ним (Наполеоном III – авт.) свой образ мыслей. Однажды в присутствии Морни он сказал ему: «Ваше Величество, вас обманывают, Ваша Империя сгибнет, и сгибнет от двух причин: одно – всеобщая подача голосов, другое – теория национальностей. Теория эта вот к чему приведет вас – что Альзас станет немецким краем. А всеобщее право голосов приведет вас к тому, что дворец, в котором вы в эту минуту говорите со мной, будет разрушен» [\[5, с. 198\]](#).

Итак, личность и правление Наполеона III, так же, как и Наполеона Бонапарта, привлекала внимание российских либералов и консерваторов по ряду причин. В первую очередь это было связано с международной обстановкой и по причине того, что Франция являлась одним из ключевых игроков на международной арене даже в периоды своего ослабления. Так сложилось, что внешнеполитическая проблематика традиционно интересовала русское общество, порой, даже более явно, чем внутренняя политика. Можно отметить, что консервативные мыслители России середины XIX в. во многом предвосхитили ту международную полемику, которая стала актуальной для европейских стран в более позднюю эпоху. Например, как справедливо отмечает историк А.В. Фененко, «дискуссии по внешнеполитическим проблемам» приобрели свою значимость и стали популярным явлением во французском обществе «только в последней трети XIX в. после поражения страны во Франко-пруссской войне 1870-1871 гг.» [\[6, с. 184-185\]](#). В оценках, которые давали российские мыслители и политические деятели внешнеполитическим шагам двух французских императоров наблюдается некоторое сходство. Отмечается, что оба правители способствовали расшатыванию баланса сил на европейском континенте, их действия приводили к обострению восточного вопроса, к усложнению международного положения России. Однако на этом схожесть в восприятии двух Наполеонов заканчивалась.

Сравнивая масштаб личности дяди и племянника, российские мыслители приходили к выводу о величии первого и ничтожности последнего. Наполеон Бонапарт сумел справиться с революцией, способствовал возвышению Франции, росту авторитета страны на мировой арене. И, хоть впоследствии, столкнувшись с Россией, французский император был побежден, но данный факт не умаляет его заслуг перед французами. Наполеон Бонапарт воспринимался как сильный и достойный противник. Наполеон III подобными качествами в глазах отечественных консерваторов и либералов явно не обладал. Его внутренняя политика не привела к усмирению революционных тенденций а, напротив, усилила их, участие же Франции в Крымской кампании 1853-1856 гг. воспринималось как реваншизм. Возможно, данный факт был связан и с тем, что для России вступление западных стран в войну в 1854 г. явилось достаточно неожиданным, а ее результаты привели к формированию чувства "национального оскорбления, нанесенного России Францией и Англией" [\[15, с. 33\]](#).

Тем не менее, несмотря на данную разницу в восприятии французских правителей, через призму анализа роли личности Наполеона Бонапарта и Наполеона III отечественные мыслители предпринимали попытку выявить специфику и национальную самобытность России, оценить ее исторический путь и место на мировой арене. Зачастую, для определения сущности российской государственности и общественного

устройства, особенностей исторического развития и духовных начал, в российской общественно-политической мысли использовался прием, основанный на дихотомии «Россия – Запад». Именно по этой причине отечественные мыслители обращались к сравнению России и Франции, духовных основ двух народов, а также к сравнению политических деятелей, являвшихся воплощением своих государств, культур и нравственных традиций.

Библиография

1. Неизвестная переписка Луи Наполеона Бонапарта с графом А.Ф. Орловым, начальником Третьего Отделения (1847-1848 гг.) Из фондов Государственного архива Российской Федерации - ГА РФ // Россия и Франция. XVIII-XX века: Выпуск 9 / отв. ред. и сост. П.П. Черкасов. - Москва, 2009. - С. 171-173.
2. Вяземский П.А. Старая записная книжка. 1813-1877. - М.: Захаров, 2003. - 960 с.
3. Леонтьев К.Н. Дипломатические донесения, письма, записки, отчеты (1856-1872). - М.: Московский государственный институт международных отношений (Университет); РОССПЭН, 2003. - 528 с.
4. Кавелин К.Д. Государство и община. - Москва: Институт русской цивилизации, 2013. - 1296 с.
5. Победоносцев К.П. Государство и Церковь. - Москва: Институт русской цивилизации, 2011. - Т. 2. - 624 с.
6. Фененко А.В. "Классический национализм" и внешнеполитические взгляды французских консерваторов XIX в. // Вестник Воронежского государственного университета. Серия гуманитарные науки. - 2002. - № 1. - С. 184-201.
7. Арсланов Р.А., Линькова Е.В. Внешняя политика России и Запада в зеркале российской общественной мысли XIX в. - Москва: РУДН, 2022. - 275 с.
8. Черкасов П.П. Александр II и Наполеон III. Несостоявшийся союз (1856-1870). - Москва: Товарищество научных изданий КМК, 2015. - 450 с.
9. Отечественная война 1812 года в культурной памяти России. - Москва: Кучково поле, 2012. - 448 с.
10. Наполеон Бонапарт: *Pro et contra*. Личность и деяния Наполеона Бонапарта в оценках российских исследований. Антология. - Санкт-Петербург: Издательство Русской христианской гуманитарной академии, 2012. - 1038 с.
11. Пушкин А.С. Полное собрание сочинений в 10 томах. Т. 2. - М.: Академия наук СССР, 1956. - 462 с.
12. Тютчев Ф.И. Полное собрание сочинений. Письма. В 6-ти томах. Т. 3. - М.: Издательский Центр "Классика", 2003. - 528 с.
13. Леонтьев К.Н. Славянофильство и грядущие судьбы России. - М.: Институт русской цивилизации, 2010. - 1232 с.
14. Аксаков И.С. Наше знамя – русская народность. - М.: Институт русской цивилизации, 2008. - 640 с.
15. Борьба империй. "Круглый стол" журнала "Родина", посвященный причинам, итогам и последствиям Крымской войны // Родина. - 1995. - № 3-4. - С. 33.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Рецензируемый текст «Два императора – две эпохи. Взгляд из России на личность и политику Наполеона Бонапарта и Наполеона III: сравнительный анализ» является

попыткой сравнительного анализа восприятия двух французских императоров, Наполеона I и Наполеона III, в России XIX века. Тема представляет явный интерес в силу своей малой изученности, источниковой основой является корпус опубликованных личных писем и публицистических произведений; характер заявленной темы предопределяет основным методом работы компаративный анализ. В содержательной части хотелось бы отметить явную диспропорцию в тексте: оценкам Наполеона I посвящен один абзац и практически весь остальной массив работы посвящен оценкам и восприятию Наполеона III. Другую проблему представляет интерпретация автором рассматриваемых оценок как общественного мнения; ставится задача: «выявить характерные черты в восприятии французских лидеров в российском общественном мнении». Краткое (и упрощенное) обобщение динамики восприятия персоны Наполеона I в России сопровождено отсылкой с Шишкову и Уварову, двум государственным деятелям сугубо консервативного толка, в разное время министрам просвещения; их мнения не могут быть основой для оценок общественного мнения по какой-либо проблеме, тем более по столь неоднозначной фигуре как Наполеон Бонапарт, да еще и в динамике. Оценки Наполеона III даны через восприятие П.А. Вяземского, К.Н. Леонтьева (в бытность его на дипломатической службе), К. Д. Кавелина, К. П. Победоносцева, деятелей более широкого идеологического спектра, но тем не менее – весьма ограниченного круга лиц. Более справедливой поэтому представляется формулировка, используемая автором в финальной части текста: автор пишет об оценках «российских мыслителей и государственных деятелей», но никак не общественного мнения, для выявления которого потребовался бы гораздо более разнообразный и обширный круг источников, включая периодические издания разной направленности и т.д. Вообще, учитывая ограниченное количество рассматриваемых авторов мыслителей/государственных деятелей, логично было бы сравнить их оценки обоих императоров, но это скорее предложение, чем замечание. Постановка темы подразумевает сравнительный анализ восприятия двух императоров в России, эти сравнения периодически возникают в тексте, но совершенно не представлены в заключении, из которого мы только узнаем, что «личность и правление Наполеона III, так же, как и Наполеона Бонапарта, привлекала внимание российских мыслителей и государственных деятелей». Это представляется совершенно недостаточным, выводы, на наш взгляд, должны быть расширены именно в плане подведения итогов компаративного анализа восприятия двух Наполеонов. Характерные черты восприятия двух императоров (что автор заявлял своей задачей) в заключении тоже не сформулированы. С исправлением указанных недочетов статья может быть рекомендована к публикации.

Результаты процедуры повторного рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Рецензируемая статья посвящена сравнительному анализу восприятия личности и политики двух французских императоров — Наполеона Бонапарта и Наполеона III — в российской общественной мысли XIX века. Автор акцентирует внимание на эволюции оценок, которые варьировались от восхищения до критики, а также на контрасте между восприятием дяди и племянника в контексте ключевых событий, таких как Отечественная война 1812 года и Крымская война 1853–1856 годов. Предмет исследования сформулирован четко и соответствует заявленной теме, что позволяет читателю сразу погрузиться в проблематику.

Основным методом, используемым автором, является сравнительный анализ, что вполне оправдано для исследования, направленного на выявление общих и отличительных черт в восприятии двух исторических фигур. В качестве источников привлечены эпистолярные материалы, публицистика и переписка российских мыслителей и государственных деятелей. Однако стоит отметить, что методология могла бы быть расширена за счет включения количественных методов (например, контент-анализа текстов) или сопоставления с зарубежными источниками. Это позволило бы усилить аргументацию и избежать односторонности.

Тема статьи актуальна в свете растущего интереса к истории международных отношений и культурной памяти. Сравнительный анализ восприятия французских императоров в России помогает лучше понять механизмы формирования национальной идентичности и исторической рефлексии. Однако автору следовало бы явнее связать исследование с современными дискуссиями в историографии, например, с вопросами о роли личности в истории или проблемой исторической легитимации власти.

Автор справедливо указывает на недостаток специальных исследований, посвященных сравнению оценок Наполеона Бонапарта и Наполеона III в российской общественной мысли. Новизна работы заключается в компаративном подходе к анализу источников личного происхождения, что позволяет выявить специфику восприятия двух императоров. Однако утверждение о полном отсутствии предшествующих работ требует уточнения: возможно, существуют исследования на смежные темы, которые могли бы дополнить анализ.

Статья написана академическим языком, соответствующим требованиям научного издания. Список литературы включает как классические работы (Карамзин, Уваров), так и современные исследования, что демонстрирует знакомство автора с темой. Однако ссылки на стихотворные произведения (Пушкин, Тютчев) требуют более осторожного обращения: их интерпретация в контексте исторического исследования должна быть подкреплена анализом, а не служить лишь иллюстрацией. Кроме того, отсутствие ссылок на французскую историографию (например, работы А. Токвиля или Ф. Фюре) существенно сужает перспективу исследования.

Автору стоило бы учесть возможные возражения со стороны исследователей, которые могут указать на избирательность источников базы (например, преобладание консервативных и либеральных голосов при отсутствии мнений народных масс) или на недостаточный учет европейского контекста. Кроме того, тезис о «полном забвении» Наполеона III в России требует дополнительной аргументации, так как его политика, включая поддержку модернизации, могла находить отклик в определенных кругах.

Основной вывод статьи — о принципиальном различии в восприятии Наполеона Бонапарта (как «достойного противника») и Наполеона III (как фигуры второстепенной) — убедителен, но частично упрощает реальность. Автору удалось показать, что поражение Бонапарта в 1812 году усилило его символический статус в России, тогда как политика Наполеона III ассоциировалась с кризисом политической системы во Франции. Однако вывод о «полном забвении» племянника кажется преувеличением: его роль в европейской политике, включая Крымскую войну, всё же оставила след в российской исторической памяти.

Статья представляет интерес для историков, занимающихся российско-французскими отношениями, историей XIX века и проблемами культурной рецепции. Междисциплинарный характер работы может привлечь также литературоведов и политологов.

Статья соответствует тематике журнала и вносит вклад в изучение истории международных отношений и общественной мысли. Несмотря на указанные недостатки, работа демонстрирует научную новизну и методологическую состоятельность.

Рекомендую принять статью к публикации при условии расширения источниковой базы за счет включения архивных материалов или периодики XIX века, а также углубления анализа восприятия Наполеона III.

Представленная статья «Два императора – две эпохи. Взгляд из России на личность и политику Наполеона Бонапарта и Наполеона III: сравнительный анализ» является значимым шагом в изучении восприятия французских императоров в России. Автору удалось совместить исторический и культурный анализ, предложив свежий взгляд на известные события. Доработка с учетом замечаний позволит усилить научную ценность работы и расширить её аудиторию.

Genesis: исторические исследования

Правильная ссылка на статью:

Селезnev A.B. Изменение правового положения енисейского казачества в XVII – начале XX веков // Genesis: исторические исследования. 2025. № 4. DOI: 10.25136/2409-868X.2025.4.73615 EDN: TNESZN URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=73615

Изменение правового положения енисейского казачества в XVII – начале XX веков

Селезnev Андрей Валерьевич

ORCID: 0000-0002-8213-1746

кандидат исторических наук

старший преподаватель; кафедра Истории и политологии; Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования "Красноярский государственный аграрный университет"

старший преподаватель; кафедра Истории России, мировых и региональных цивилизаций; Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования "Сибирский федеральный университет"

660049, Россия, Красноярский край, г. Красноярск, ул. Сурикова, д. 6, кв. 34

✉ seleznev.andrey.val@gmail.com

[Статья из рубрики "Социальная история"](#)

DOI:

10.25136/2409-868X.2025.4.73615

EDN:

TNESZN

Дата направления статьи в редакцию:

08-03-2025

Дата публикации:

10-04-2025

Аннотация: Автор подробно рассматривает вопросы изменения правового положения енисейского казачества в период с начала XVII века до конца первой четверти XX века. Объектом исследования является казачество Приенисейского края Восточной Сибири (енисейское казачество) в XVII – начале XX веков. Предметом данного исследования выступает эволюция правового статуса енисейского казачества в период с появления первых казачьих отрядов в Приенисейском крае (начало XVII века) до объявления на Первом съезде енисейских казаков Красноярского казачьего дивизиона Енисейским

казачьим войском (25 мая 1917 г.). Теоретико-методологической основой настоящего исследования стали принципы исторического материализма и системного подхода к изучению исторических явлений. Автором были использованы как общенаучные методы исследования, так и специальные исторические (периодизации, историко-генетический, историко-системный и историко-сравнительный) и юридические (сравнительно-правовой) методы исследования. Новизна исследования заключается в том, что выделены исторические этапы изменения правового положения енисейского казачества в дореволюционный период отечественной истории, выявлены общие черты и различия в юридическом статусе енисейских казаков по сравнению с казаками Сибирского и Забайкальского казачьих войск, а также с российским крестьянством. Полученные результаты могут быть использованы для создания учебного пособия по дисциплине «История казачества Красноярского края». Автор приходит к следующим выводам: Енисейское казачество как обособленная территориальная сословная группа населения формируется с начала XVII века исключительно как служивая категория населения, находящаяся на содержании государства, обладающая правами и привилегиями, несущая обязанности, установленные государством для решения задач по расширению территориальных владений России в Сибири и на Дальнем Востоке, поддержанию контроля над приобретенными территориями. Енисейское казачество никогда не переживало этап вольного казачества, как группы казачьего населения Европейской части России. В истории енисейского казачества были выделены четыре периода, в течении которых менялось правовое положение енисейского казачества.

Ключевые слова:

енисейские казаки, правовой статус, служивые люди, городовые казаки, иррегулярные войска, полицейские функции, конный казачий полк, конная казачья сотня, конный казачий дивизион, Енисейское казачье войско

Введение.

Актуальность темы исследования. С начала 1990-х годов в России и в Красноярском крае активно проводится государственная политика по поддержке российского казачества, возрождение традиционного уклада жизни граждан, которые идентифицируют себя с этой социальной группой и стремятся поступить на военную и гражданскую государственную службу в качестве представителей этого сообщества.

Безусловно, за прошедшие тридцать пять лет правовой статус российского казачества уже сформировался посредством создания системы нормативно-правовых актов как федерального, так регионального уровня. Особенностью современного правового регулирования деятельности российского казачества является унификация подходов к правовому регулированию, создания единой российской казачьей общности.

Однако, споры по вопросам о роли и места казачества в российском социуме, о принципах взаимодействия российского казачества с государством, а главное, о необходимости учета исторически сложившихся региональных особенностей формирования отдельных групп казачества по-прежнему являются предметом общественно-политического дискурса.

Самоидентификация современных территориальных групп российского казачества, как исторически сложившихся, территориально обособленных мужских военизированных формирований, находящихся на службе российского государства, в определенной

степени входит в противоречие с государственной политикой по унификации социально-правового статуса российского казачества. Данное обстоятельство актуализирует необходимость научного осмысления исторического опыта по правовому регулированию жизни и деятельности российского казачества в целом, а главное отдельных территориально обособленных казачьих общинностей, влияния российского законодательства на их правовое и социальное положение.

Формирование енисейского казачества как региональной группы служивых людей начинается в начале XVII века с проникновением русских охотников и промышленников в бассейны рек Таза, Турухана и устье Енисея, основания в 1601 года Мангазеи, в 1607 года – Туруханского зимовья, 1619 года – Енисейского острога. Освоение северных территорий современного Красноярского края осуществлялось при непосредственном участии вооруженных отрядов казаков, которые создавались из остатков дружины казацкого атамана Ермака Тимофеевича, различных выходцев («охотников») из европейской части Русского царства и даже местного населения («местных инородцев») для охраны российских военных форпостов («острожков») [\[1, с. 336\]](#).

На протяжении XVII и XVIII веков нормы права, регулировавшие порядок службы и социально-правового положения казаков в Азиатской части Российского государства, распространялись на все территориальные группы сибирских городовых, «острожных» казаков.

Однако, в первой половине XIX века происходит правовое обособление казаков западносибирских пограничных линий от городовых групп казацкого населения Сибири. Об этом свидетельствует издание Высочайше утвержденных Положения о Сибирском линейном казачьем войске от 19 августа 1808 года, действие которого распространялось на казаков Иртышской, Ишимской и Колывано-Кузнецкой пограничных линий [\[2, с. 78\]](#), и Устава о сибирских городовых казаках от 22 июля 1822 года, регулировавшего службу городовых казаков Тобольской, Томской, Енисейской, Иркутской губерний, Якутской области и Охотского края (*Высочайше утвержденный Устав о сибирских городовых казаках: 22 июля (3 августа) 1822 г. // Полное собрание законов Российской империи. [Собрание 1-е]. – [СПб], 1830. – Т. 38. – № 29131. – С. 532. (далее – Устав о сиб. город казаках от 22.07.1822 г.).*

Утверждение 4 января 1951 года императором Николаем I Положения об Иркутском и Енисейском казачьих конных полках привело к установлению особого правового положения иркутского и енисейского казачества, выделению их уже из территориальной казацкой общности Сибири (*Высочайше утвержденное положение об Иркутском и Енисейском казачьих конных полках (№ 24796, 4 января 1851) [Текст] // Полное собрание законов Российской империи, с 1649 года: [Собрание 2-е]. – СПб: Тип. 2-го Отд-ния Собств. ее императ. величества канцелярии, 1830–1885. – Т. 26. Отделение 1-е: 1851. – № 24781–25593. – 1852. – С. 8. (далее – Положение об Иркут. и Ен. каз. кон. полках от 04.01.1851 г.).*

Формирование в XIX – начале XX веках особого порядка управления енисейским казачеством, стремление енисейских казаков в 1917–1918 годах создать Енисейское казацкое войско [\[3, с. 19\]](#) и уравнять свой правовой статус с Сибирским и Забайкальским казачьими войсками ставит перед современными исследователями ряд проблемных вопросов. Почему сформировалась отдельная система правового регулирования деятельности енисейского и иркутского казачества? Как изменилось правовое положение енисейского казачества на протяжении XVII – начала XX веков? Чем

обусловлено стремление енисейского казачества получить статус отдельного казачьего войска?

Степень и уровень научной разработанности темы. Проблемы создания и функционирования казачьих войск и отдельных территориальных казачьих подразделений, социального положения казачьего населения, взаимоотношения казаков и российской власти стали предметом изучения довольно широкого круга научных исследований. Однако для большинства научных работ, в которых разрабатываются указанные темы, характерно игнорирование правовой стороны затрагиваемых вопросов, в лучшем случае дано их фрагментарное рассмотрение.

Исследования, которые сосредоточились в последнее время на историко-правовом анализе проблем эволюции социального и юридического положения российского казачества и его отдельных территориальных групп, значительно разнятся по территориальным и хронологическим границам. Также можно отметить, что предметом сравнительного анализа в этих научных работах становятся как различия правового статуса отдельных социальных групп внутри казачьего сословия, так и различия правового статуса казаков и социально близкого к ним крестьянства.

К научным исследованиям, которые рассматривали вопросы правового положения российского казачества в целом, относятся публикации П. Д. Крюкова [\[4; 5\]](#), М. И. Левицкой [\[6\]](#), Г. О. Мациевского [\[7\]](#), В. В. Дзюбан [\[8\]](#), Е. А. Абакумовой [\[9\]](#).

Проводя историографический разбор проблемы правового положения российского казачества в 1917 – начале 1918 годов П. Д. Крюков обратил внимание на то, что большинство исследователей сосредоточились на изучении сословных противоречиях между казачьим населением и иными социальными группами населения, прежде всего крестьянством, в то время, как в данный период были весьма сильны социальные противоречия внутри казачьего сословия, вызванные, в том числе, особенностями правового регулирования социального положения казачества. П. Д. Крюков обращает внимание на острые социальные противоречия, возникавшие между станичниками, не принимавшими участие в боевых действиях на фронтах Первой Мировой войны, и возвратившимися казаками-фронтовиками, что привело к радикализации настроений в казачьей среде [\[4, с. 94\]](#).

Исследователь Г. О. Мациевский рассматривал проблему изменения правового положения российского казачества через изучение процесса огосударствления вольных казачьих обществ. Он выделил три этапа во взаимоотношениях Российского государства и российских казаков.

Первый этап (конец XVI – начало XVII вв.) характеризуется формированием «вольных» казачьих сообществ в устьях рек Дон, Днепр, Яик, Терек. В этот период взаимоотношения Русского государства и казаков строились на взаимовыгодном сотрудничестве и оформляются договорными отношениями.

Второй этап (XVII в.) – характеризуется постепенной интеграцией казаков в систему государственного управления, посредством выплаты жалования отдельным группам, превращения их в служивых людей по прибору, и как следствие утраты казаками различных вольностей и самоуправления. Этот процесс заканчивается к концу XVII века с переходом основной массы казаков на государственную службу.

Третий этап (XVIII – начало XIX вв.) стал периодом окончательного подчинения казачества Российскому государству, в котором происходит становление системы

правового регулирования жизни российского казачества. В это время, по мнению исследователя, начинает формироваться социальная дифференциация казачества, обусловленная нормами российского права – на высшие военные чины распространялись права и преимущества российского дворянства, а основная масса казачьего населения сближалась с тягловыми сословиями [\[7\]](#).

В своем исследовании Е. А. Абакумова выделяет следующие этапы правового регулирования военной службы и сословного состояния российского казачества:

с XVIII – первой половины XIX в. – формирование казачьего сословия, создание системы правовой регламентации прав и функций российского казачества, юридическая интеграция казачьих войск в единую управленческую вертикаль Российской империи;

вторая треть XIX в. – ликвидация автономности и самоуправления казачьего населения, подчинение казачества распорядительным указаниям военного ведомства, установление законодательных запретов на вступление и выхода из казачьего сословия, создание правовых механизмов приобретения офицерскими казачьими чинами правового статуса российского дворянства;

последняя треть XIX в. – сокращение сроков военной службы казачьего населения, определенное сближение правовых норм, регламентирующих воинскую повинность казаков и других сословий [\[9, с. 44, 46\]](#).

Доктор исторических наук В. В. Дзюбан в своей научной статье утверждает, что процесс эволюции казачества, обладавшего элементами государственности и находившегося в стадии этногенеза в XVI –XVIII веках, в военно-служилое сословие Российской государства в период со второй половины XIX до начала XX века, является процессом «расказачивания». Исходя из утверждения автора, что «казачество постепенно в течение двух столетий превратилось из этноса в военно-служебное сословие, сохранившее свои этнические культурные и иные характеристики» [\[8, с. 4\]](#), можно предположить, что процесс государственного «расказачивания» российского служивого сословия в определенной мере должен был сопровождаться ассимиляцией этой этносоциальной общности. При этом остается открытым вопрос, как тогда необходимо расценивать процессы перевода части казаков в Сибири в солдаты или крестьянское сословие в XVIII и XIX веках: как продолжение политики государственного рассказачивания или требуется иное объяснение данных действий правительства.

В новейшее время выходит ряд исследований, посвященных изменению правового положения обособленных территориальных казачьих сообществ. Предметом исследования становятся «традиционные» донские, кубанские, астраханские казачьи сообщества.

В 1983 году опубликована научная статья Н. А. Мининкова, посвященная проблемам сословно-правовое положение донского казачества в XVII веке [\[10\]](#). В 2000 году успешно защищено диссертационное исследование М. С. Савченко по проблеме правового положения кубанского казачества в конце XVIII – начале XX в. [\[11\]](#). В 2003 году выходит в свет монография О. Б. Герман по вопросам правового положения донского, кубанского и терского казачества в 1861–1920 годы [\[12\]](#). На основе этого исследования в 2004 году О. Б. Герман успешно защитила диссертацию на соискание ученой степени доктора юридических наук [\[13\]](#). А в 2008 году появилось диссертационное исследование Ю. В. Подосинникова, рассматривающее проблемные

вопросы правового положения астраханского казачества [\[14\]](#).

Вопросы правового положения енисейского казачества в XVIII – начале XIX века нашли свое отражение в монографии Г. Ф. Быкони, освещющей проблемы формирования казачьего сословия и его положения в сословной структуре служебного населения Восточной Сибири в указанный период [\[15\]](#).

Исследование А. С. Зуева по вопросу проведения штатной реформы сибирского казачества 1737 года дает богатый исторический материал по вопросу сокращения в XVIII веке сибирских казачьих городовых команд, в том числе в Енисейской провинции [\[16\]](#).

Научная статья А. И. Коновалова, посвященная проблемам правовой регламентации сословного положения городовых казаков Сибири, в том числе затрагивает вопросы правового статуса енисейских казаков во второй четверти XIX века [\[17\]](#).

В докладе В. Г. Дацышена рассматривались государственные проекты конца XIX – начала XX вв. по наделению казаков Енисейской губернии правовым статусом отдельного казачьего войска или присоединения енисейских казаков к Сибирскому казачьему войску [\[18\]](#).

Появление диссертационных исследований Г. И. Романова (1996 г.) [\[19\]](#), А. Е. Богуцкого (2007 г.) [\[20\]](#), М. Г. Тарасова (2010 г.) [\[22\]](#) по истории енисейского казачества актуализировало вопрос о его правовом положении. При этом необходимо отметить, что указанные диссертационные исследования, а также научные публикации, в которых были представлены результаты этих исследований [\[21; 23\]](#), затрагивают вопросы правового статуса енисейского казачества лишь в контексте служебного и социально-экономического положения казачьего населения Енисейской губернии в относительно короткий исторический период конца XIX – начала XX веков.

Зарубежные исследователи казачества в основном сосредоточились на темах взаимодействия отдельных территориальных групп с Российским государством, их роли в осуществлении имперской политики и освоении новых территорий.

В книге Брайана Дж. Бека (Brian J. Bock) «Границы империи: казачьи общины и строительство империи в эпоху Петра Великого» исследуется роль донских казаков в процессе имперского строительства в эпоху Петра I. Автор рассматривает эту территориальную общину как важный элемент расширения границ Российского государства, и его взаимодействия с Османской империей [\[37\]](#).

Монография Томаса М. Барретта (Thomas M. Barrett) «На краю империи: терские казаки и северокавказская граница, 1700–1860 гг.» посвящена исследованию специфической роли терских казаков на Кавказе, и их взаимодействию с местным населением [\[38\]](#).

Опубликованное издательством Манчестерского университета в 2007 году исследование Шейна О'Рурка (Shane O'Rourke) о казачьей культуре и обществе охватывает широкий исторический период от средневековья до наших дней [\[39\]](#).

Уиллард Сандерленд (Willard Sunderland), рассматривая в своем исследовании процесс колонизации и освоения российских степей, обращает свое внимание на важную роль казаков в этом процессе [\[40\]](#).

Анализ научных публикаций по вопросу правового положения енисейского казачества в XVII – начале XX веков показал отсутствие комплексных исследований по данной теме. Проблемные вопросы «расказачивания» енисейских казаков в первой половине XVIII и во второй половине XIX века, которые нашли свое отражение в отдельных исследованиях, на наш взгляд, раскрыты вскользь, без должной научной рефлексии по поводу причин и последствий процесса административного сокращения численности казаков в Приенисейском крае.

Актуальность темы исследования и её явно недостаточная разработанность требуют дальнейшего научного рассмотрения вопроса изменения правового положения енисейского казачества в XVII – начале XX вв.

Объект и предмет исследования.

Объектом нашего исследования является казачество Приенисейского края Восточной Сибири (енисейское казачество) в XVII – начале XX веков. Под Приенисейским краем мы понимаем территорию, которая находится на момент исследования в пределах административно-территориальных границ Красноярского края, Республики Хакасия и Республики Тыва, которые в изучаемый период составляли территорию Енисейской губернии.

Предмет исследования – эволюция правового статуса енисейского казачества в период с появления первых казачьих отрядов в Приенисейском крае (начало XVII века) до объявления на I съезде енисейских казаков о преобразовании Красноярского казачьего дивизиона в Енисейское казачье войско (25 мая 1917 г.).

Цель и основные задачи исследования. Исходя из научной и практической значимости темы исследования, степени и уровня ее разработанности, автор ставит перед собой цель исследовать изменение правового положения енисейского казачества в XVII – начале XX веков.

Для достижения поставленной цели необходимо решить следующие задачи:

- определить исторические этапы, в которых происходили изменения законодательства Российской государства, регулировавшего правовое положение енисейского казачества в XVII – начале XX веков;
- проанализировать влияние российского законодательства на изменение правового положения енисейского казачества в XVII – начале XX веков;
- дать сравнительную характеристику правового положения енисейского казачества и казаков Сибирского казачьего войска;
- исследовать особенности прохождения службы и социального положения казачьего населения Приенисейского края и закрепления их в нормативно-правовых актах Российской государства в XVII – начале XX веков.

Методы и материалы.

Теоретико-методологической основой настоящего исследования стали принципы исторического материализма и системного подхода к изучению исторических явлений. Автором были использованы как общенакучные методы исследования, так и специальные исторические и юридические методы исследования.

Общенакучный метод анализа был использован для подбора и изучения библиографии и

исторических источников по теме исследования. Фактический материал подвергся тщательному анализу с учетом хронологии событий, их содержания и необходимости получения достоверной информации из имеющихся источников.

При проведении нашего исследования были использованы следующие специальные исторические методы исследования: периодизация, историко-генетический, историко-системный и историко-сравнительный. Метод периодизации позволил выявить исторические периоды развития системы нормативно-правового регулирования деятельности енисейского казачества и изменения его правого положения в выявленных хронологических границах. Историко-генетический метод помог выявить закономерности изменения правого положение енисейского казачества в рамках всего исследуемого периода. Историко-системный метод был использован для установления связей между демографическим, социально-экономическим положением казачьего населения Приенисейского края с задачами и интересами Российского государства и правовым регулированием жизни этого военного сословия. Благодаря историко-сравнительному методу были выявлены общие черты и различия между правовым положением казаков Сибирского казачьего войска и енисейских казаков.

С помощью сравнительно-правового метода, как специального метода юридических исследований, были проанализированы изменения норм права, устанавливающих сословный статус енисейского казачества в разные периоды времени (острожнои службы, городовых и станичных казаков, казачьего полка, сотни и дивизиона).

В ходе исследования были использованы:

нормативно-правовые акты, регулировавшие правое положение енисейского казачества;

делопроизводительная документация органов и должностных лиц, осуществлявших управление казачьим населением и казаками, находящимися на государственной службе;

статистические и справочные материалы, связанные с казачьим населением Приенисейского края.

Результаты.

Освоение Приенисейского края начинается в конце XVI века «русскими промышленниками», которых привлекало обилие пушнины. Московское правительство, стремясь установить контроль над процессом освоения новых земель и сбора ясака в Восточной Сибири в пользу Царя и государя всея Руси, и не допустить самовольного обложения местного населения со стороны промышленников и охочих людей, организует военные экспедиции служивых людей в северную часть бассейна реки Енисей [\[24, с. 3\]](#).

В 1600 году по инициативе Сибирского приказа первый отряд казаков под руководством письменного головы князя Шаховского вышел из Тобольска с 150 казаками, достиг берега реки Таза с 60 казаками, где и заложил острог Мангазея в 200 верстах от устья реки, между речками Осетровкой и Ратилюхой [\[24, с. 3\]](#). За несколько лет до основания Мангазеи (по данным А.И. Кытманова [\[25, с. 4\]](#)), по другим данным в 1602 году (Е. Русакова [\[26\]](#)) группа казаков основала на реке Кеть Кетский острог, казачий гарнизон которого сыграл определенную роль в колонизации Приенисейского края.

Тем самым, енисейское казачество как территориально обособленная социальная группа начинает формироваться в начале XVII века исключительно по инициативе центрального

правительства Русского царства. Группа енисейских казаков формировалась как посредством «прибора» казаков на Государеву службу из северных регионов Европейской части России [27, с. 231], так направлением годовальщиков из городовых гарнизонов Тобольского уезда [28].

Процесс формирования казачьего сообщества в Приенисейском крае в единую социальную группу растянулось на два столетия с начала XVII и до первой четверти XIX веков. В этот период времени разрозненные группы казаков, функционировавшие как вооруженные команды острогов, скорее были конкурирующими группами, которые не имели общих интересов, и у них отсутствовала самоидентификация как особой общности. Между казаками разных острогов постоянно возникали споры и даже вооруженные столкновения по вопросу территориального разграничения контроля над ясачным населением Сибири и соответственно за право сбора с них ясака, а также по вопросу выплаты хлебного и денежного содержания от государства. Письменные источники зафиксировали постоянные конфликты по этому поводу между казаками Кетского и Мангазейского [25, с. 4-5; 29, с. 23-24, 216-217], Енисейского и Красноярского [30, с. 336-337; 31, с. 21] острогов.

Правовое положение енисейских казаков, как служивых людей, в XVII – XVIII века определялось 32 статьями VII главы Уложения 1649 года «О службе всяких ратных людей Московского Государства», а также иными статьями Уложения, в которых были зафиксированы права и обязанности казаков, их социальный статус (Уложение 1649 г. [Текст] // Полное собрание законов Российской империи, с 1649 года: [Собрание 1-е: по 12 декабря 1825 г.]. – СПб. : Тип. 2-го Отд-ния Собств. ее императ. величества канцелярии, 1830-1851. – Т. 1: с 1649 по 1675: От № 1 до 618. – 1830. – С. 1-161. (далее – Уложение 1649 г.).

Правовой анализ норм VII главы Уложения показывает, что российское законодательство установило общие нормы прохождения Государевой службы для всех ратных людей, тем самым порядок военной службы казаков, их права и обязанности на Государевой службе были одинаковы со всеми иными служивыми чинами. Поступив на Государеву службу, казаки могли рассчитывать на денежное содержание, приобретали право на постой и прокорм, на них распространялись общие правила о наказаниях за проступки и преступления, которые могли совершить служивые люди на Государевой службе (Уложение 1649 г., с. 8-14).

В тоже время, иные нормы Уложения 1649 г. явно указывают на особый социальный статус казаков, значительно отличающийся от разных служивых чинов и тяглового населения.

Так, в соответствии со статьей 266 Главы X «О суде» казаки по делам о выплате долговых обязательств уравнены с пушкарями, затинщиками (название прислуги при затинских пищалях [1, с. 491]) и иными нижними служивыми чинами и тягловыми людьми. Если дворяне, дети боярские и стрельцы были отнесены к старшим служивым чинам, которые при невозможности оплатить кабальные или исковые деньги, освобождались от передачи истцу головой, то казаки, как и остальные низшие служивые чины, выдавались истцам в работники до выплаты всего долга. При этом было определено, что один год работы на истца будет оцениваться в 5 рублей для мужского пола и в «поптрестья» рубля для женского полу (Уложение 1649 г., с. 59).

В тоже время, в соответствие со статьей 11 Главы XIX «О посадских людях» если казаки,

так же как стрельцы и драгуны начинали заниматься торговым промыслом и открывали лавки, то обязаны были уплачивать таможенные пошлины, а с лавок оброк. Однако, у них не возникала обязанность платить тягло и осуществлять тягловую службу вместе с посадскими людьми. При этом, в соответствие со статьей 12 этой же главы иные нижние служивые чины (пушкари, затинщики и воротники, казенные кузнецы и плотники), в случае открытия торгового промысла, обязаны были вместе с посадскими людьми платить тягло и нести тягловую службу или продать свои лавки (*Уложение 1649 г., с. 110*). Тем самым в данной конкретной ситуации социально-правой статус казаков значительно выше иных нижних служивых чинов.

О социально-правовом положении казаков свидетельствуют нормы, регулировавшие вопросы выкупа пленных. Так в соответствии со статьей 1 Главы VIII «О искуплении пленных» казаки, также как иные служивые люди (стрельцы, пушкари, затинщики, воротники, казенные плотники и кузнецы) были обязаны ежегодно уплачивать в Посольский приказ две деньги со двора для выкупа пленных. В это же время различные категории жителей городов и крестьян были обязаны ежегодно уплачивать четыре деньги со двора (*Уложение 1649 г., с. 13*). Это свидетельствует, о том, что казаки, хотя и не были освобождены от уплаты полонных денег, как старшие служивые чины, но имели особую льготу в их уплате по сравнению с тягловыми сословиями.

Согласно статьям 2–7 указанной главы Уложения выделялось шесть категорий населения, за которых Посольский приказ выплачивал определенный размер выкупа из Турецкого и Крымского пленя:

дворяне и дети боярские, взятые в плен в бою – по 20 рублей со ста четвертей земельного поместного оклада служивого человека;

дворяне и дети боярские, попавшие в плен не в бою и не в посылках – по 5 рублей со ста четвертей земельного поместного оклада служивого человека;

московские стрельцы – 40 рублей за человека;

стрельцы и казаки украинных городов – 25 рублей за человека;

посадские люди – 20 рублей за человека;

пашенные крестьяне и боярские люди – 15 рублей за человека (*Уложение 1649 г., с. 13–14*).

Данные нормы законодательства указывают, что казаки не являлись тягловым сословием, но в иерархии служивых чинов находились на самом последнем месте.

Согласно статье 50 Главы XVI «О поместных землях», казакам было запрещено продавать или сдавать свои казачьи вотчинные земли (*Уложение 1649 г., с. 82*), то есть российское законодательство учитывало, что казаки могут иметь наследуемые земельные участки, правовой статус которых приравнивался к поместному землевладению. Указанная норма российского законодательства уравнивала казаков, владеющих вотчинными землями, с поместным дворянством и детьми боярскими.

Также необходимо обратить внимание на Главу XXIV «Указ об Атаманах и казаках», которая выделяла казаков в отдельную социальную группу по вопросам судебного возмещения нанесенного бесчестия и материального ущерба (*Уложение 1649 г., с. 156–157*).

Весьма показательно, что российское законодательство, рассматривало службу казачьих

Голов, Сотников и Атаманов в Сибирских городах как службу «по челобитью, а в неволю». Поэтому в соответствии со статьей 68 Главы XVIII «О печатных пошлинах» Печатному приказу было предписано, при изготовлении Государевых грамот на назначение служивых людей на указанные казачьи должности в сибирские города, брать с них печатные пошлины. Размер такой пошлины приравнивался к пошлине, которую собирали с губных старость и городовых приказчиков, – по 1 рублю с лица (Уложение 1649 г., с. 108).

Анализ всех приведенных правовых норм показывает, что Уложение 1649 г. выделяет казаков в отдельный служивый чин. При этом социально-правое положение казаков весьма нестабильно и неоднозначно. По вопросам земельного владения казаки приравнены к поместному дворянству. В остальных случаях они отнесены к категории нижних служивых чинов, несущих различные, не только военные обязанности перед государством. В целом казаки не относятся к тягловым сословиям. При этом, в случае необходимости возмещения кабальных и исковых денег, они теряли личную свободу на срок необходимый для возмещения долговых обязательств.

Кроме установления сословных прав и обязанностей в общегосударственном законодательстве, действенным механизмом регулирования правового положения енисейского казачества, как впрочем, и всех служивых сословий Сибири, становится институт верстания на службу, к которому необходимо отнести установление Штатов служивых людей и порядка верстания их на государеву службу.

Сложная процедура челобития и верстания на службу в казаки, сложившаяся к XVIII веку, предполагала запись на службу исключительно на имеющиеся вакансии в Штатах, открывшиеся вследствие смерти или отставки по старости иувечьям поверстного казака (в убылой оклад). При этом верстание в казаки вольных промышленников, разночинцев и иных охочих людей допускалось только в том случае, если отсутствовали дети, братья, племянники и иных родственники, ранее поверстанных на службу казаков (*Наказные статьи Нерчинскому воеводе. Об управлении казенными, земскими и военными делами от 5 января 1701 г. [№ 1822] [Текст] // Полное собрание законов Российской империи. [Собрание 1-е. С 1649 по 12 декабря 1825 г.]. – СПб.: Тип. 2-го Отд-ния Собств. Е.И.В. канцелярии, 1830. – Т. 4: 1700-1712: [№ 1740-2619]. – 1830. – С. 101. (далее – Наказ. статьи) [36, с. 2]*). По сути дела, этот правой обычай, превратившийся в норму закона, был направлен на то, чтобы обеспечить гарантированное устройство на службу представителей именно казачьего сословия.

В XVIII – начале XIX веков отмечается тенденция снижения, как штатной, так и фактической («на лицо») численности енисейских казаков, поверстанных на государственную военную службу (Рисунок 1). При этом, исходя из имеющихся данных, прослеживается зависимость снижения штатной численности с фактическим («на лицо») недобором поверстанных казаков.

Рисунок 1. Динамика численности поверстанных казаков в уездах Енисейской провинции Сибирской губернии XVIII – начале XIX веков.

Данные, указанные на рисунке 1 составлены по: Приложение 1. Таблица 25. Динамика численности верстанного казачества в Восточной Сибири в XVIII – нач. XIX вв. // Быкня Г. Ф. Казачество и другое служебное население Восточной Сибири в XVIII – начале XIX века (демографо-сословный аспект): монография / Г. Ф. Быкня; Краснояр. гос. пед. ун-т им В. П. Астафьева. Красноярск, 2007. С. 323.

В связи с этим, можно сделать вывод, что постоянное снижение штатной численности поверстанных на государственную службу казаков в XVIII – начале XIX веков является, скорее, следствием необходимости приведения Штатов к реальным возможностям мобилизовать на службу казачьей народности Енисейской провинции, чем спланированной государственной политикой по расказачиванию населения Сибири. В то же время, нельзя забывать о постоянном стремлении государства снизить издержки на денежные и хлебные оклады, выделяемые на содержание служивых людей, в том числе казаков, что также было мотивом для сокращения Штатов служивых людей, которым это

жалование полагалось.

При этом необходимо отметить, что две штатные реформы 1725 и 1737 годов можно охарактеризовать именно как политику «мягкого» расказачивания. Сокращение Штатов поверстанных казаков в эти годы были связаны со стремлением правительства привлечь казачье население к формированию регулярных воинских частей, и этот процесс сопровождался переводом казаков в иное сословное состояние.

Так, к 1925 году в подушный оклад были записаны 8182 казака, отнесенные к штатным (поверстанным), отставным и неверстанным категориям казачьего населения (Таблица 1). Фактически они были переведены в тягловое сословие, обремененное рекрутской повинностью, и утратили свой статус иррегулярного военно-служивого сословия. Конечно, в случае их рекрутского набора на службу, они снова причислялись к иному военному сословию (солдатам).

Таблица 1. Количество штатных, отставных и неверстанных казаков, которые были записаны в подушный оклад до Указа 1925 года

Категории казаков	Количество казаков				по Енисейской провинции в целом	
	по уездам			Красноярский		
	Мангазейский	Енисейский				
Конные казаки	0	12	2919		2931	
Пешие казаки	118	267	376		761	
Беломестные казаки	0	123	22		145	
Отставные казаки	10	82	88		180	
Казачьи дети	172	1250	2743		4165	
			ИТОГО:		8182	

Сост. по: Приложение 1. Таблица 24. Состав неверстанных, отставных и части штатных служилых людей с семьями в Восточной Сибири, записанных в подушный оклад до указа 1725 г. // Быконя Г. Ф. Казачество и другое служебное население Восточной Сибири в XVIII – начале XIX века (демографо-сословный аспект): монография / Г. Ф. Быконя; Краснояр. гос. пед. ун-т им В. П. Астафьева. Красноярск, 2007. С. 322.

Штатная реформа 1737 года, проведенная с целью формирования в Сибири дополнительного драгунского полка и пехотного батальона в Сибири, затронула, прежде всего, штатных казаков. В солдаты должны были быть переведены 297 поверстанных казаков (Таблица 2), что составляло 26,83 % от их штатной численности. В ходе этой реформы казаки, переведенные в солдаты, сохранили свое отношение к военному сословию, но перестали быть казаками.

Таблица 2. Число штатных казаков Енисейской провинции Сибирской губернии переведенных в солдаты драгунского полка и пехотного батальона в 1737–1738 гг.

Городовые команды Енисейской провинции	По штату на 1735 г. положено*	По спискам состоит в 1735 г	Положено взять в полк и батальон	По штатам 1737 г. положено	Взято в полк и батальон к июлю 1738 г. (по	Взято в полк и батальон (по данным Г.Ф.
--	-------------------------------	-----------------------------	----------------------------------	----------------------------	--	---

					данным А.С. Зуева)	Быкона)
Мангазея						
казаки конные	0	0	0	0		
казаки пешие	130	130	34	96	0	34
Енисейск						
казаки конные	100			72		
казаки пешие	200	300	81	147	89	81
Красноярск						
казаки конные	300			219		
казаки пешие	377	677	182	276	180	182
Всего						
казаки конные	400					
казаки пешие	707					
Итого:	1107	1107	297	810/874**	269	297

* Штатная численность на 1735 г. по данным А. С. Зуева.

** Штатная численность на 1737 г. по данным Г. Ф. Быкона.

Сост. по: Приложение 1. Таблица 17. Число штатных казаков взятых по Восточной Сибири в солдаты в 1737 г // Быкона Г. Ф. Казачество и другое служебное население Восточной Сибири в XVIII – начале XIX века (демографо-сословный аспект): монография / Г. Ф. Быкона; Краснояр. гос. пед. ун-т им В. П. Астафьева. Красноярск, 2007. С. 315; Зуев А. С. Штатная реформа Сибирского казачества 1737 года // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия : История, Филология. 2007. Т. 6. № 1. С. 26.

В первой четверти XIX века происходит правое обособление енисейских казаков от казаков европейской части России, а также от казаков пограничных линий в Западной Сибири, прежде всего, по функциональному признаку.

19 августа 1808 года высочайше утверждается доклад Военного министра «О новом образовании Сибирского Линейного Казачьего войска с приложением штата и положения одной Казачьей Конноартиллерийской роты, из 12 орудий состоящей» (Высочайше утвержденный доклад Военного Министра «О новом образовании Сибирского Линейного Казачьего войска с приложением штата и положения одной Казачьей Конноартиллерийской роты, из 12 орудий состоящей» (№ 23.239 от 18 января 1808 г.) [Текст] // Полное собрание законов Российской империи, с 1649 года: [Собрание 1-е: по 12 декабря 1825 г.]. – СПб. : Тип. 2-го Отд-ния Собств. ее императ. величества канцелярии, 1830–1851. – Т. 30: с 1808 по 1809: [№ 22737–24063]. – 1830. – С. 537–543. (далее – Доклад Воен. Мин. от 18.01.1808 г.).

Согласно этому докладу, созданное 1617 году Сибирское Линейное Казачье войско, расположенное по пяти Верхне-Иртышским крепостям, а также по Колывано-Кузнецкой и Новой Ишимской пограничным линиям, преобразовалось в Сибирское Линейное Казачье войско в составе нормальных девяти пятисотенных полков и артиллерийской команды, расположенных по Иртышской, Тобольской и Ишимской линиях. Правовое положение этого казачьего войска будет урегулировано высочайше утвержденным Положением о Сибирском линейном казачьем войске от 5 декабря 1846 года (*Высочайше утвержденное Положение о Сибирском линейном казачьем войске (№20671 от 5 декабря 1846 г.)* [Текст] // Полное собрание законов Российской империи. Собрание 2-е. СПб. : Тип. 2-го Отд-ния Собств. ее императ. величества канцелярии, 1830-1885. – Т. 21 : 1846, отд-ние 2 : от № 20187-20767. – 1847. – С. 588-617. (далее – Положение о Сиб. лин. каз. войске от 05.12.1846 г.), введенного в действие с 6 декабря 1947 года Сенатским указом от 31 марта 1947 года (*О приведении в действие положения Сибирского линейного казачьего войска 6 декабря 1847 г. (№ 21055 от 31 марта 1847, Сенатский указ)* [Текст] // Полное собрание законов Российской империи. Собрание 2-е. – СПб. : Тип. 2-го Отд-ния Собств. ее императ. величества канцелярии, 1830-1885. – Т. 22 : 1847. – 1848. – С. 262. (далее – Сенатский указ от 31.03.1847 г.).

22 июля 1822 года высочайше утверждается Устав о сибирских городовых казаках, регулировавший службу городовых и станичных казаков Тобольской, Томской, Енисейской, Иркутской губерний, Якутской области и Охотского края (*Устав о сиб. город. казаках от 22.07.1822 г.*).

Согласно положениям Устава о сибирских городовых казаках все енисейские казаки делились на две группы: городовых в составе полков и станичных казаков.

В границах Енисейской губернии был сформирован один городовой казачий полк, состоящий из Красноярской, Енисейской и Туруханской городовых казачьих команд (*Устав о сиб. город. казаках от 22.07.1822 г., с. 532*).

Общая численность Енисейского городового казачьего полка была установлена штатным расписанием в количестве 571 человек (Таблица 3).

Таблица 3. – Штатная численность Енисейского городового казачьего полка, установленная Штатами казачьим полкам Сибири от 22 июля 1822 года

Наименование чинов (должностей)	Количество чинов (штатных единиц)	Размер годового жалования (оклада) каждому чину (штатной единице)
Полковой атаман в 9 классе	1	400 руб. 00 коп.
Сотники в 12 классе	5	270 руб. 00 коп.
Хорунжие в 14 классе	5	240 руб. 00 коп.
Пятидесятники (урядники)	18	36 руб. 00 коп.
Младшие управники		12 руб. 00

	28	коп.
Писари	7	24 руб. 00 коп.
Мастеровые	7	24 руб. 00 коп.
Казаки	500	6 руб. 00 коп.
На письменные дела Атаману	-	40 руб. 00 коп.
На письменные дела на 5 сотен	-	100 руб. 00 коп.
На содержание школ	-	600 руб. 00 коп.
Итого	571	8010 руб. 00 коп.

Сост. по: К № 29.131. 22 июля 1822. Высочайше утвержденные штаты казачьим полкам Сибири // Полное собрание законов Российской империи, с 1649 года: [Собрание 1-е: по 12 декабря 1825 г.]. – СПб : Тип. 2-го Отд-ния Собств. ее императ. величества канцелярии, 1830–1851. – Т. 43, Ч. 2: Книга штатов: продолжение отделения первого: Штаты военно-сухопутные (1822–1825). – 1830. – С. 199–200. (далее – Штаты 1822 г.).

К обязанностям енисейских городовых казаков были отнесены полицейские и хозяйствственные функции, функция замены иных казачьих команд в случае возникшей необходимости.

К полицейским функциям енисейских казаков были отнесены: ночные полицейские разъезды в городах; поимка беглых в городах и уездах; конвой казенных транспортов; пикеты и разъезды возле заводов и фабрик для предупреждения побегов ссыльных; сопровождение ссыльных на этапную дорогу и составление самой конной стражи на этапах; исполнение поручений полицейских чиновников; охрана Соляных озер; побуждение к оплате податей и недоимок по ним; выполнение за порядком на сельских и инородных ярмарках, а также в казенных поселениях; исполнение обязанностей квартальных надзирателей в малолюдных городах.

Выполняя хозяйственное функции, енисейские казаки были обязаны от имени казны развозить, хранить и продавать продовольствие в отдаленных северных территориях, собирать подати с инородцев, выполнять различные поручения по землемерной и строительной части на казенных заводах, фабриках и промыслах, и иные поручения при казенных заготовительных работах.

В порядке замен других казачьих команд енисейские казаки должны были: ходить в пограничные разъезды и караулы (там, где не создана отдельная пограничная стража); в караулы для охранения казенного имущества (там, где отсутствуют или малочисленные воинские команды); выполнять функции почтальонов и счетчиков казначейства при нехватке этих должностных лиц; по особым распоряжениям главного управления исполнять обязанности воинских команд внутренней стражи (Устав о сиб. город. казаках от 22.07.1822 г., с. 535).

В это же время казаки Сибирского линейного казачьего войска обязаны были нести воинскую службу на территории своих полков (местная воинская служба) или вне их пределов, в том числе в Киргизской степи (внешняя воинская служба). К обязанностям сибирских казаков относились: охрана Сибирской пограничной линии, которую занимало

войско, содержание таможенной стражи в Киргизской степи; защита Киргизских приказов от хищников, и исполнение при них полицейских функций; содержание военных постов и коммуникационных пикетов; составление летних резервов; обеспечение полицейского порядка на Томских золотых приисках; формирование нижними чинами Жандармской команды 8-го округа Корпуса Жандармов; заселять и защищать вновь создаваемые пограничные линии (*Положение о Сиб. лин. каз. войске от 05.12.1846 г.*).

Тем самым, на енисейских городовых казаков были наложены различные административно-хозяйственные, полицейские и военные обязанности, круг которых был намного шире, чем для военно-служивого казачества Западной Сибири. При этом большинство функций, возложенных на енисейских казаков можно отнести к административно-полицейским, в то время, как сибирские казаки в основном исполняли функции военного ведомства и пограничной стражи.

Система комплектования Енисейского городового полка предполагала, что на службу принимались исключительно дети мужского пола, рожденные в семьях енисейских городовых казаков и достигших 16 летнего возраста, а в случае возникшей нужды, то из детей станичных казаков. И только в особых случаях, когда возникала ситуация нехватки служивых людей, Гражданский губернатор для закрытия всех штатных вакансий мог привлечь к службе людей «свободных состояний» (*Положение о Сиб. лин. каз. войске от 05.12.1846 г., с. 537*).

При этом в Сибирском линейном казачьем войске штаты формировались не только из числа казачьих детей достигших 20 летнего возраста, но и приписанных к казачьему сословию населения сельских казенных поселений (5380 душ). Кроме того разрешалось принимать на казачью службу киргизов Сибирского ведомства, вольноотпущеных по узаконенным бесспорным актам, людей получивших свободу по окончательным решениям присутственных мест (*Положение о Сиб. лин. каз. войске от 05.12.1846 г., с. 2-3*).

Еще одной важной особенностью правового регулирования деятельности енисейского городового казачества является то, что оно не имело отдельной выделенной территории расселения. Если за Сибирским линейным казачьим войском закреплялась своя территория, с войсковым и местным управлением, на землях которых запрещалось селиться лицам, не принятых в казачество (*Положение о Сиб. лин. каз. войске от 05.12.1846 г., с. 1*), то енисейские городовые казаки обязаны были селиться в городах и уездах по месту службы совместно с иным населением данных административных образований. При этом енисейские казаки находились под полным гражданским управлением, и их наказной атаман самостоятельно не мог отменить распоряжения земского начальства, для этого ему необходимо было обращаться к Гражданскому губернатору *Устав о сиб. город. казаках от 22.07.1822 г., с. 536*.

Об интеграции енисейского казачества с остальными податными сословиями свидетельствует и то, что они не имели своего сословного суда, системы здравоохранения, а станичные казаки несли земские повинности в пределах своего места жительства (*Устав о сиб. город. казаках от 22.07.1822 г., с. 536, 540-541*).

Такие разные системы правового регулирования системы комплектации свидетельствует о намерении имперского правительства сократить штатную численность енисейского казачества, в то время, как оно же решало задачу по увеличению численности сибирского казачества. Это было связано с тем, что на сибирское казачество возлагались функции решения внешнеполитических задач и охраны государственных

границ, в то время, как енисейского казачество в XIX веке выполняло функции обеспечения внутреннего порядка на осваиваемых территориях.

Безусловно, принятие Устава о сибирских городовых казаках в 1822 году необходимо рассматривать как реализацию государственной политики по очередному уменьшению количества казаков, получающих денежное и материальное довольствие за службу, переводу части казаков исключительно на поземельное содержание.

Так, если по штатам 1820 года количество верстанного енисейского казачества составляло 733 человека, в том числе в Енисейском уезде – 88, Красноярском – 552, Мангазейском – 93 человека (Быкова, 2007 г.) [\[15, с. 323\]](#), то по штатам Енисейского городового полка 1822 года, численность городовых казаков была определена в 571 человек (Штаты 1822 г., с. 199). Штатная численность енисейских городовых казаков в 1822 году уменьшилась на 162 человека (22,1%) по сравнению с 1820 годом.

Появлению отдельной категории станичного казачества в ходе реформы 1822 года было связано как раз со стремлением снизить государственные издержки на содержание казаков, перевести «лишних» служивых людей за штат. Фактически станичные казаки Енисейской губернии – это служивые люди, которые оказались за штатом Енисейского казачьего городового полка. В эту категорию попали казаки Абаканской команды, казаки в отдаленных северных поселениях, а также те, кто, не попав на службу в полк, пожелали и дальше числиться казаками и составить отдельные казачьи поселения – станицы (Устав о сиб. город. казаках от 22.07.1822 г., с. 541).

Станичные казаки, в отличие от городовых штатных казаков, не получали денежного и натурального содержания от государства. Особый правовой статус станичных казаков, отделяющий их от крестьянства Енисейской губернии, заключался в том, что они выполняли дополнительные обязанности и получали за это определенные привилегии.

К обязанностям станичных казаков относились действия по: защите и охране от внешних и внутренних беспорядков местностей, где они проживали, содержанию пограничных пикетов, если они имелись в местах их проживания, участию в поимке беглых, оказавшихся на территории их проживания. Тем самым, станичные казаки самостоятельно осуществляли полицейские функции по отношению к казачьему населению, а также в отношении населения, которое проживала в ближайшей окрестности («дистанции»). При этом, на них возлагались, как на других поселян, местные повинности по ремонту местных дорог, постройке и содержанию домов для станичного управления и снабжения его канцелярскими товарами, предоставление подвод для нужд правления и для конвоирования преступников, предоставления постоя чинам, имеющим право на квартиру (Устав о сиб. город. казаках от 22.07.1822 г., с. 543), что сближало их правовое положение с тягловым сословием крестьян.

За исполнение своих обязанностей станичные казаки получали следующие выгоды: освобождение от всех государственных податей и денежных земских сборов; свободу промыслов и торговли, в том числе беспошлинной мены с народами, находящимися за границами государства; право на самоуправление, в том числе разрешение хозяйственных мелких споров внутри местного сообщества; гарантию сохранения количества земли посредством запрета излишнего подселения в станицы новых казаков, вышедших в отставку (Устав о сиб. город. казаках от 22.07.1822 г., с. 544).

В 1851 году изменяется правовое регулирование енисейского и иркутского казачества, происходит процесс правового выделения его из системы сибирского городового и станичного казачества, и передачи его из системы гражданского управления в ведение

Военного министерства.

Так, в соответствие с Высочайше утвержденным положением об Иркутском и Енисейском казачьих конных полках от 4 января 1851 года пятисотенный Енисейский городовой казачий полк был преобразован в шестисотенный Енисейский казачий конный полк (*Высочайше утвержденное положение об Иркутском и Енисейском казачьих конных полках (№ 24796, 4 января 1851 г.)* [Текст] // Полное собрание законов Российской империи, с 1649 года: [Собрание 2-е]. – СПб : Тип. 2-го Отд-ния Собств. ее императ. величества канцелярии, 1830-1885. – Т. 26. Отделение 1-е: 1851. – №24781-25593. – 1852. – С. 9. (далее – Положение от 04.01.1851 г.).

В Енисейский казачий конный полк были включены: казаки Енисейского городового полка (1276 душ); станичные казаки Саянской и Абаканской станиц (829 душ); государственные крестьяне 8 сельских поселений Красноярского округа и 1 сельского поселения Ачинского округа (всего 1286 душ) (К № 24796 от 4 января 1851 г. [Текст] // Полное собрание законов Российской империи, с 1649 года: [Собрание 2-е]. – СПб : Тип. 2-го Отд-ния Собств. ее императ. величества канцелярии, 1830-1885. – Т. 26. Отделение 2-е: 1851: Приложение: Штаты и табели. – 1852. – С. 4-5. (далее – Штаты 1851 г.). Общее количество енисейских казаков выросло в результате этой реформы до 3391 человека (Таблица 4).

Таблица 4. – Численность лиц, зачисленных в Енисейский казачий конный полк 4 января 1851 года

Категории населения, которые были зачислены в Енисейский казачий конный полк	Наименование населенных пунктов, в которых проживали лица, зачисленные в Енисейский казачий конный полк	Количество лиц, чел.
1	2	3
Казаки Енисейского городового полка	г. Красноярск	275
	Красноярский округ:	
	д. Торгашина	35
	д. Ботойская	7
	д. Чанчикова	23
	д. Челнокова	8
	д. Куваршина	2
	д. Татарская	8
	д. Миндерлинская	11
	д. Шестакова	1
	д. Тетерина	2
	д. Кубекова	5
	д. Коркина	18
	д. Солонешная	1
	д. Шуваева	9
	д. Седельникова	4
	д. Дрокина	2
	д. Крутая	3
	д. Еловая	5
	л. Бугачеева	9

д.	
д. Бирюсинская	5
д. Додонова	4
д. Минина	1
д. Базайская	1
д. Установа	1
д. Кантатская	5
д. Кускун	2
д. Ладейская	42
д. Березовская	2
д. Арейская	9
д. Частоостровская	3
займка Лукина	9
г. Минусинск	5
Минусинский округ:	
д. Куртатская	10
д. Кривошеина	11
д. Белытская	25
д. Тисинская	5
д. Старая	8
д. Светлобова	13
д. Прядчино	4
д. Сютинская	3
д. Ижульская	15
д. Какарева	3
д. Биричеково	1
д. Улазская	6
д. Батенево	9
д. Корелина	1
д. Усть-бейская	33
д. Иржинская	1
д. Сыдинская	1
д. Бузунова	46
д. Янова	28
селение Абакинское	16
селение Баранское	19
селение Милетское	4
г. Канск	34
Канский округ:	
д. Уярская	8
д. Ключевская	8
д. Малорыбинская	1
д. Глубокова	1
д. Малоингашинская	6
д. Ключинская	12
д. Аманашинская	2
д. Христорождественская	2
Троицкий солеваренный завод	32
г. Ачинск	5

	Ачинский округ:	
	д. Даурская	6
	д. Белтинская	7
	д. Лапатина	1
	д. Чернявкина	1
	конвойные этапы	16
	г. Енисейск	109
	Енисейский округ:	
	д. Казачинская	5
	д. Чадобская	4
	д. Пинчугская	7
	д. Яркино	1
	д. Ворогова	3
	д. Бедобшина	3
	д. Кежминская	2
	д. Петропавловская	1
	д. Яковлева	4
	Каменский винокуренный завод	3
	Туруханское отделение	102
	Соляной форпост	105
Станичные казаки	Минусинский округ:	
	станица Саянская	458
	станица Абаканская	371
Всего казаков		2105
Государственные крестьяне	Красноярский округ:	
	д. Торгашина	308
	д. Базаиха	161
	д. Солонцы	54
	д. Минина	217
	д. Дрокина	122
	д. Бугачева	166
	д. Еловая	82
	Ачинский округ:	
	д. Белоярская	176
Итого государственных крестьян		1286
	ВСЕГО	3391

Сост. по: Приложения I и II к № 24796 от 4 января 1851 г. Штаты и табели // Полное собрание законов Российской империи, с 1649 года: [Собрание 2-е]. СПб : Тип. 2-го Отд-ния Собств. ее императ. величества канцелярии, 1830–1885. Т. 26. Отделение 2-е: 1851: Приложение: Штаты и табели. 1852. С. 4–5.

Кроме того в соответствии с §3 раздела I Положение от 04.01.1851 г. по разрешению Генерал-губернатора и Командующего войсками в Восточной Сибири позволялось «принимать в полки людей свободного состояния, по увольнительным видам». Тем самым создавались правовые механизмы увеличения численности казачьего населения Енисейской губернии за счет приема на службу иных слоев населения.

Согласно штатам на воинской службе в Енисейском казачьем полку должны были находиться 861 человек (Таблица 5). Штатная численность енисейских казаков, находящихся на службе, увеличилась по сравнению со штатным расписанием 1822 года на 290 человек или на 50,78% (с 571 до 861 человека).

Таблица 5. – Штатная численность Енисейского конного казачьего полка, установленная Приложением III к Положению об Иркутском и Енисейском казачьих конных полках от 4 января 1851 года (№ 24796)

Наименование чинов (должностей)	Количество чинов (штат. ед.)	Размер годового жалования (оклада) серебром	
		Каждому чину (штат. ед.)	Всем чинам
I. Жалование			
Штаб и обер-офицеры:			
Полковой командир, Подполковник (или Войсковой старшина)	1	По чинам армейских кавалерийских окладов	
Сотники	7	88 руб. 80 коп.*	621 руб. 60 коп.
из них:			
Сотенные командиры	6	88 руб. 80 коп.*	532 руб. 80 коп.
Адъютант, он же Казначей и Квартирмейстер	1	88 руб. 80 коп.*	88 руб. 80 коп.
Хорунжие	12	71 руб. 55 коп.	858 руб. 60 коп.
Всего Штаб и обер- офицеров	20	–	1480 руб. 20 коп.
Нижние чины:			
Урядники старшие	24	10 руб. 65 коп.	255 руб. 60 коп.
Урядники младшие	24	4 руб. 80 коп.	115 руб. 20 коп.
Приказные	24	3 руб. 45 коп.	82 руб. 80 коп.
Казаки	750	3 руб. 45 коп.	2587 руб. 50 коп.
Писарь полковой	1	8 руб. 40 коп.	8 руб. 40 коп.
Писари сотенные	12	4 руб. 80 коп.	57 руб. 60 коп.
Фельдшера	6	25 руб. 35 коп.**	152 руб. 10 коп.
Всего нижних чинов	841	–	3259 руб. 20 коп
II. Столовые			
Командиру полка	–	280 руб. 20 коп.	280 руб. 20 коп.
			67 руб. 00

III. Канцелярские расходы	-	67 руб. 00 коп.	коп.
из них:			
для полковой канцелярии	-	25 руб. 00 коп.	25 руб. 00 коп.
для сотенных канцелярий	-	7 руб. 00 коп.	42 руб. 00 коп.

* Сотенные командиры и полковой Адъютант могут быть Есаулами, тогда оклад получают по чину Есаула.

** Указан оклад младшим фельдшерам, выпущенным из фельдшерских школ. Оклад старшим фельдшерам, выпущенных этими же школами, установлен в размере 33 руб. 60 коп. в год.

Сост. по: Приложению III к № 24796 от 4 января 1851 г. // Полное собрание законов Российской империи, с 1649 года: [Собрание 2-е]. – СПб : Тип. 2-го Отд-ния Собств. ее императ. величества канцелярии, 1830–1885. – Т. 26. Отделение 2-е: 1851: Приложение: Штаты и табели. – 1852. – С. 3-8.

Командир полка должен был назначаться из числа обер-офицеров регулярных войск, сотенные командиры полка, как из числа офицеров регулярных войск, так и по разрешению командующего войсками в Восточной Сибири из казачьего сословия (*Положение от 04.01.1851 г., с. 9*).

Служба казаков в Енисейском казачьем конном полку делилась на внешнюю и внутреннюю службу. К внешней службе относилось выполнение следующих обязанностей: содержание караулов в городах и заводах для помощи внутренней стражи; содержание ночных разъездов в городах; содержание пикетов и разъездов около заводов и фабрик при наличии распоряжения Командующего войсками в Восточной Сибири; ловит беглых в районах расположения казаков; пропровождать арестантов в помощь внутренней страже; охранять соляные озера; конвоировать казенные транспорты; отправлять пограничную службу в Тункинском отделении и по Енисейской губернии; отправлять службу, где будет определено начальством. К внутренней службе были отнесены обязанности по внутреннему управлению полка (*Положение от 04.01.1851 г., с. 10-11*).

Подчинение Енисейского конного казачьего полка Военному министерству привело к сближению правого статуса енисейских казаков с сибирскими казаками. Так, был ограничен срок службы офицеров до 25 лет, а нижних чинов до 30 лет. Был увеличен возраст поступления на службу с 16 до 20 лет. Казаки мужского пола были выведены из юрисдикции гражданского суда и подлежали военному суду. Денежное и материальное содержание было установлено в соответствии с Положением по военному ведомству. Предполагалось переселение всех казаков в отдельно организованные станицы, с численностью населения от 200 до 500 душ мужского пола. Система управления и делопроизводства должна была быть приведена к системе управления Донского казачьего войска (*Положение от 04.01.1851 г., с. 9-20*).

Тем самым мы можем констатировать, что процесс мягкого рассказывания енисейских казаков, проводившийся в период с 1822 по 1851 годы, был приостановлен. Государственная политика в отношении енисейского казачества с 1851 года была направлена на увеличение численности казачьего сословия в Енисейской губернии и унификации его правового статуса с Сибирским казачьим войском.

В тоже время, как мы видим из правовых норм Положения, енисейские казаки продолжали в основном выполнять административно-полицейские функции внутренней стражи, а не войсковые задачи, которые были основными для Сибирского и Забайкальского казачьих войск.

В середине 1871 года начался новый этап расказачивания, приведший к значительному сокращению численности казачьего населения в Енисейской губернии.

Согласно Высочайше утвержденным Положению о преобразовании Иркутского и Енисейского конных казачьих полков от 19 мая 1871 года (*Высочайше утвержденное положение о преобразовании Иркутского и Енисейского конных казачьих полков (№49614, от 19 мая 1871) [Текст] // Полное собрание законов Российской империи. – СПб : Тип. 2-го Отд-ния Собств. ее императ. величества канцелярии, 1830–1885. – Т. 46. Отделение 1-е: 1871. – От № 49098–49762. – 1874. – С. 586–591.* (далее – Положение от 19.05.1871 г.) и Положению о казаках Иркутской и Енисейской губерний от 2 июля 1871 года (*Высочайше утвержденное положение о казаках Иркутской и Енисейской губерний от 2 июля 1871 г. (№ 49769) [Текст] // Полное собрание законов Российской империи. – СПб : Тип. 2-го Отд-ния Собств. ее императ. величества канцелярии, 1830–1885. – Т. 46. Отделение 2-е: 1871. – От № 49763–50382 и дополнения. – 1874. – С. 8–12.* (далее – Положение от 02.07.1871 г.) Енисейский конный казачий полк был упразднен и на его базе создана Красноярская конная казачья сотня.

С упразднением Енисейского конного казачьего полка были ликвидирована системы военного управления и казачьего самоуправления, созданные при формировании казачьего полка (*Положение от 19.05.1871 г., с. 587*).

В соответствие с пунктом 1 Положения от 19.05.1871 г. все население Енисейского конного казачьего полка, за исключением урядников и казаков, зачисленных в него по Положению от 04.01.1851 г. из казаков городовых полков, станичных казаков и казаков Тункинского отделения пограничного войска, подлежали обращению в гражданское ведомство (*Положение от 19.05.1871 г., с. 588*). При этом новый правой статус казаков, обращенных в гражданское ведомство, устанавливался в зависимости от их происхождения и выслуги лет.

Так, в соответствие с пунктом 4 и 8 Положения от 19.05.1871 г., переданные в гражданское ведомство урядники и казаки, их малолетние дети и вдовы причислялись к сословию крестьян-собственников. К этой категории относились урядники и казаки, зачисленные в Енисейский конный казачий полк из числа крестьян-переселенцев и нижних чинов гарнизонных батальонов, переселенных в Восточную Сибирь. На данную категорию крестьян-собственников полностью распространялись права и обязанности, установленные в Положении о крестьянах, высочайше утвержденное 19 февраля 1861 года. Особо оговаривалось, что обращенные в гражданское ведомство урядники и казаки, а также члены их семьи подлежали податям, денежным и натуральным повинностям, в том числе и рекрутской, наравне с местными крестьянами. Правда, бывшие казаки, которые отслужили 15 лет или были уволены от службы по болезни или ранению, лично освобождались от податей и рекрутской повинности. Остальным же предоставлялась временная льгота по освобождению от уплаты податей и рекрутской повинности в течение двух лет с момента издания этого Положения, а в последующие три года они были обязаны вносить только половину подушного оклада. Подвергшимся рекрутской повинности засчитывали в стаж военной выслуги время действительной полевой службы по наряду, которую они отбыли, состоя в казачьем сословии (*Положение от 19.05.1871 г., с. 588–589*).

При этом, обращенные в гражданское ведомство урядники и казаки, которые выслужили сроки полевой службы, были отправлены в отставку или получили право на отставку (прослужившие три года полевой службы или два трехлетия на внутренней службе) пользовались правами отставных солдат, а их дети и сироты соответствующими правами детей низких чинов (*Положение от 19.05.1871 г., с. 588*).

Урядники, выслужившие к принятию Положения от 19.05.1871 года установленные сроки и имеющие право на получение первого офицерского или классного чина, могли по их желанию получить этот чин с правом поступить на другую службу. Одновременно с этим они получали право оформить в собственность приусадебные участки и строения, а также получить земельные наделы наравне с офицерами (*Положение от 19.05.1871 г., с. 588*).

Стоит отметить, что казаки, сохранившие свой сословный статус, также подчинялись действию общегражданских законов и учреждений вне действительно службы наравне с крестьянами Восточной Сибири, а полномочия по составлению списков казаков и формированию для них служебных нарядов были возложены на местные полицейские управления (*Положение от 19.05.1871 г., с. 587*).

При хозяйственном устройстве чинов и всего населения упраздненного Енисейского конного казачьего полка правовые нормы разделили казаков и членов их семьи фактически на две группы. Одна группа, была уравнена с российским дворянством, вторая с российским крестьянством.

Так, в соответствии с пунктом 9 Положения от 19.05.1871 года офицеры казачьего сословия, в том числе отставные, а также их вдовы и сироты получали в полную их собственность усадебные земли, находящиеся в их пользовании с правом на общий водопой и выгон. Кроме того, они получали в потомственную собственность находившиеся в их пользовании участки пахотной и сенокосной земли в следующем размере:

обер-офицерам (в том числе зауряд-офицерам) по 200 десятин земли;

вдовам обер-офицеров, имеющих детей по 200 десятин земли;

бездетным вдовам по 100 десятин земли;

круглым сиротам, родившихся в офицерской семье (в том числе в семье зауряд-офицера) полагалось по 100 каждому, но если в семье было несколько таких сирот, то на всех давалось только 200 десятин земли, вне зависимости от их количества (*Положение от 19.05.1871 г., с. 589*).

Остальным урядникам и казакам, их детям, вдовам и сиротам как мужского, так и женского пола были оставлены в собственность усадьбы и земля под ними, которыми они владели до упразднения казачьего полка, с сохранением права на общий выгон и водопой. Кроме того они получали на правах крестьян-собственников по наличию душ мужского пола в общественную собственность поземельные наделы, которыми пользовались при нахождении на службе, с следующим размере:

для зачисленных в упраздненный казачий полк из числа городовых и станичных казаков, а также бывшего Тункинского отделения пограничного войска – по 30 десятин на душу (сохранен размер земли, установленный §137 Положения от 04.01.1851 г.);

для зачисленных из числа крестьян-переселенцев и низких чинов гарнизонных

батальонов – по 15 десятин на душу;

вдовам урядников и казаков до выхода их замуж временно предоставлялось по 15 десятин из резервного земельного фонда;

сиротам женского пола до выхода их замуж должны были временно выдать по 7 ½ десятин из резервного земельного фонда.

При этом, если общественным приговором было засвидетельствовано, что такой новый крестьянин-собственник из казаков обрабатывал больше 15 десятин, то ему предоставлялись все эти земли, но не более 30 десятин (*Положение от 19.05.1871 г., с. 589*).

Урядникам и казакам, которые пользовались правами отставных солдат, полагалось сверх земли, полученной по норме для крестьян-собственников, еще 30 десятин земли в пожизненное безоброчное пользование.

Всем казакам упраздненных полков дозволялось самостоятельно переселить в Амурский край, где им должны были предоставить земельные наделы в том же размере, что и в Енисейской губернии (*Положение от 19.05.1871 г., с. 590*).

В соответствии со штатами к Положению от 02.07.1871 г. на военной службе было оставлено только 105 человек (Таблица 6). Тем самым штатная численность казаков, находящихся на государственной службе, снизилась по сравнению с:

штатами 1822 года на 466 человека (на 81,61%) или в 5,4 раза;

штатами 1851 года на 756 человек (на 87,81%) или в 8,2 раза.

Таблица 6. – Штатная численность Красноярской конной казачьей сотни, установленная Приложением к Положению о казаках Иркутской и Енисейской губерний от 2 июля 1871 г. (№ 49769)

Наименование чинов (должностей)	Количество чинов (штатных единиц) в Красноярской конной казачьей сотне	Размер годового жалования (оклада) каждому чину (штатной единице)
Обер-офицеры:		
Командир сотни (или Войсковой старшина) с исполнением обязанностей Делопроизводителя при Управлении Губернского воинского Начальника по казачьей части	1	По чинам из армейских кавалерийских окладов
Его помощник	1	
[Помощники] Для заведывания казачьими командами в посторонних ведомствах, сверх состава сотни	4	
Всего обер-офицеров	6	
Нижние чины:		
Строевые:		
Упялники		36 руб. 00

	8	коп.
Трубач	36	руб. 00
	1	коп.
Казаки	24	руб. 00
	80	коп.
Всего строевых нижних чинов	89	
Нестроевые:		
Старшие писари	25	руб. 35
	2	коп.
Младшие писари	16	руб. 95
	2	коп.
Денщики для обер-офицеров (для войскового старшины полагается 2 денщика)	2	руб. 10 коп.
Всего нестроевых нижних чинов	10	
Итого	105	
Командиру сотни столовых денег в год:		
по его званию	300	руб. 00
		коп.
по исполнению обязанности Делопроизводителя	144	руб. 00
		коп.
Помощнику Командира сотни столовых в год	180	руб. 00
		коп.
На канцелярские расходы по казачьей сотне в год	120	руб. 00
		коп.

Сост. по: Приложение к № 49769 от 2 июля 1871. Высочайше утвержденный 2 Июля 1871 года штат Иркутской и Красноярской казачьих сотен // Полное собрание законов Российской империи. СПБ : Тип. 2-го Отд-ния Собств. ее императ. величества канцелярии, 1830 –1885. Т. 46. Отделение 3-е: 1871. Приложения. 1874. С. 266–267.

В соответствии с Положением от 02.07.1871 г. казаки Енисейской губернии были призваны оказывать содействие регулярным местным войскам при отправлении внутренней службы на территории губернии.

Общий срок службы казаков был снижен до 22 лет, из них казак должен был числиться 15 лет на полевой службе и 7 лет – на внутренней. При этом казаки находились поочередно на длительной службе 1 год, а следом на льготе в течение 2-х лет. Было установлено, что в экстренных случаях по распоряжению Главного Начальника Восточного Сибирского военного округа на службу могут быть призваны все льготные казаки, при этом об этом должно быть сообщено на Высочайшее имя. А исключительно по Высочайшей воле на службу могли призвать поголовно все казачье население (Положение от 02.07.1871 г., с. 8).

В 19-летнем возрасте казаки мужского пола включались в списки малолеток, которые к службе не употреблялись. С 20 летнего возраста казаки по очереди призывались на полевую службу. С достижением 35-летнего возраста они переводились в разряд, несущих внутреннюю службу. А с достижением 42-летнего возраста казаки выходили в отставку и исключались из списков служащих. В этом случае они могли быть призваны вновь на службу исключительно при поголовной мобилизации казачьего населения. Не зависимо от очередности обязательной воинской службы по Положению от 02.07.1871 г., казаки могли выходить на службу в счет ежегодного наряда по собственному желанию в

качестве «охотников». Казаки, обязанные выходить на обязательную годовую службу, могли предоставить себе замену из других казаков (*Положение от 02.07.1871 г., с. 9-10*).

Такой правовой порядок несения службы указывает, что значительное сокращение одновременно штатов для несения государственной службы и численности населения, отнесенного к казачьему сословию, не решило проблему «лишних людей». Численность мужского населения, отнесенного к казачьему сословию в Енисейской губернии, и достигшего 20-летнего возраста, все равно была значительно больше, чем количество вакансий (нарядов), устанавливаемых для службы по военному и иным ведомствам.

Служебные обязанности енисейских казаков были разделены по военному и сторонним гражданским ведомствам. К обязанностям по военному ведомству были отнесены: служба при Окружном штабе; исполнение обязанностей рассыльных в губернских городах; командировки, экстренный конвой, разъезды и пикеты в помощь губернским батальонам, местным и этапным командам; иные обязанности «требующие службы всадников и неудобоисполнимые для пехотных солдат местных войск». К службе в иных ведомствах было отнесено: таможенная служба; служба на частных золотых промыслах для караульных и полицейских обязанностей; содействие земской и городской полиции, а также почтовому ведомству. Кроме того, казачье население Енисейской губернии должно было привлекаться к наблюдению за границей в пограничных с Китаем местностях наряду с Забайкальским казачьим войском (*Положение от 02.07.1871 г., с. 8*).

В случае недостатка казаков Енисейской губернии для организации службы на частных золотых промыслах, разрешалось привлекать к этой службе казаков Иркутской губернии и Забайкальского казачьего войска (*Положение от 02.07.1871 г., с. 8*).

Выходя на службу, казаки обязаны были иметь в полной исправности собственное обмундирование и лошадь, приспособленную для верховой езды. Из казны казакам выдавались лишь вооружение: шашки казачьего образца, револьверы или пистолеты с комплектными и учебными патронами (*Положение от 02.07.1871 г., с. 11*).

Вышедшие на действительную службу по наряду казаки получали содержание и довольствие в соответствии с утвержденным штатом. Кроме того всем казакам предоставлялось на постоянной основе поземельное довольствие из расчета 30 десятин земли на одну мужскую душу в соответствии с Положением от 4 января 1851 года.

За счет капитала казачьего населения Енисейской губернии, который сформировался за счет средств капитала упраздненного Енисейского конного казачьего полка, позволялось выдавать взаймоблагополучные и безвозвратные суды бедным казакам, их вдовам и сиротам на хозяйственную помощь, в качестве пособия для сбора на службу (покупку обмундирования и лошади). Такие ссуды могли быть выданы только по разрешению Генерал-губернатора Восточной Сибири по общественным приговорам, засвидетельствованным местным гражданским начальством. Причем, если ссуды были выданы с условием возврата кредита, то устанавливался срок возврата этих сумм, а стоимость кредита была установлена в 4% годовых (*Положение от 02.07.1871 г., с. 12*).

В связи с началом Русско-японской войны 1904–1905 гг. был издан приказ по Военному ведомству от 04 апреля 1904 года № 147, согласно которому Красноярская конная казачья сотня на время войны с Японией переформировалась в трехсотенный дивизион со штатной численностью 495 человек (Таблица 7) .

Таблица 7. – Штатная численность Красноярского казачьего дивизиона, установленная приказом по Военному ведомству от 04.04.1904 № 147

Наименование чинов	Число чинов	Годовой оклад жалования каждому (в руб.)			
		Основной		Усиленный	
		Полностью	За узаконенными вычетами	Полностью	За узаконенными вычетами
Штаб и обер-офицеров					
Командир дивизиона, войсковой старшина	1				По чинам
Есаулы	3				По чинам
Подесаулы, сотники и хорунжие, в том числе Адъютант дивизиона, он же Казначей и Заведывающий оружием	7				По чинам
Итого штаб и обер-офицеров	11	-	-	-	-
Классные чиновники					
Младший врач	1	По VII разряду медицинских должностей согласно приказа по в.в. 1902 года № 133			
Ветеринарный врач	1	По IV разряду ветеринарных должностей согласно приказу по в.в. 1904 года № 108			
Делопроизводитель по хозяйственной части	1	325,66	300,00	358,23	330,00
Итого классных чиновников	3	-	-	-	-
Нижние чины					
Строевые					
Вахмистры	3	24,49	24,00	36,73	36,00
Старшие урядники	21	18,34	18,00	27,55	27,00
Младшие урядники	21	4,90	4,80	9,49	9,30
Штаб-трубач	1	24,49	24,00	36,73	36,00
Трубачи	9	4,90	4,80	9,49	9,30
Приказные	9	4,09	4,05	7,88	7,80
Казаки	375	3,49	3,45	6,67	6,60
Итого строевых нижних чинов	439	-	-	-	-
Нестроевые					
Дивизионный писарь	1	25,87	25,35	49,90	48,90
Старший писарь	1	25,87	25,35	49,90	48,90

Младшие писари	2	17,30	16,95	33,37	32,70
Старший медицинский фельдшер	1	61,22	60,00	91,84	90,00
Сотенный медицинский фельдшер	3	18,37	18,00	27,55	27,00
Старший ветеринарный фельдшер	1	61,22	60,00	91,84	90,00
Младшие ветеринарные фельдшера	3	36,73	36,00	55,10	54,00
Кузнец	1	10,87	10,65	20,75	20,55
Казаки ^{для} прислуги	14	3,49	3,45	6,67	6,60
Обозные казаки	15	3,49	3,45	6,67	6,60
Итого нестроев. нижних чинов	42	-	-	-	-
Всего нижних чинов	481	-	-	-	-
Всего чинов	495	-	-	-	-
Лошадей					
Штаб и обер- офицеров, врачей и делопроизводителя по хозяйственной части	14	-	-	-	-
Заводных офицерских	11	-	-	-	-
Строевых нижних чинов	439	-	-	-	-
Нестроевых нижних чинов	27	-	-	-	-
Вьючных	35	-	-	-	-
Итого	527	-	-	-	-
Отпускается в год от казны:					
1. Столовых денег (за всеми вычетами)					
Командиру дивизиона			1200,00		
Сотенным командирам			360,00		
Адъютанту			96,00		
Младшему врачу		По VII разряду медицинских должностей согласно приказа по в.в. 1902 года № 133			
Ветеринарному		По IV разряду ветеринарных должностей согласно			

врачу	приказу по в.в. 1904 года № 108				
Делопроизводителю по хозяйственной части	325,66	300,00	358,23	330,00	
2. Канцелярские расходы			100,00		

Сост. по: Государственный архив Красноярского края (далее – ГАКК). Ф. 31. Оп. 1, Д. 230. Л. 5, 5об., 6, 6 об.

Анализ штатного расписания показывает не только значительное увеличение численности казаков, находящихся на службе, но и усложнение организационной структуры казачьего воинского подразделения в Енисейской губернии, произошедшие в период мобилизации казачьего населения губернии на войну с Японской империей. По сравнению со штатным расписанием 1871 года общая численность казаков, проходящих службу в военное время, увеличилась с 105 до 495 человек, т. е. на 390 человек или в 4,71 раза. В штатах казачьего дивизиона появились классные чиновники (врачи и ветеринары), произошло увеличение вспомогательных (нестроевых) подразделений.

В тоже время, создание Красноярского казачьего дивизиона не оказало существенного влияние на правое положение енисейского казачества.

Принятие 21 июня 1910 года Высочайше утвержденного положения Военного Совета «Об изменении порядка отбывания воинской повинности казаками Иркутской и Енисейской губерний» (*Высочайше утвержденное положение Военного Совета (Собр. Указ. 1910 г. Октября 30, Отд. I, Ст. 1935)* «Об изменении порядка отбывания воинской повинности казаками Иркутской и Енисейской губерний» (№ 33918 от 21 июня 1910 г.) // Полное собрание законов Российской империи. Собрание 3-е : [с 1-го марта 1881 г.]. – СПб. : Гос. тип., 1885–1916. Т. 30 : 1910, отд-ние 1 : от № 32883–34628 и дополнения. 1913. С. 913–914. (далее – *Положение от 21.06.1910 г.*) и Штата Иркутского и Красноярского казачьих дивизионов по военному времени (*К № 33918 от 21 июня 1910 г. Высочайше утвержденный 21 июня 1910 г. штат Иркутского и Красноярского казачьих дивизионов по военному времени // Полное собрание законов Российской империи. Собрание 3-е : [с 1-го марта 1881 г.]. – СПб. : Гос. тип., 1885–1916. Т. 30 : 1910, отд-ние 2 : приложения. 1913. С. 372–374.* (далее – *Штаты 1910 г.*) закрепило ряд существенных нововведений в правовое положение енисейского казачества.

В соответствие с Положением от 21.06.1910 г. общий срок службы енисейских казаков сократился до 18 лет. Списки казаков, призываемых на службу стали составлять с 20-летнего возраста, т.е. на год позже, чем это предусматривало Положение от 02.07.1871 г., что привело к тому, что они стали призываться на службу с 21-летнего возраста. С достижением 30-летнего возраста казаки переводились в разряд внутреннослужащих, а уже в 38-летней отправлялись в отставку. При этом казаки начали призываться на действительную службу на 3 года, которую отбывали все три года подряд, а затем переводились на льготу. Тем самым срок первой обязательной действительной службы молодых казаков был увеличен в три раза (с 1-го года до 3-х) по сравнению с нормами Положения от 02.07.1871 г.

В мирное время казачье население Енисейской губернии было обязано выставлять на службу одно сотню казаков в соответствие со штатами, утвержденными в 1871 году, а в военное время – трехсотенный дивизион согласно штатам от 1910 года (*Положением от 21.06.1910 г., с. 913*). Штатная численность Красноярского казачьего дивизиона в

военное время составляла 496 человека (*Штаты 1910 г., с. 372–373*).

Реформа 1910 года правого статуса енисейских казаков стала последней реализованной реформой в отношении казаков Енисейской губернии.

Принятие 25 мая 1917 года на I съезде казаков Енисейской губернии решения о преобразовании Красноярского казачьего дивизиона в Енисейское казачье войско [\[32, с. 117–118\]](#), признание этого решения правительством Верховного правителя России А.В. Колчака 10 июня 1919 года [\[33, с. 111\]](#) породило настоящий бум правотворческих инициатив. Было составлено расписание штатов Войскового Управления Енисейского Казачьего Войска, разработано Учреждение гражданского управления Енисейского казачьего войска. [\[34, с. 117–119\]](#). Однако, этим политическим проектам не было суждено реализоваться. Енисейское казачье войско прекратило свое существование как организация в первом квартале 1920 года по решению Иркутского военно-революционного комитета [\[35\]](#).

Обсуждение.

В ходе проведенного исследования, мы пришли к выводу, что научная концепция огосударствления российского казачества в XVII – XIX вв., нашедшая свое обоснование в работах Е. А. Абакумова, Г. О. Мациевского, а также концепция целенаправленного государственного расказачивания в XVIII – XIX вв., сформированная доктором исторических наук В. В. Дзюбаном, вполне применимы для характеристики взаимоотношений Российского государства и казачьего сообщества Европейской части России, однако не могут быть применимы в отношении казачества Азиатской части России вообще, и на енисейское казачество в частности. Так как исторические условия формирования казачества Азиатской России значительно отличались от условий формирования «вольных» казачьих сообществ в устьях рек Дон, Днепр, Яик, Тerek.

Казачество в Азиатской части России, в том числе енисейское казачество изначально формировалось как служивое сословие. Процесс же сокращения Штатов казаков Приенисейского края, находившихся на государственной службе, в 1720, 1725, 1737, 1772, 1820, 1822, 1871 годы в целом нельзя характеризовать как расказачивание. Так как, снимая енисейских казаков с денежного и хлебного (материального) содержания, переводя часть казачества исключительно на поземельное содержание, правительство не лишало их сословного военно-служивого статуса.

Исключением из этого правила стали только штатные реформы 1725, 1737 и 1871 годов, в результате которых часть казачества утратила свой сословный статус. В 1725 году значительное число енисейских казаков было переведено в подушный оклад. В 1737 году часть штатных казаков перевели в солдаты вновь формируемых драгунского полка и пехотного батальона. В 1871 году казаков из государственных крестьян и нижних чинов гарнизонных батальонов вернули в сословие крестьян-собственников. При этом необходимо иметь в виду, что преставшие быть казаками в 1725 и 1737 году, переходили в иное военно-служивое сословие (солдаты). «Расказаченные» в 1871 году были записаны в казачье сословие только в 1851 году из числа государственных крестьян и нижних чинов гарнизонных батальонов, то есть были казаками в лучшем случае во втором, максимум в третьем поколении.

Заключение.

Енисейское казачество как обособленная территориальная сословная группа населения

формируется с начала XVII века исключительно как служивая категория населения, находящаяся на содержании государства, обладающая правами и привилегиями, несущая обязанности, установленные государством для решения задач по расширению территориальных владений России в Сибири и на Дальнем Востоке, поддержанию контроля над приобретенными территориями.

Енисейское казачество никогда не переживало этап вольного казачества, как Запорожское, Донское, Уральское (Яицкое) или иные группы казачьего населения Европейской части России.

Правое положение енисейского казачества устанавливалось исходя из задач государственного строительства и функционала, который оно должно было выполнять. Нормы права, регулирующие правовое положение енисейского казачества, устанавливали права и обязанности казачьего населения Приенисейского края (Енисейской губернии), в том числе порядок приобретения и выхода из сословия, порядок несения государственной службы. Правое регулирование численности казачьего населения, обязанного нести государственную службу в Приенисейском крае, посредством установления соответствующих Штатов фактически регулировало численность всего казачьего населения Приенисейского края, как служивого сословия.

Правое положение енисейского казачества носило противоречивый характер, балансируя между правовым положением военно-служивого и крестьянского, тяглового сословия. Поэтому проведение сравнительно-правового анализа норм права, регулирующих деятельность енисейского казачества, должно проходить с одной стороны по линии изучения изменений правового положения енисейского казачества в различные периоды времени. С другой стороны, исследователь должен обратить свое внимание на анализ схожести и различия правового положения енисейского казачества с правовым положением военно-служивых сословий и тягловых сословий, прежде всего сибирским крестьянством, в различные периоды времени.

На основании изменений норм права можно выделить следующие хронологические периоды изменения правового положения енисейского казачества.

Первый период – с начала XVII по первую четверть XIX веков (до 1822 г.). В этот период происходит становление енисейского казачества, как сословной группы населения. Правое положение енисейского казачества регулировался общими для всех территориально обособленных групп казачества нормами права.

Статьи Уложения 1649 года воспринимают казаков, в том числе енисейских казаков, в первую очередь, как ратных людей, находящихся на службе государства, однако отличающихся от других групп ратных людей своим происхождением и обладающими отдельными групповыми признаками, связанными с образом их жизни до поступления на службу, местом их в социальной структуре общества.

Отнесение к группе казаков тех или иных представителей служивых людей было скорее вопросом их самоидентификации, нежели предметом правового регулирования на протяжении всего XVII века. Хотя необходимо отметить, что Штаты служивых людей, находящихся на содержании государства, в этот период выделяли различные социальные группы, поверстанные на службу (дворяне, дети боярские, казаки).

К началу первой четверти XVIII века установившийся порядок верстания на службу казаков предполагал, что запись казаков на штатную службу должна происходить исключительно из числа детей, братьев, племянников и иных родственников казаков на

открывшуюся вакансию вследствие смерти или отставки по старости и увечьям повеленного казака (в убылой оклад). Однако, за неимением необходимо количества родственников, в казаки верстались и разночинцы.

Периодические снижения штатной численности енисейских казаков (Мангазейского, Енисейского Красноярского уездов) в период с 1720 по 1820 годы с 1194 до 733 повеленных казаков, на наш взгляд не является политикой расказачивания. В этот период Штаты уменьшались, как вследствие естественной убыли казачьего населения, так и в результате стремления правительства снизить издержки на содержание казаков посредством перевода их с денежного и материального содержания на исключительно поземельное содержание. Вывод за Штаты енисейских казаков не приводил их к утрате своего сословного положения, позволял вновь поступать на службу в случае открытия вакансии как в уездах Приенисейского края, так и в иные казачьи команды в Сибири.

Исключением из сложившейся практики является только Штатная реформа 1737 года. Призванная изыскать финансовые и кадровые ресурсы для создания регулярных воинских подразделений в Сибири, Штатная реформа 1737 года впервые изменила правое положение тех казаков, которые были зачислены на службу в регулярную армию. Енисейские казаки, переведенные на службу в солдатские полки, утратили свой сословный статус казаков и приобрели статус солдат.

Второй период – вторая четверть XIX века (с 1822 по 1851 годы) – характеризуется правовым обособлением казаков западносибирских пограничных линий и иных территориальных групп казачьего населения Сибири, а также нормативным разделением казачьего сословия Сибири и Дальнего Востока на две социальные категории: городовое и станичное казачество.

Об этом свидетельствует издание Высочайше утвержденных Положения о Сибирском линейном казачьем войске от 19 августа 1808 года, действие которого распространялось на казаков Иртышской, Ишимской и Колывано-Кузнецкой пограничных линий, и Устава о сибирских городовых казаках от 22 июля 1822 года, регулировавшего службу городовых казаков и обязанности станичных казаков Тобольской, Томской, Енисейской, Иркутской губерний, Якутской области и Охотского края.

В результате реформы 1822 года в Енисейской губернии был создан Енисейский городовой казачий полк со штатной численностью 571 человек, выведенные же за Штат казаки Абаканской команды, удаленных северных поселений Енисейской губернии, но пожелавшие и дальше числиться казаками, составили станичное казачество губернии.

Правовой статус городового казачества Енисейской губернии значительно отличался от правового статуса Сибирского казачества имевшего воинскую форму организации в первую очередь из-за разного функционала. Если Сибирское казачество в основном осуществляло воинскую службу по охране государственной границы, то енисейское городовое казачество в большей части осуществляла административно-полицейские функции, и полностью было подчинено гражданскому правлению губернии.

Правое положение станичного казачества Енисейской губернии фактически сближало их с тягловым сословием крестьян, так как оно обязано было нести местные повинности по содержанию дорог, предоставлению транспорта и постоя. При этом оно окончательно не утратило свой привилегированный статус служивого сословия, так как было освобождено от всех государственных податей и денежных земских сборов, получило свободу промыслов и торговли, сохранило право на самоуправление и переход в городовое казачество при наличии штатных вакансий.

Фактически второй период можно характеризовать, как период «мягкого» рассказывания, когда количество енисейских казаков находящихся на штатной городовой службе было сокращено, а выведенные за штат станичные казаки утратили часть привилегий характерных для служивого сословия, что привело к определенному сближению их правового положения с правовым положением енисейского крестьянства.

Третий период – третья четверть XIX века (с 1851 по 1871 годы) приходится на очередную реформу енисейского казачества. В ходе реформы 1851 года енисейское казачество передается из гражданского административно-полицейского управления в военное ведомство. Эти правовые перемены приведут к формированию правовой и территориальной общности казачества Иркутской и Енисейской губернии, к выделению этой общности их правого поля, регулирующего положение городового казачества, зададут вектор на сближение правового статуса енисейского казачества со статусом Сибирского и Забайкальского казачьих войск.

По сути дела, реформа 1851 года приходится на последние годы проведения государственной политики по созданию военных поселений, что способствовало принятию решения по административно-территориальному обособлению енисейского казачества от сельского населения Енисейской губернии. Однако, эти правовые предписания так и не были в полной мере реализованы. Большая часть казачьего населения так и осталась проживать в одних населенных пунктах с другими сословиями империи, что стало одним из факторов, повлиявшим на принятие решения по свертыванию этой реформы.

Третий период реформы казачьего населения Енисейской губернии является попыткой значительно увеличить численность казачьего населения губернии за счет записывания в казаки государственных крестьян семи сельских поселений Красноярского округа и одного сельского поселения Ачинского округа Енисейской Губернии, разрешения записывать в казацкое сословие лично свободных обывателей.

Четвертый период приходится на последнюю четверть XIX – первую четверть XX веков (с 1871 по 1920 годы). Данный период характеризуется проведением реформы 1871 года, направленной на перевод значительной части казачьего населения в сословие крестьян-собственников. Реформа енисейского казачества 1871 года, по сути дела, стало первой попыткой массового рассказывания в Енисейской губернии. Значительное сокращение численности енисейского казачества, как находящегося на службе, так и обладающего этим сословным статусом, во много стало следствием военной реформы 1856–1874 гг.

Изменение системы комплектования регулярной армии, которое завершилось введением в 1874 году всеобщей воинской повинности, позволило значительно увеличить мобилизационный потенциал регулярных воинских частей в военное время.

В условиях, когда регулярная армия могла в небольшие сроки значительно увеличить свою численность в военное время, а расходы на ее содержание были существенно снижены, отпала необходимость содержать на постоянной основе многочисленные иррегулярные войска, к которым относились казачьи войска и полки. Поэтому сокращение или даже ликвидация казачьих воинских подразделений стала очевидным политическим решением в рамках проводимых военных реформ.

Ликвидация Енисейского казачьего полка и создание Красноярской казачьей сотни в 1871 году было направлено в первую очередь на сокращение штатной численности казаков, находящихся на военной службе. Естественно, что такое сокращение штатной

численности потребовало и перевода большей части «лишних» людей из военно-служивого сословия казаков в тягловое сословие крестьян, которое не было освобождено от рекрутской повинности, и могло стать мобилизационным резервом регулярной армии.

Однако, Русско-японская война 1904–1905 гг. показало необходимость увеличения штатной численности Красноярской казачьей сотни до трехсотенного дивизиона. Изменение правовых норм в период с 1904 по 1910 годы позволили улучшить мобилизационный потенциал казачьего населения Енисейской губернии.

В нашем исследовании впервые выделены исторические этапы изменения правового положения енисейского казачества в дореволюционный период отечественной истории, выявлены общие черты и различия в юридическом статусе енисейских казаков по сравнению с казаками Сибирского и Забайкальского казачьими войсками, а также с сибирским крестьянством.

Полученные результаты исследования будут использованы для составления образовательного курса по региональной истории российского казачества на территории Красноярского края.

Данное исследование является фундаментом для более глубокого и детального изучения проблемных вопросов по изменению правового положения енисейского казачества в каждый выделенный в данном исследовании исторический период. Историко-правовая периодизация, предложенная в данном исследовании, позволит в дальнейшем провести исследования проблемного вопроса: как изменение правового положения енисейского казачества повлияло на изменение социально-экономического положения казачества в Енисейской губернии в исследуемые годы.

Конфликт интересов: Автор заявляет об отсутствии потенциальных конфликтов интересов в отношении исследования, авторства и (или) публикации данной статьи.

Библиография

1. Военная энциклопедия / под ред. К. И. Величко [и др.]. - Т. 10: [Елизавета Петровна - Инициатива]. [Текст] - Спб.: т-во И. Д. Сытина, 1912. - С. 323-642, [8], 2 с., [27] л. ил.
2. Сапрыгин, Ф. Ф. Становление и развитие сибирского казачьего войска 1808-1917 гг. Исторический очерк [Текст] // Постсоветский материк. - 2020. - № 4 (28). - С. 72-92. DOI: 10.48137/2311-6412_2020_4_72 EDN: ZRAPSC
3. Сибирская деревня: общественно-политический, сельскохозяйственный, кооперативный и экономический журнал. Енисейская губернская электро-типография. - 1917. - 25 июня. - № 13. - 23 с.
4. Крюков, П. Д. Актуальность и историографический обзор проблемы правового положения российского казачества в 1917 - начале 1918 гг. [Текст] // Юристъ-правоведъ. - 2008. - № 3(28). - С. 94-97. EDN: MWBTPZ
5. Крюков, П. Д. Казачество в правовом пространстве России: историческая ретроспектива [Текст] // Юристъ-правоведъ. - 2011. - № 4 (47). - С. 76-79. EDN: NVWBQV
6. Левицкая, М. И. Правовая регламентация казачества как особого социального слоя российского общества XVIII-XIX веков [Текст] // Образование и общество. - 2014. - № 6(89). - С. 97-102.
7. Мациевский Г.О. Государство и казачество в XVI – начале XIX вв. (эволюция политических отношений) // Genesis: исторические исследования. 2016. № 4. С. 122-136. DOI: 10.7256/2409-868X.2016.4.19279 URL:

- https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=19279
8. Дзюбан, В. В. Проблемы историко-правового регулирования казачества в современной России [Текст] / В. В. Дзюбан; С. А. Киселёв // Мировые цивилизации. - 2017. - Т. 2. - № 3. - URL: <https://wcj.world.ru/PDF/06MZ317.pdf> (дата обращения: 07.03.2025). EDN: YPTBGX
9. Абакумова, Е. А. Больше, чем сословие: правовой статус казачества во второй четверти XIX века [Текст] // Актуальные проблемы исследований истории России и Белоруссии (К 80-летию Курской битвы): материалы Международной научно-практической конференции. - Курск, 2024. - С. 43-47. EDN: VCTEBV
10. Минников, Н. А. Сословно-правовое положение донского казачества в 17 в. [Текст] // Известия Северо-Кавказского научного центра высшей школы. Общественные науки. - 1983. - № 3. - С. 39-43. EDN: GGNXKI
11. Савченко, М. С. Правовое положение кубанского казачества в дореволюционной России (конец XVIII - начало XX в.): автореф. дис. ... канд. юрид. наук. : 12.00.01 [Текст] / Савченко Марина Станиславовна ; Волгоградский юридический институт МВД России. - Волгоград, 2000. - 26 с. EDN: ZKLXQJ
12. Герман, О. Б. Правовое положение казачества и крестьянства юго-востока европейской России в 1861-1920 гг. [Текст] / О. Б. Герман ; Отв. ред. Л. П. Рассказов ; Рост. гос. ун-т. - Ростов-на-Дону: Изд-во Ростовского ун-та, 2003. - 575 с. EDN: QOTJTH
13. Герман, О. Г. Правовое положение казачества и крестьянства юго-востока европейской России в 1861-1920 гг.: автореф. дис. ... д-ра. юрид. наук. : 12.00.01 [Текст] / Герман Оксана Борисовна. - Краснодар, 2004. - 58 с.
14. Подосинников, Ю. В. Правовое положение астраханского казачества в начале XX века: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. : 12.00.01 [Текст] / Подосинников Юрий Васильевич; Ростовский юридический институт МВД России. - Ростов-на-Дону, 2008. - 27 с. EDN: NJHRPHX
15. Быкня, Г. Ф. Казачество и другое служебное население Восточной Сибири в XVIII - начале XIX века (демографо-сословный аспект): монография [Текст] / Г. Ф. Быкня; Краснояр. гос. пед. ун-т им В. П. Астафьева. - Красноярск, 2007. - 416 с. EDN: TGJGNL
16. Зуев, А. С. Штатная реформа Сибирского казачества 1737 года [Текст] // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, Филология. - 2007. - Т. 6. - № 1. - С. 22-27. EDN: HYHZQF
17. Коновалов, И. А. Правовая регламентация сословного положения городовых казаков в "Уставе о сибирских городовых казаках" 1822 г. (к 250-летию со дня рождения М. М. Сперанского) [Текст] // Вестник Томского государственного университета. - 2022. - № 478. - С. 93-98. - doi: 10.17223/15617793/478/12. EDN: ODHCKR
18. Дацышен, В. Г. Красноярские казаки в конце XIX - начале XX века. К проблеме сохранения идентичности и сословной замкнутости [Текст] // Сибирский субэтнос: культура, традиции, ментальность: материалы II Всероссийской научно-практической Интернет-конференции на сайте sib-subethnos.narod.ru. - Выпуск 2, Книга 1. - Красноярск, 2006. - С. 92-100. EDN: HENCFJ
19. Романов, Г. И. Казачье население Восточной Сибири (конец XIX - начало XX в.): дис. ... канд. ист. наук : 07.00.02 [Текст] / Г. И. Романов. - Иркутск, 1996. - 174 с.
20. Богуцкий, А. Е. Енисейское и иркутское казачество в 1917-1925 гг.: дис. ... канд. ист. наук : 07.00.02 [Текст] / А. Е. Богуцкий. - Абакан, 2007. - 180 с. EDN: NOWBRR
21. Богуцкий, А. Е. Енисейское казачество в конце XIX - начале XX вв.: опыт формирования и деятельности [Текст] // Вестник ХГУ им. Н. Ф. Катанова. - 2013. - № 6. - С. 61-68.
22. Тарасов, М. Г. Енисейское казачество в период революционных событий 1917 г. и годы Гражданской войны: дис. ... канд. ист. наук : 07.00.02 [Текст] / М. Г. Тарасов. -

- Улан-Уде, 2010. - 215 с. EDN: QEVPYT
23. Тарасов, М. Г. Енисейское казачество в период революционных событий 1917 г. и годы Гражданской войны [Текст] / М. Г. Тарасов ; М-во образования и науки Российской Федерации, Сибирский федеральный ун-т. - М.: Флинта, 2011. - 173 с.
24. Кытманов, А. И. Краткая летопись Енисейского уезда и Туруханского края Енисейской губернии, 1594-1893 года: [1594-1700] [Текст] / А. И. Кытманов. - [Енисейск: б. и., 1920]. - 52 с.
25. Кытмановъ, А. И. Краткая лѣтопись Енисейскаго уѣзда и Туруханскаго края Енисейской губерніи 1594-1893 годъ [Текст] / вступ. ст. Л. П. Бердникова [Таежная страна Александра Кытманова]. - Красноярск : Сиб. федер. ун-т, 2016. - 888 с.
26. Русакова, Е. Археологи установили местоположение Кетского острога: [арх. 14 ноября 2019] [Электронный ресурс] // N+1 [Электронный ресурс]. - 2019. 7 ноября. - URL: <https://nplus1.ru/news/2019/11/07/location> (дата обращения: 07.03.2025).
27. Буцинский, П. Н. Заселение Сибири и быт её первых наследников [Текст]. - Харьков: Тип. губернского правления, 1889. - IV, 345 с.
28. Пузанов, В. Д. Командировки служилых людей города Тобольска в томский разряд в XVII в. [Текст] // Вестник Шадринского государственного педагогического университета. - 2016. - № 2 (30). - С. 150-156. EDN: WFEHIN
29. Миллер, Г. Ф. История Сибири: [в 2 томах] [Текст] / Г. Ф. Миллер ; Институт антропологии, археологии и этнографии АН СССР ; Научно-исследовательская ассоциация Института народов Севера им. П. Г. Смидовича. - М. ; Л.: Издательство Академии наук СССР, 1937-1941. - [Т.] 2. - 1941. - 637 с.
30. Хортунцов, Г. А. Краткие исторические сведения об основании города Красноярска и первых 27 годах его существования [Текст] // Памятная книжка Енисейской губернии на 1890 год: с адрес-календарем / сост. под ред. действ. чл.-секретаря Стат. ком. Г. А. Хотунцова. - [Красноярск: Енисейская губернская типография], 1889. - С. 335-338.
31. Бродников, А. А. Енисейск против Красноярска: Из истории борьбы гарнизонов за ясачные территории в XVII в. [Текст] / А. А. Бродников // Сибирь в XVII-XX веках: Проблемы политической и социальной истории: Бахрушинские чтения 1999-2000 гг.: межвуз. сб. науч. тр. / под ред. В. И. Шишкина. - Новосибирск, 2002. - С. 19-30.
32. Революционное движение в военных округах, март 1917 г. - март 1918 г.: [Сб. документов и материалов / АН СССР, Науч. совет по комплекс. пробл. "История Великой Окт. соц. Революции" и др.; Сост. С. Н. Базанов и др.]; Отв. ред. Ю. И. Кораблев. - Москва: Наука, 1988. - 486,[2] с.
33. Енисейские казаки: Историческое прошлое, быт и служба енисейских казаков: по материалам, собранным членом Войскового правления К. И. Лаврентьевым / сост. Н. Н. Князев. - Харбин, 1940. - 172 с.
34. Князев, Н. Н. Енисейские казаки / Н. Н. Князев. - М.: Книга по требованию, 2024. - 173 с.
35. Паршуков, В. А. Документы о ликвидации Енисейского казачьего войска как неизвестные источники по истории Гражданской войны в Сибири [Текст] / В. А. Паршуков // Гражданская война на Востоке России: взгляд сквозь документальное наследие: материалы II Всероссийской научно-практической конференции с международным участием, Омск, 25-26 октября 2017 года. - Омск: Омский государственный технический университет, 2017. - С. 257-262. EDN: XTRSYR
36. Забайкальские казаки: исторический очерк: [в 3 т.] / А. П. Васильев. - Чита: Типография Войскового Хозяйственного Правления Забайкальского казачьего войска, 1916-1918. - Приложение к 1 тому. - 1916. - 66 с.
37. Boeck, Brian J. Imperial Boundaries: Cossack Communities and Empire-Building in the Age of Peter the Great. - Cambridge: Cambridge University Press, 2009. - 255 p.

38. Barrett, Thomas M. *At the Edge of Empire: The Terek Cossacks and the North Caucasus Frontier, 1700-1860.* - Boulder, CO: Westview Press, 1999. - 264 p.
39. O'Rourke, Shane. *The Cossacks.* - Manchester: Manchester University Press, 2007. - 303 p.
40. Sunderland, Willard. *Taming the Wild Field: Colonization and Empire on the Russian Steppe.* - Ithaca, NY: Cornell University Press, 2004. - 264 p.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Рецензируемый текст «Изменение правового положения енисейского казачества в XVII – начале XX веков» является объемным и компетентным исследованием динамики правового статуса казаков Приенисейского края с начала XVII в. и до мая 1917 г. Новизна исследования состоит как в собственно исследовании правового аспекта существования казачества как отдельной социальной группы, так и в имплементации данного подхода для конкретного региона Российской империи. Выбранные довольно обширные рамки исследования обоснованы логикой собственно исходного выделения данной особой категории сибирского казачества в начале XVII в. и окончательным ее оформлением в особое Енисейское казачье войско (1917 г.). Работе присуща четкая структура с соблюдением всех необходимых элементов научно-методического аппарата: указана актуальность работы, дан подробный историографический обзор по теме создания и функционирования казачьих подразделений (в т.ч. англоязычной историографии), указаны цели, подробно расписана методология исследования, определена источниковая база: нормативно-правовые акты, статистические и справочные материалы и др. Стоит отметить, что ряд использованных автором источников отсутствует в итоговом библиографическом списке, в т.ч. такие принципиально важные правовые тексты как Уложение 1649 г., Полное собрание законов Российской империи, прочие правовые акты, устанавливавшие положение казачества в тот или иной период времени, а также архивные материалы, привлеченные автором. Сноски на эти материалы оформлены внутри текста. В содержательном аспекте исследование отслеживает перемены в правовом статусе енисейского казачества с параллельным анализом динамики их численности на основе статистических данных. Исходя из рассмотренных правовых актов, автор разделяет процесс формирования Приенисейского казачества на четыре этапа, особенно значимым представляется рубеж между первым и вторым этапами, а именно серия указов и штатных расписаний первой четверти XIX века, определивших особый статус сибирских городовых казаков. Автор в т.ч. отмечает появившееся функциональное разграничение между Приенисейским и прочими казачьими формированиями. При наличии существенного количества разнообразных правовых актов, регламентировавших разные стороны жизни енисейского казачества, автор выделяет общую тенденцию, характерную для всего рассматриваемого периода, эту тенденцию автор обозначает как «мягкое рассказывание», т.е. постепенная утрата привилегий и сближение с прочими социальными группами с параллельным сокращением штатной численности. При этом в заключительной части работы автор впадает в некоторое логическое противоречие, т.к. формулируя специфику енисейского казачества, пишет:

«...концепция целенаправленного государственного рассказывания в XVIII – XIX вв, не могут быть применимы в отношении казачества Азиатской части России вообще, и на енисейское казачество в частности. Процесс же сокращения Штатов казаков

Приенисейского края, в целом нельзя характеризовать как рассказчивание» При этом на протяжении текста многие паровые акты или даже целые периоды государственные политики трактуются именно как «рассказчивание»/ «мягкое рассказчивание»: "... две штанные реформы 1725 и 1737 годов можно охарактеризовать именно как политику «мягкого» рассказывания... процесс мягкого рассказывания енисейских казаков, проводившийся в период с 1822 по 1851 годы, был приостановлен... В середине 1871 года начался новый этап рассказывания.... Фактически второй период можно характеризовать, как период «мягкого» рассказывания». Возможно, автор имел в виду, что процесс рассказывания в Приненисейском крае не носил сплошного непрерывного характера или корректировался в зависимости от конкретных обстоятельств, но тогда это должно быть сформулировано соответствующим образом. Исследование в некотором смысле носит односторонний характер, так как рассматривает действия государства относительно конкретной социальной группы, но не рассматривает реакцию социальной группы на эти действия, при том что наличие критического восприятия существовавшего положения дел не вызывает сомнений, автор пишет о «буме правотворческих инициатив», случившемся в 1917-1919 г. Автор указывает на возможности «провести исследования проблемного вопроса: как изменение правового положения енисейского казачества повлияло на изменение социально-экономического положения казачества в Енисейской губернии», однако представляется что краткая характеристика казачьей реакции на те или иные реформы не помешала бы работе. В тексте работы встречается повторяющаяся неточность – указ 1725 г. обозначен как указ 1925 г., как в самом тексте, так и в описании таблицы: «Так, к 1925 году в подушный оклад были записаны 8182 казака,Таблица 1. Количество штатных, отставных и неверстанных казаков, которые были записаны в подушный оклад до Указа 1925 года». В целом работа выполнена на высоком научно-методическом уровне, содержит новые подходы к истории казачества и региональной истории Приенисейского края, основана на значительном источниковой базе и т.д. Вопрос о применимости термина «рассказчивание» к указанной специфической группе казачества в указанный период времени может быть предметом дискуссий. С исправлением технических недочетов (список литературы, опечатки) работа может быть рекомендована к публикации.

Genesis: исторические исследования

Правильная ссылка на статью:

Егоров Д.И. История научных заблуждений в США и их социально-экономические предпосылки по исследованиям Наоми Орекес // Genesis: исторические исследования. 2025. № 4. DOI: 10.25136/2409-868X.2025.4.74025 EDN: QXKCCF URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=74025

История научных заблуждений в США и их социально-экономические предпосылки по исследованиям Наоми Орекес

Егоров Денис Иванович

кандидат исторических наук

независимый исследователь

129128, Россия, г. Москва, ул. Бажова, 15

✉ denyegorov1981@yandex.ru

[Статья из рубрики "История науки и техники"](#)

DOI:

10.25136/2409-868X.2025.4.74025

EDN:

QXKCCF

Дата направления статьи в редакцию:

07-04-2025

Дата публикации:

14-04-2025

Аннотация: В статье рассмотрены основные работы известного американского историка науки Наоми Орекес, освещающие примеры научных заблуждений и их предпосылки в источниках финансирования, академических амбициях, социальных ценностях. Ее работы привлекают внимание как широкого круга читателей, так и специалистов. Для любителей популярным стилем изложены сложные вопросы о взаимоотношениях науки и бизнеса в США, о современных критериях исследовательской деятельности, о эпистемологической роли экологии в системе научного познания. Для специалистов очевиден основательный архивный труд, интересна новизна освещения событий в ракурсе исторической перспективы. Характеризуя примеры некомпетентных исследований и взглядов, Орекес использует словосочетание *scientific ignorance*. Из-за

отсутствия прямого смыслового аналога в русском языке, в статье его заменяет понятие заблуждение. Осуществлен анализ и синтез ключевых теоретических положений работ Орескес, путем выявления роли эпистемических стандартов, которых придерживалась автор, при характеристике сомнительных исследовательских практик. Использован историко-генетический и историко-системный методы при изучении связи заблуждений с коммерческими интересами в социально-историческом контексте развития науки в США. Определена продуктивность регулятивной функции экспертного консенсуса, междисциплинарности, ценностного плюрализма в критике деструктивных сомнений, устаревших критериев, фундаментализма в научной среде. История научных заблуждений – важный аспект социологии знания, представленная в трудах Орескес с привлечением разнообразного эмпирического материала. Исторический подход позволил в событийной конкретике осветить как социальные, так и эпистемологические последствия искажений и фальсификаций в науке, возникших под влиянием материальных мотивов ученых или их спонсоров, работодателей. Обращение к работам Орескес призвано актуализировать чувство социальной ответственности у ученых, что, по ее мнению, способствует восприятию адекватных современному уровню познания норм исследовательской деятельности. Статья может быть полезна специалистам по истории и философии науки, использована в образовательных курсах по данным дисциплинам.

Ключевые слова:

научные заблуждения, эпистемические стандарты, экспертный консенсус, источники финансирования, рыночный фундаментализм, экологическая повестка, исследовательская практика, доктрины неолиберализма, социология науки, социальная ответственность

Начиная с Роберта Мертона история и социология науки в США была дополнена вторым полюсом проблем, приобретя диалектические черты: к изучению вопросов влияния науки на общество, рассматриваемых главным образом в прогрессивном свете, были добавлены вопросы обратного влияния социальных интересов на науку. Анализ предпосылочной роли социальных ценностей в научно-познавательной деятельности, по замыслу американского социолога, должен способствовать углублению саморефлексии ученых, поддержке академической автономии, демократизации знания [\[3, с.743-748\]](#). Данные установки инициировали большое разнообразие работ на темы возникновения научных заблуждений, исходящих от социального, политического, культурного, экономического запроса. Наиболее широко представлена тема отношений власти и знания, но тема экономических интересов как источников научных искажений, ошибок и фальсификаций представляется не менее важной в условиях господства рыночных отношений. Наука стала ведущей производительной силой в формации капитализма, но не должна быть его служанкой, что происходило в периоды главенствования доктрины рыночного фундаментализма. Практическая оценка знания в аспекте экономической выгоды способно искажает его достоверность не в меньшей степени, чем социальные предрассудки, политические идеологии, каноны традиций.

Творческое наследие историка науки и профессора Гарвардского университета Наоми Орескес составляет большое количество научных и публицистических работ, привлекающих внимание читателей критикой выраженной в США тенденции тесного переплетения академических ценностей с источниками финансирования. Она

рассматривает многочисленные примеры сомнительных исследовательских практик, которые наносили ущерб продуктивным, а с точки зрения бизнес-корпораций - убыточным, решениям в сферах охраны труда, здоровья и окружающей среды. В долгосрочной перспективе откладывание проблем этих областей оборачивалось еще большими, чем предполагаемые затраты, финансовыми потерями, а также направляло исследовательскую деятельность по ложному пути. История научных заблуждений в ракурсе социальных последствий, которые в отличие от шибок предопределены не познавательными мотивами, актуализирует вопрос социальной ответственности ученых [12, р.33-34], разработка которого позволит усилить автономию научного познания по отношению к факторам экономических интересов.

Помимо Р. Мертона, теоретическими источниками исследований Орескес являются различные постпозитивистские концепты социальной эпистемологии (но и в размышлениях О. Конта она также усматривает немалую долю историзма и рефлексивных смыслов). Это взгляды Л. Флека [4] и Т. Куна [2] на определяющую роль научного консенсуса в признании достоверности знания и установлении релевантных способах его получения. Взгляды Б. Латура на социальную обусловленность исследовательских практик, отрицающие разграничение познавательного процесса и его внешнего контекста [1]. Феминистская эпистемология С. Хардинг [8] и Х. Лонгино [10] о значении плюрализма социальных ценностей в академической среде для увеличения степени объективности знания, путем снятия идеологических ограничителей, а важными критериями достоверности ими определяются гуманность, демократизм, универсальность. Обращение к истории науки в ракурсе социальной эпистемологии сформировало у Орескес представления о регулятивных нормах современной исследовательской практики, которые бы сохраняли общественное доверие к науке как к системе независимого экспертного знания и коллективному труду, нацеленному на реализацию общественных благ.

Свое представление об эпистемических стандартах компетентности в современной науке Орескес излагает в монографии «Зачем доверять науке?» и отдельных статьях. В историческом обзоре она повествует о различных причинах кризиса общественного доверия к научному знанию. Они сыграли пусковую роль в академических дискуссиях об утрате веры в авторитеты, в разногласиях при определении критериев истины, в спорах о признаках научного метода. В наше время, когда благодаря СМИ сформирована атмосфера постправды, во многих прикладных областях объективности отводится меньшее значение, чем индивидуальным и корпоративным интересам. Кризисы доверия запускают процесс переоценок в научном сообществе, мотивируют поиск лучших альтернатив устоявшейся системе взглядов. Так, концепты евгеники, социал-дарвинизма, монетаризма представлялись логически правильными и научно-состоятельными, но не для бедных, безработных или населения колоний. Общественное мнение не может рассматриваться как стороннее по отношению к познавательным целям, так как людям на практике приходится испытывать не предсказанные недостатки научных подходов. Кризисы доверия способствуют развитию социально-ориентированной науки и повышению уровня социальной ответственности ученых [13, р. 158-162]. Под влиянием данных мотивов научное сообщество стремится презентировать себя независимой экспертной группой, обновляются эпистемические стандарты, повышающие надежность знания. Орескес выделяет следующие актуальные для нашего времени стандарты:

1. Экспертный консенсус – результаты, по которым научное сообщество пришло к единому мнению. Если отдельный ученый отрицает вред от воздействия табачного дыма, роль вакцин в профилактике инфекционных болезней или антропогенное влияние на

климат - он уже не может считаться специалистом своей области. Консенсус всегда трудно достичим, но обязан быть итогом научных дискуссий, в отличие, например, от политических или культурных дискуссий [\[13, р. 129-134\]](#).

2. Разноплановая методология – объяснение явлений путем привлечения всех адекватных для данной цели средств. Акцент на одном методе, даже при условии его правильного применения, как правило дает односторонний результат. Без использования хотя бы нескольких подходов к изучаемому вопросу результаты не могут считаться целостными в связи с отсутствием разноспектной перспективы [\[13, р. 134-136\]](#).

3. Неизбирательный анализ доказательств – принятие во внимание всех данных, даже если они противоречат остальным. На основе скучной выборки фактов порой строятся амбициозные обобщения, и, когда появляются не поддающиеся объяснению исключения, их ошибочно отбрасывают [\[13, р.136\]](#).

4. Ценностный плюрализм – идейное разнообразие внутри академического сообщества или активное взаимодействие с другими сообществами. Определенные аспекты продуктивнее рассматривать с позиции неолиберализма, другие – социализма, феминизма и прочее. Разнообразие ценностей не позволяет социальным предрассудкам маскироваться под научные теории [\[13, р.137-136\]](#).

5. Смирение или здоровый самосkeptицизм – понимание учеными ограниченности собственных возможностей и неполноты научного знания в целом. Уверенность в обладании некой привилегированной позицией затмевает полноту картины решаемой проблемы, препятствует здравой самокритике, влечет ложную убежденность, что выработанные в рамках собственной специальности компетенции обладают эталонными качествами по отношению к «менее научным» дисциплинам [\[13, р. 139\]](#).

Обозначенные стандарты являются для Орескес признаками научной компетенции, а научные заблуждения определяются по признакам несоответствия им. Иллюстрируемые в ее работах примеры корысти, высокомерия, предвзятости и откровенной лжи являются примерами нарушения этих эпистемических стандартов правильной исследовательской практики. Признаки их нарушения – повод к осторожному отношению к истинным мотивам ученого.

В получившей мировую известность книге «Торговцы сомнениями» Н. Орескес в соавторстве с Э. Конвеем описаны события противостояний интересов промышленных групп и бизнес-корпораций с научными экспертами: отрицание вреда от пассивного курения; отрицание связи кислотных дождей с химической промышленностью; отрицание связи озоновых дыр с промышленным углекислым газом; отрицание глобального потепления как результата деятельности человека. «Сомнения» представлены в виде востребованного товара, подрывавшего доверие к научному консенсусу по тем или иным проблемам, что влекло отсрочки по их решению, оберегало корпорации от неизбежных коммерческих издержек. «Торговцами» являются некогда авторитетные в своих отраслях учёные - Ф. Зейтц, Р. Джастроу, В. Ниренберг и Ф. Сингер. В периоды антикоммунистических истерий общественный вес «ястребов от науки» был велик, но со спадом актуальности этих настроений специалисты из ВПК оказались не у дел, и избрали иной путь для поддержки своей репутабельности [\[14, р. 8\]](#).

С началом периода разрядки в США постепенно началась смена академических элит. Утвердилось понимание глобального характера ядерной угрозы. Военное и

экономическое превосходство не спасали от ядерной зимы, а утверждения прежних научных лидеров из ВПК о преувеличении вероятных последствий звучали нелепо. Проблемы глобального типа постепенно выводили на первые места ученых, которые понимали, что заниматься профилактикой мировых проблем проще, чем бороться с их последствиями. Данное мнение приобрело статус консенсуса, с чем не смогли смириться прошлые авторитеты. Их научную значимость стал определять выражаемый скепсис по предлагаемым мерам снижения социальных и экологических угроз, так как, по их мнению, «лекарство было хуже болезни». Однако существенная роль денежной мотивации в их деятельности обернулась заблуждениями. Получение финансирования от бизнес-корпораций – еще не признак ошибочной научной позиции сам по себе, хотя маловероятно, что избранная позиция будет идти в разрез с желаниями нанимателя. Поэтому Орескес делает акцент на нормативных аспектах их деятельности, противоречащих стандартам, как бы выразился Т. Кун, «нормальной науки» определенного исторического периода.

Прежде всего, это некомпетентные попытки четырех скептиков подорвать научный консенсус. Еще в 30-х годах ученые согласовали мнения о вреде пассивного курения; в 70-х сжигание угля определили причиной кислотных дождей; в конце 80-х установили связь разрушения озонового слоя с фреоновыми соединениями; в 1995 году потепление климата в результате искусственно созданного парникового эффекта стало общепризнанным фактом. Но сеятели сомнений раздували в СМИ псевдо-дискуссии, создавая впечатление, что проблемы находятся лишь на стадии рассмотрения. Выдвигая популистские тезисы о плюрализме в науке, они настаивали, что в демократическом обществе необходимо учитывать все мнения, засоряя прессу потоком «разоблачений» международных научных групп и отдельных ученых.

Демократия знания – это ценностный плюрализм, а не гносеологический, следует из рассуждений Орескес. Научные мнения могут быть разнообразными, но не равноценными. Оправдывать согласованные взгляды без аprobации собственных – это дезинформация, а не альтернатива. Консенсус в науке также доступен пересмотру, но осуществляется он в рецензируемых изданиях, а не в СМИ. Нарушение этого правила свидетельствует об отсутствии научно-познавательной ценности мнения, а источники его презентации указывают на стремление к манипуляции общественными настроениями [\[14, р. 268-271\]](#). Тем не менее, действия по решению указанных проблем при их очевидности откладывались на 15-50 лет, поскольку федеральное правительство в своих решениях опиралось лишь на согласованное научное мнение.

Нарушение правила привлечения многофакторной методологии выражалось в том, что сомнения в целесообразности принятия мер по экологическим проблемам излагались главным образом с точки зрения экономического подхода. Меры, по мнению скептиков, могут оказаться бесполезными и вредными, поскольку угрожают снижением объема производства, в связи с чем дальнейшее развитие оказывается в тупике. Со временем рынок адекватно отреагирует на угрозы, стимулируя поиск технологических решений.

По мнению Орескес, данная позиция дает искаженное понимание в духе экономического детерминизма, ограниченного оценками финансовых потерь на текущий момент. В производственные затраты не включен последующий вред от озоновых дыр, кислотных дождей и потепления климата [\[14, р. 183\]](#). Если потепление прогреет океаны еще на несколько градусов, то процесс станет необратимым. В таком случае технологические решения будут предназначены для приспособления к росту проблем ухудшения среды обитания, а не для улучшения качества жизни. К тому же, отмечают авторы, прогресс за

экологическими технологиями, а не за удешевлением производства [\[14, р. 105\]](#).

Предвзятый подход к данным выражался в заострении скептиками внимания на каких-либо неоднозначных или попросту неправильно интерпретируемых ими фактах, на основе которых делались выводы о мифическом характере проблем. Однако, по мере роста количества исследований, их стали называть гипотетическими, далее – недостаточно обоснованными, сохраняя пространство для производства сомнений. Почему не все курильщики болеют раком? Почему истончение озонового слоя над полюсами было до эпохи индустриализации? На какой год выпадет момент необратимого парникового эффекта? Эти вопросы, якобы указывающие на вероятностный характер фактов, требуют дополнительных исследований для установления точных причин, закономерностей, однозначной интерпретации.

Быть может такие сомнения кажутся убедительными в глазах обывателей, но, как отмечает Орескес, мы имеем дело со сложными явлениями и результатами множественной корреляции: можно курить и не заболеть раком при наличии крепкого иммунитета, что не исключает канцерогенные эффекты табачного дыма; озоновый слой над полюсами всегда был тоньше, но появление озоновых дыр установлено в XX веке; математически нельзя вычислить время необратимого парникового эффекта, так как процессы теплообмена в атмосфере многофакторные, что не устраняет вредного влияния искусственных парниковых газов. Когда многофакторность в открытых взаимодействующих системах препятствует точной определенности и прогнозированию, научно обоснованным признается наиболее вероятный сценарий, что не является оправданием для бездействия [\[14, р. 267-268\]](#).

Игнорируя роль ценностного разнообразия в расширении познавательного кругозора, скептики превозносили капиталистические ценности, считали их единственными гаранциями демократии и прогресса. По их заявлениям, экологи и климатологи – это агенты социализма и противники американского образа жизни. Ранее запрет рекламы табачной продукции и курения в общественных местах они называли дискриминацией и первым шагом к тоталитаризму. Только в условиях свободного рынка возможны новаторские инициативы, в том числе и в науке.

В ответ на эти заявления Орескес и Конвей отмечают, что представленные в книге проблемы являются собой провалы рынка [\[14, р. 254\]](#). Вред от чужого сигаретного дыма, окисление почв и опреснение океанов – это не демократический выбор американцев и не признаки прогресса. Потребительская модель капитализма успешно решала вопросы голода и нищеты, но их возможно было включить в цену продукции. Внешние издержки потребления экологического, демографического, социального характера не поддаются денежному измерению, и рынок не способен будет их преодолеть. Отказываясь признать ценность альтернативных взглядов, скептики выдавали капиталистические идиллии за научные ценности.

Отсутствие самокритики выразилось в эпистемологическом реакционизме и самооправдании при использовании недобросовестных способов в научной полемике. В 80-х годах Ф. Зейтц, Р. Джастроу, В. Ниренберг стали основателями аналитического центра Институт Дж. Маршалла, с ним сотрудничал и Ф. Сингер, а президент Р. Рейган в своих решениях опирался на выводы данного учреждения. Институт Маршалла стал центром объединения либертарианских ученых, инициировал петиции к Конгрессу и президенту, организовывал конференции и финансировал нужные публикации, а своей главной целью в его стенах провозгласили борьбу за «здоровую науку». Соответственно

их оппонентами были представители «плохой науки» - заполнившие Национальную академию «левые», раздувавшие вымышенные угрозы, вымогавшие гранты на свои фантазии. «Здоровая наука», в их понимании, основывается на строгих доказательствах, точных прогнозах, идеальных экспериментах, равенстве мнений. Все эти критерии позволяют избежать ненужных убытков.

Для Орескес эти убеждения некритичных к собственному мнению ученых основаны на устаревших установках позитивизма. Не менее важной задачей, чем поиск истины, для современной науки стоит задача поиска разумных действий в сложившихся обстоятельствах [\[14, р. 273-274\]](#). Обращение к прежним эпистемическим нормам теперь пригодно лишь для пропаганды, демагогии и производства сомнений, в конечном итоге - для создания недоверия к науке. Показателен пример полемики с климатологом Б. Сантером, чьи исследования по нагреванию атмосферы заслужили широкое признание коллег. Ф. Зейтц в СМИ критиковал его деятельность с позиции «здоровой науки». Физик-ядерщик рассуждал о критериях обоснованности климатологических исследований без малейшего представления каким образом достигаются результаты в этой области. Когда беспочвенность его слов становилась очевидной, он высказывал откровенную клевету, что позднее было доказано [\[14, р. 208-214\]](#). Несмотря на отсутствие научной ценности, деятельность четырех скептиков создала впечатление в обществе о неких научных разногласиях и ненадежности доказательств антропогенного влияния на климат. К 2010 г. эти настроения разделяли более половины американцев.

Каждый ученый волен руководствоваться своими представлениями о научной этике, принципах и стандартах исследовательской деятельности. Однако пренебрежение в совокупности пятью эпистемическими стандартами дает основания усомниться в искренности критики четырех скептиков. Ссылаясь на высказывание Ниренберга, Орескес дает понять, что ложь была осознанной [\[14, р. 274\]](#). Не имеет оправдания инициированная в СМИ критика давно умершей Р. Карсон, чьи исследования о вреде инсектицидов ДДТ привели к запрету их использования. Ее обвинили в преступлении против человечности по причине смерти 50 млн. людей из-за малярии. Специалистам было известно, что комары приспособились к этой группе химиков еще до введения запрета. Обвинения имели цель создать исторический прецедент, когда экологическая наука спровоцировала трагедию из-за поспешных решений [\[14, р.230\]](#). Игнорирование компетентных исследований и популистская риторика указывают на выполнение проплаченного химической промышленностью заказа по дискредитации экологов.

Банальную корысть все же нельзя назвать основным мотивом деятельности этих ученых, заботившихся о добром имени среди коллег. Источником их заблуждений была иррациональная вера в капитализм, при котором, по их убеждениям, рынок наилучшим образом обеспечивает эффективное развитие науки и даст адекватный ответ на угрозы. Эти взгляды устарели, как и иные косные детерминистские концепты. Допустимо предположить, что одной из социально предпосылок становления парадигм современной науки, нацеленной на изучение взаимодействия открытых систем, например, экологии и экономики, является реакция на глобальные проблемы, порожденные глобальным рынком. Ученые техно-модернистского склада мышления не смогли вписаться в новую систему мировоззрения, при этом их скептицизм оказался хорошо оплачиваемым. На протяжении всей своей карьеры они были убеждены, что в США финансируются главным образом перспективные научные направления, поэтому получение денег от бизнес-корпораций убеждало их в правильности избранной позиции, хотя это оказалось платой за распространение заблуждений.

Независимо от личных убеждений источники финансирования непременно повлияют на мотивы ученых и будут иметь эпистемологические последствия. Этот вопрос рассматривается Орекес и Конвеем в работе «Наука на службе» на примере развития послевоенной океанографии по 80-е годы XX века. До Второй мировой войны океанография в США не была приоритетной областью исследований, но развивалась в многоаспектном направлении. Актуальность морской геофизики в военных целях в период холодной войны повлекла обильные денежные потоки от ВМФ, что было воспринято как «золотой век» дисциплины. Однако, по мере роста контроля военных над наукой, рос уровень заблуждений в связи с акцентом на прикладных проектах в ущерб фундаментальным проблемам. «Военный контекст мотивации привел к тому, что океанографы стали рассматривать океан в первую очередь как среду, через которую передается звук и по которой путешествуют люди и машины, а не как место обитания жизни» [\[15, р. 15\]](#) - это замечание Орекес созвучно с иронией Хайдеггера над техногенным измерением мира, например, над индустриальной характеристикой Рейна – встроенным в электростанцию поставщиком гидравлического напора [\[5, с. 52\]](#).

Непосредственно военные не ограничивали деятельность ученых и были заинтересованы в правдивых результатах. Ученые, в свою очередь, руководствовались идеалами «чистой науки», относясь к деньгам как к средствам увеличения потенциала полезности своей работы. Причинами заблуждений стали два фактора: а) требование секретности в отношении проектов военного назначения, что обособило океанографов от остальной части научного сообщества; б) главным образом финансировались физические аспекты океанографии, по остаточному принципу – химические и биологические, примерно в соотношении 8 к 1. В итоге произошло нарушение как минимум двух эпистемологических стандартов, обозначенных Орекес. Во-первых, обособление привело к акцентированию на военной ценности открытий и недостаточному пониманию ценности развития гражданской океанографии, которое на необходимом уровне возникло бы в процессе дискуссий со смежными специалистами. Во-вторых, доминирование физико-технологического подхода привело к слабому пониманию экологических процессов в океане. Когда в последней трети XX века в науке стали преобладать междисциплинарные тенденции, океанография осталась в стороне, а ее прежние лидеры потеряли общественное доверие. Вопросы о пагубном влиянии морских технологий на водных млекопитающих, о причинах сокращения популяции рыб, о причинах потепления океанов и др. решались специалистами других дисциплин. Эти вопросы, конечно, были знакомы океанографам, но финансирование ВМФ на их разработку не предусматривалось, поэтому они остались в зачаточном состоянии [\[15, р. 404-502\]](#).

Особым объектом критики как источника заблуждений для Орекес являются неолиберальные доктрины капитализма (под неолиберализмом здесь понимается комплекс учений о приоритете экономических свобод над всеми другими, что отличает его от классического либерализма, в центре которого располагались гражданско-политические свободы). Капитализм благополучно переживает своих критиков, но без необходимости развиваться в идейной конкуренции с оппонентами приобретает одиозные черты [\[9\]](#). В совместной с Э. Конвеем монографии «Большой миф» в совокупности с ролью правительственного регулирования рыночных отношений представлена роль научного сообщества в прогнозировании социальных, военных, экологических угроз экономических экспансий и в разработке регулятивных мер. Рынок приспособливался к регулированию и эволюционировал в лучшую сторону. Однако этот механизм дал сбой во времена Р. Рейгана, когда квазирелигиозное учение о рынке стало приобретать наукообразную форму [\[16, р. 8-9\]](#). Неолиберальная модель

капитализма, которая обосновывалась находящимися на службе у бизнеса учеными, оказалась невосприимчивой к внешней критике, неспособной адекватно реагировать на современные глобальные проблемы.

Первая часть книги повествует о деятельности промышленных корпораций в борьбе с федеральными мерами по вопросам электрификации сельских регионов, безопасности труда на производстве, социальным гарантиям работодателей, прогрессивного налогообложения и др. Более того, корпорации противились важным инфраструктурным проектам, доступности образования, здравоохранения и иного, что не предвещало обозримую выгоду с точными цифрами. Для распространения собственной пропаганды использовались ведущие СМИ, популярная литература, Голливуд, средние образовательные учреждения. Ключевым ее тезисом было отождествление «духа Америки» с частным предпринимательством. Но пропаганда рухнула вместе с биржевыми курсами во время Великой депрессии.

Перевоплощение мифа о магических эффектах рынка в научный концепт началось с противодействия «Новому курсу» и как разработка альтернативы кейнсианству [\[16, р.138\]](#). Декларативные формы пропаганды переставали работать, если не имели научного прикрытия. Представители потерявшей академическую респектабельность Австрийской экономической школы стали получать от финансовых и промышленных групп щедрое финансирование, должности, рекламу для последующего реванша. Орескес осуществляет эпистемологическую критику работ «Социализм» Л. Мизеса, «Дорога к рабству» Ф. Хайека, «Капитализм и свобода» М. Фридмана. Эти книги позиционировались теоретической базой неолиберальной экономической мысли, но слабое эмпирическое обоснование прикрывалось политическими аргументами, а методологический аспект ограничивался анализом механизма спроса и предложения. Никогда не было научного консенсуса по признанию объективности выводов данных трудов по экономике без экономики. Ведущие экономисты называли их утопиями, фантазиями, но не исследованиями [\[16, р. 143, 290\]](#).

Орескес обозначает общие логические ошибки у Мизеса, Хайека и Фридмана: ложная дилемма – демократия/тоталитаризм; ложная корреляция – отождествление капитализма со свободой; подмена понятий – политические тезисы выдаются за экономические факты. Эти ошибки закономерно следовали из того, что авторы понимали действительную причину востребованности своих работ у спонсоров (Национальная ассоциация производителей NAM): под прикрытием экономической теории показать потенциальную вредоносность механизмов внешнего регулирования рынка. Поэтому повсеместно из экономической информации пристекала идеология.

Руководствуясь собственным видением эпистемических норм научного подхода, Орескес осуществляет критику концептов рыночного фундаментализма. Несоответствие им позволило усмотреть, что классики неолиберальной экономической мысли переделывали в научную форму дискредитировавшие себя тезисы корыстной пропаганды бизнес-групп 20-30-х гг. против правительенного регулирования рынка [\[16, р. 295\]](#).

В работе Мизеса «Социализм» отчетливо выражен избирательный подход к фактам, где данные о неэффективных чертах плановой экономики служат отрицанием недостатков у свободного рынка. Отсюда следуют спекулятивные выводы о государственном участии как естественном враге честной конкуренции, а также о социализме без оттенков как о предварительном этапе к тоталитаризму. Кроме скудной экономической информации о ценообразовании в механизме спроса и предложения экономического анализа в работе

Мизеса, по мнению Орекес, почти нет. Однако указание на субъективные черты спроса и информированность рынка в реальных ценах якобы убедительно свидетельствуют об ошибочности трудовой теории стоимости и неэффективности кейнсианских подходов к регулированию деловой активности [\[139-145\]](#).

Хайек продолжил развивать взгляды Мизеса по проблемам плановой экономики в слабом информационном обеспечении, но отсутствие самокритики привело к эталонным представлениям о рыночных механизмах, полному смешению политики и экономики [\[16, р. 146-147\]](#). Как и другие представители Австрийской школы Хайек стремился к видению в экономике «чистой науки», свободной от наслаждения социально-коллективистскими ценностями, а в рынке – автономную и саморегулирующуюся систему, высшую форму хозяйственных отношений. Но, опираясь на подход М. Вебера, он выводил становление свободного рынка из ценностей индивидуализма, и им также придавал эталонное значение. Учение о «чистой экономике» стало пропагандой консервативной идеологии. Спонсорам из НАМ не составило труда отодвинуть на второй план несогласие Хаейка с доктриной «laissez faire» и признание им необходимости государственного регулирования. В сокращенных популяризаторских версиях «Дорога к рабству» была преобразована в панегирик рыночному фундаментализму [\[16, р.165\]](#).

Нарушение нормы ценностного плюрализма наиболее выражено в работе М. Фридмана «Капитализм и свобода». Хотя, казалось бы, такой апологет конкурентной борьбы должен был учитывать значимость разнообразия. С иронией Орекес отмечает, что успех работы Фридмана произошел не в результате честной конкуренции на рынке идей, а стал итогом хорошего маркетинга [\[16, р. 294-295\]](#). Концепт конкуренции свобод оказывается ущербным на своем предпосылочном – ценностном уровне, так как высшей ценностью и условием существования иных свобод объявляются экономические свободы. В итоге, в работе Фридмана представлена не взаимосвязь равнозначных демократических и капиталистических ценностей, а их иерархия, на вершине которой расположились интересы рынка. Отсюда указания на отсутствие самодостаточности и вредоносности иных социальных ценностей: равенство, справедливость и даже гарантии безопасности жизни уступают по значимости экономическим свободам, что противоречит последовательности конституционных прав, то есть американской демократии [\[16, р.273\]](#). Концептуальной основой подобных взглядов в действительности становится мальтизианство и социал-дарвинизм, а не заявленное «Богатство народов» А. Смита. В целом, звучит сомнительно, что капитализм, в определении которого заложена эксплуатация наемного труда, отождествляется со свободой.

Что же является концептуальной основой эпистемических стандартов, которых придерживается Орекес и, руководствуясь которыми, она выявляет некомпетентность оппонентов? Орекес известный в США эко-активист, а экология и климатология служат для нее образцами современной научной практики в соответствии с синергетическим мировоззрением, интердисциплинарными тенденциями, установками на гуманизацию научного знания. Многие экологические историки видят в своей области исследований платформу для теоретического синтеза фрагментированного исторического познания в перспективе раскрытия коэволюционного развития геологических, биологических и социальных систем [\[6, р. 201-204\]](#). Вера во всеобщее рыночное благо и иные глобалистские иллюзии конца XX века изживают себя, оставляя глобальные проблемы. Ключевой задачей современной науки становится рационализация практик жизнедеятельности в соответствии с этими проблемами и, прежде всего, с экологическими. Производство контрпродуктивных сомнений по этому поводу,

мифотворчество под прикрытием экономических теорий, признание ценности за развитием лишь прикладных исследований – все это признаки научных заблуждений, базирующихся на устаревших академических нормах, социальных предрассудках, корысти. Простые эпистемические стандарты, обозначенные Орескес, служат профилактическим средством против современных форм заблуждений.

Критика исследований Орескес включает в себя замечания о непоследовательности автора, указывая на эпизоды нарушения собственной эпистемологической позиции. Также в ее работах не всегда доказательно раскрыты случаи коррупции, присутствуют отдельные некомпетентные суждения [11]. Данные моменты являются частностями, из которых пытаются сделать многозначительные выводы. Большой интерес представляют замечания о деструктивной технофобии прежнего поколения эко-активистов, которые под влиянием страхов времен холодной войны боятся развития ядерной энергетики и биотехнологий, отказываются видеть в них пути решения экологических проблем. Сейчас направление эко-модернизма успешно интегрируется в капиталистические отношения, выводят их на новый этап развития [7]. Однако, даже при признании справедливости подобных замечаний, работы Орескес ценны ретроспективным анализом с обозначением характерных закономерностей и повторяющихся практик. В данном ракурсе каждая новая фаза развития капитализма все более пагубней оказывается на окружающей среде в своем стремлении удешевить производство.

Основной научный вклад исследований Наоми Орескес видится в исторической конкретизации обобщенных высказываний философов и социологов о влиянии материальной мотивации на методы, теории, интерпретацию фактов. В примерах Орескес раскрыто, как наука становилась придатком рынка, знание – товаром, а ученые – торговцами. Ее критика затронула репутацию многих авторитетных ученых, но ее не следует воспринимать как унижение их достижений или личную неприязнь, так как она касается случаев нарушения ими границ собственной компетенции и утрату чувства социальной ответственности. В условиях противоречий научно-технического развития видится продуктивным сознательно избрать общественное доверие к науке мотивирующей социальной предпосылкой познавательной деятельности, так как предпосылки знания определяют последствия его применения. Р. Мертон усматривал условие общественного доверия в сохранении учеными установки на ценностную нейтральность в качестве независимых экспертов. Исторический опыт убедил Орескес в сложности реализации данной установки, но есть скромная альтернатива в соотнесении учеными своих мотивов с общечеловеческими ценностями, прописанными в преамбулах конституций и деклараций. Это сохранит общественное доверие к ученым как к специалистам с универсальными качествами, а не специалистам по реализации чьих-то интересов, что зачастую оборачивалось заблуждениями и искажениями.

Библиография

1. Латур Б. Наука в действии: следя за учёными и инженерами внутри сообщества / пер. с англ. К. Фёдоровой; научн. ред. С. Миляева. СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2013. 414 с.
2. Кун Т. Структура научных революций. М.: "ACT", 2003. 605 с. EDN: QWFEIT
3. Мертон Р. К. Социальная теория и социальная структура / Пер. с англ. Е. Н. Егоровой, и др.; науч. ред. З. В. Коганова. – М.: АСТ, Хранитель, 2006. 873 с.
4. Флек Л. Возникновение и развитие научного факта. М.: Идея-Пресс, Дом интеллектуальной книги, 1999. 220 с.
5. Хайдеггер М. Вопрос о технике // Новая технократическая волна на Западе. М.: Прогресс, 1986. С. 45-66.

6. Chakrabarty D. The Climate of History: Four Theses December // Critical Inquiry. 2009. 35(2). P. 197-222.
7. Entine J. Naomi Oreskes And Denialism About The Scientific Consensus On GMOs And Nuclear Energy. 2016. [Электронный ресурс] URL: www.science20.com/jon_entine/naomi_oreskes_and_denialism_about_the_scientific_consensus_on_gmos_and_nuclear_energy-164788 (дата обращения 20.10.2024).
8. Harding S. The Science Question in Feminism. Cornell University Press, 1986. 296 p.
9. Kocka J. Capitalism and Its Critics. A Long-Term View. 2018. [Электронный ресурс] URL: www.econstor.eu/bitstream/10419/191593/1/f-21792-full-text-Kocka-Capitalism-v3.pdf (дата обращения 10.12.2024).
10. Longino H. Science as Social Knowledge: Values and Objectivity in Scientific Inquiry. Princeton: Princeton University Press, 1990. 280 p.
11. Morano M. Analysis: Climate activist Naomi Oreskes' shady history of 'crooked skeptics' claims. 2021. [Электронный ресурс] URL: www.climatedepot.com/2021/02/19/analysis-climate-activist-naomi-oreskes-shady-history-of-crooked-skeptics-claims/ (дата обращения 16.11.2024).
12. Oreskes N. What Is the Social Responsibility of Climate Scientists? // *Dædalus*, the Journal of the American Academy of Arts & Sciences. 2020. № 149 (4). С. 33-45.
13. Oreskes N. Why Trust Science? Princeton, New Jersey: Princeton University Press, 2019. 376 p.
14. Oreskes N., Conway E. Merchants of Doubt: How a Handful of Scientists Obscured the Truth on Issues from Tobacco Smoke to Global Warming. New York: Bloomsbury Press, 2010. 355 p.
15. Oreskes N., Conway E. Science on a Mission: How Military Funding Shaped What We Do and Don't Know about the Ocean. University of Chicago Press, 2020. 744 p.
16. Oreskes N., Conway E. The Big Myth: How American Business Taught Us to Loathe Government and Love the Free Market. Bloomsbury Publishing, 2023. 576 p.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Рецензируемый текст «Социально-экономические предпосылки научного невежества в США по исследованиям Наоми Орекес» являются квалифицированным междисциплинарным исследованием роли науки в современном западном обществе. Автор специально не обосновывает актуальность работы, но совершенно очевидно, что любой из актуальных дискурсов последнего времени (глобальное потепление, ковид, гендерное разнообразие и т.д.) должен учитывать рассматриваемые в работе тенденции обратного влияния общества на науку («наука стала ведущей производительной силой в формации капитализма... Практическая оценка знания в аспекте экономической выгоды искажает его достоверность не в меньшей степени, чем социальные предрассудки, политические идеологии» и т.д.). В центре внимания автора находятся работы американского историка науки Наоми Орекес, основные работы которой по данной проблематике (в т.ч. «Торговцы сомнениями») были опубликованы в 2010-ые гг. и представляют, по мнению автора, убедительную критику неолиберальной доктрины и выявление связанных с ней социально-экономических предпосылок так называемого "научного невежества" т.е. искажений научной истины/сознательного отступления от принципов научного познания. Соответственно, основной источниковой базой работы является комплекс текстов самой Орекес и тексты, посвященные ее работам, в т.ч.

критические. Автор не указывает на степень изученности вопроса, впрочем, из библиографического списка и некоторых частей работы можно составить представление о тематике ведущихся дискуссий. Рассмотрение тезисов основных работ Орескес автор помещает во внятный общественно-политический контекст США/Западного мира в целом последних 40-50 лет (антикоммунизм, холодная война, разрядка, господство неолиберализма в администрации Рейгана и др.). Определенную проблему текста представляет механическое перенесение англизмов/англоязычных конструкций в русский язык, принципиальным нам представляется вынесенное в название текста понятие «научное невежество», калька с устоявшегося англоязычного *scientific ignorance*; однако в русском языке это несочетаемые слова, невежество – это отсутствие знаний, наука – способ организации и получения знания, невежество не может быть научным по определению. В текстах же Орескес речь идет об обусловленном социально-экономическими реалиями капитализма искажении научного знания, т.е. скорее о научных заблуждениях/искажениях научного знания, но не о невежестве Фридриха Хайека или Милтона Фридмана, критикуемых Орескес. Классическая работа этого же Хайека упомянута как «Дорога к крепостному праву» в то время как в России она известна и издавалась как «Дорога к рабству». Есть другие неудачные стилистические обороты: «Орескес дает понять, что откровенно они осознавали себя лжецами», «нападки из института Маршалла», постнеклассической формы науки и т.д. В целом работа написана на должном научном уровне и по исправлении указанных недочетов может быть рекомендована к публикации.

Результаты процедуры повторного рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Рецензируемая статья представляет собой исследование, посвящённое анализу научных заблуждений, возникших в США вследствие воздействия социальных, экономических и политических факторов. Работа охватывает широкий спектр тем, связанных с историей науки, социологией знаний и философией науки, что делает её актуальной и интересной для широкого круга исследователей.

Основная тема статьи – выявление и анализ причин возникновения научных заблуждений в США, особенно в контексте влияния социальных и экономических факторов. Автор фокусируется на изучении конкретных примеров таких заблуждений, включая отрицание вреда от пассивного курения, кислотных дождей, разрушения озонового слоя и глобального потепления. Важной частью исследования является рассмотрение роли учёных, которые выступали против научного консенсуса, поддерживая интересы промышленности и корпоративных структур.

Автор использует комплексный подход, включающий элементы исторической реконструкции, социологического анализа и философской рефлексии. В частности, рассматриваются концепции социальной эпистемологии, предложенные такими авторами, как Томас Кун и Людвиг Флек, а также идеи феминистской эпистемологии, выдвинутые Сандой Хардинг и Хелен Лонгино. Этот методологический арсенал позволяет автору анализировать сложные взаимоотношения между наукой, обществом и властью, раскрывая механизмы формирования научных заблуждений.

Работы известного американского историка науки Наоми Орескес, оказавшиеся в центре внимания автора, обладают высокой степенью актуальности, учитывая текущие дискуссии вокруг вопросов изменения климата, экологической устойчивости и, в целом, роли науки в современном мире. Вопросы, поднятые автором статьи, касаются не только

истории науки, но и её современного состояния, и не только роли исследований Н. Орескес в этом контексте, что делает работу важной для понимания текущих вызовов, стоящих перед научным сообществом.

Одной из ключевых особенностей статьи является её оригинальный взгляд на проблему научных заблуждений. Рассмотрено предложенное Н. Орескес новое прочтение классических теорий, связывая их с современными проблемами, такими как изменение климата и деградация окружающей среды. Автор показывает, как экономические интересы влияют на формирование научных представлений и какие последствия это имеет для общества. Такой подход обогащает традиционную историю науки новыми смыслами и делает исследование актуальным для современной научной дискуссии.

Работа написана ясным и доступным языком, несмотря на сложность обсуждаемых тем. Статья чётко структурирована, что облегчает восприятие материала. Библиография статьи обширна и включает значимые работы по философии науки, социологии знания и экологии. Это свидетельствует о глубоком погружении автора в тему и желании представить максимально полную картину исследуемого вопроса.

Автор активно критикует позицию учёных, выступавших против научного консенсуса, относя их к так называемым «торговцам сомнениями». Эта критика направлена на разоблачение манипуляций общественным мнением и продвижением корпоративных интересов. Автор, соглашаясь с Н. Орескес, подчёркивает важность научного консенсуса и необходимость защиты академической автономии, что делает аргументы более убедительными и направленными на защиту общественного блага.

В статье удалось объединить различные теоретические подходы и дисциплины, что позволяет ей глубже понять природу научных заблуждений. Исследование учитывает историческую ретроспективу развития идей, что придаёт ему глубину и основательность. Автор подчёркивает важность социальной ответственности учёных и необходимость учёта внешних факторов при проведении научных исследований.

Ключевой вывод статьи заключается в том, что научные заблуждения часто возникают под воздействием социальных и экономических факторов, и что учёные несут ответственность за сохранение независимости и объективности научного знания. Этот вывод представляется обоснованным и важным для понимания процессов, происходящих в современной науке.

Статья, безусловно, привлечёт внимание специалистов в области истории науки, социологии знаний и философии науки. Также она будет интересна широкому кругу читателей, интересующихся вопросами экологии, устойчивого развития и роли науки в современном обществе.

Учитывая высокий уровень проработанности темы, оригинальность подхода и актуальность поднимаемых вопросов, статья «История научных заблуждений в США и их социально-экономические предпосылки по исследованиям Наоми Орескес» заслуживает публикации в журнале «Genesis: исторические исследования».

Genesis: исторические исследования

Правильная ссылка на статью:

Тимофеева Р.А., Чумак Р.Н. Научно-исследовательские и опытно-конструкторские работы по созданию электромагнитной артиллерии в СССР в конце 1920-х-1930-е годы // Genesis: исторические исследования. 2025. № 4. DOI: 10.25136/2409-868X.2025.4.74016 EDN: PTMJHU URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=74016

Научно-исследовательские и опытно-конструкторские работы по созданию электромагнитной артиллерии в СССР в конце 1920-х-1930-е годы

Тимофеева Римма Александровна

ORCID: 0000-0002-9051-0391

кандидат искусствоведения

доцент; кафедра истории и теории искусства; Санкт-Петербургский государственный университет промышленных технологий и дизайна

194064, Россия, г. Санкт-Петербург, ул. Политехническая, 29, корпус 2, кв. 32

rimma.a.timofeeva@gmail.com

Чумак Руслан Николаевич

кандидат технических наук

Начальник отдела фондов; Военно-исторический музей артиллерии, инженерных войск и войск связи

197046, Россия, г. Санкт-Петербург, ул. Александровский Парк, 7

rimmaa@gmail.com

[Статья из рубрики "История науки и техники"](#)

DOI:

10.25136/2409-868X.2025.4.74016

EDN:

PTMJHU

Дата направления статьи в редакцию:

08-04-2025

Дата публикации:

16-04-2025

Аннотация: Предметом изучения в данной статье является научная разработка

проблемы создания электроорудий в СССР в конце 1920-х – начале 1930-х годов. Анализируются предложения, сделанные ранее (магнитофугальное орудие, предложенное М. П. Костенко, М. М. Подольским и Н. С. Япольским), определяются причины интереса к данному виду военной техники в СССР. Рассматриваются основные этапы разработки теоретических основ электроорудий, выявляется ведущий научный центр – Артиллерийский научно-исследовательский институт – и анализируются основные проекты (магнитоэлектрические, электросоленоидные орудия и другие их типы). Указываются сложности и проблемы, с которыми столкнулись советские инженеры, и возможные пути их решения. Объективной преградой на пути к созданию мощных электрических орудий стояли, в первую очередь, проблемы в области физики токов сверхвысокой мощности и их генерации, решить которые советская наука 1930-х годов не смогла. При работе над данным материалом использовались следующие методы исследования: историко-научный анализ специальной исследовательской литературы, сравнительно-исторический метод, обработка архивных данных (ЦАМО РФ., ЦГА СПб., РГА г. Самара и др.). Впервые в научный оборот вводятся новые данные, касающиеся развития научной школы проектирования вооружения 1930-х годов, указываются инженеры-руководители основных проектов. На основании вновь выявленных архивных материалов и изучения отчетов по научно-исследовательским работам, проводимым в Артиллерийском научно-исследовательском институте, делается вывод о том, что попытка создать пригодные для боевого применения орудия данного вида закончилась неудачей. Достижению желаемых параметров выстрела из электромагнитных орудий препятствовали две главные причины – недостаточная мощность существовавших в то время источников энергопитания и невозможность обеспечить надежную передачу электроэнергии на движущийся снаряд. Как показали дальнейшие исследования, при классических контактных способах передачи энергии данная проблема не имеет удовлетворительного решения. Материалы исследования могут быть использованы при изучении общих закономерностей развития отечественной науки советского периода.

Ключевые слова:

проектирование вооружения, электромагнитная артиллерия, ударный генератор, магнитоэлектрическое орудие, электросоленоидное орудие, Артиллерийское управление, Артиллерийский научно-исследовательский институт, научная школа, Коноплев А.П., Жаков В.К.

1. Введение, характеристика источников

Период конца 1920-х-1930-х годах в истории отечественной науки и техники имеет важное значение для развития нашей страны, в это время руководство страны предприняло значительные усилия по развитию военной промышленности и военной науки с целью создания новых, самых передовых образцов военной техники, в том числе артиллерийской. Для решения практической задачи по укреплению обороноспособности СССР и вывода Красной армии на современный технический уровень в стране была сформирована отечественная научная школа проектирования артиллерии, разработаны и запущены в серийное производство современные образцы артиллерийских орудий и снарядов, проведена модернизация ранее разработанных и уже выпускающихся образцов. Кроме того, был выполнен ряд работ, являющихся попыткой создать теоретико-экспериментальную основу для резкого увеличения возможностей этого вида военной техники в будущем.

Именно в этот период руководством военной промышленности и РККА была поставлена задача формирования профильных проектно-конструкторских организаций специализирующихся на разработке определенных видов вооружения и военной техники. Это отразилось в обсуждениях проекта системы вооружения 1926 года [1] и в проекте системы артиллерийского вооружения 1933 года [2, л. 307-313]. В рамках выполнения указанной задачи в 1930 году в Ленинграде был сформирован специальный ведущий научный центр по исследованию актуальных вопросов развития артиллерийской техники – Артиллерийский научно-исследовательский институт (АНИИ). Согласно Положению, именно АНИИ предназначался для «научно-опытовой и исследовательской разработки всех вопросов и предложений, касающихся новых артиллерийских средств борьбы, теории, техники и боевого использования артиллерийского вооружения РККА» [3, л. 97].

Одним из направлений таких исследований стало создание артиллерийских орудий, использующих для метания снарядов электрическую энергию, оценка их возможностей и общих перспектив развития электромагнитной артиллерии. Значительная часть документов, отражающих ход и результаты данных исследований, хранится в научном архиве Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи, г. Санкт-Петербург (ВИМАИВиВС). Это комплекс отчетов о научно-исследовательской работе (НИР), приводившейся специальной лабораторией АНИИ в 1931–1938 годах, на их основе построен материал настоящей работы. Документы о работах над электромагнитными орудиями выявлены в иных ведомственных (ЦАМО РФ., г. Подольск) и государственных архивах (РГА в г. Самаре; РГВА, г. Москва; ЦГА СПб.), но наиболее полные сведения о них содержатся в научном архиве ВИМАИВиВС.

2. Предварительный период разработки вопроса (до конца 1920-х годов)

К тому времени, когда в СССР начались исследования электромагнитных орудий, принципы метания предметов силой электромагнитного поля (электромагнитных ускорителей масс) были давно и хорошо известны. Теоретические основы функционирования ускорителя масс с помощью бегущего магнитного поля заложил в 1839 году в одной из своих научных работ великий физик и математик Иоганн Карл Фридрих Гаусс. Впоследствии принцип ускорителя масс с помощью бегущего магнитного поля был реализован в электродвигателях различных типов. Неоднократно предпринимались попытки использования принципов электромагнитных ускорителей масс в военной технике для метания артиллерийских снарядов. В приложении этих принципов к электромагнитному (электрическому) орудию они могут быть оформлены в виде тех же конструктивных решений, которыми обеспечивается функционирование электродвигателей того или иного вида, но примененными к их подвижной части – ротору (в данном случае, метаемому снаряду) таким образом, чтобы он совершал не вращательное, а прямолинейное движение.

Главным преимуществом электромагнитных орудий над классической огнестрельной артиллерией является отсутствие ограничений скорости разгоняемого снаряда, что позволяло, в теории, обеспечить практически неограниченную дальность стрельбы. Столь масштабные свойства электромагнитных орудий привлекали внимание военных инженеров в разных странах мира, приступивших к исследованиям в области создания таких орудий с середины XIX века: Беннингфилд (США, 1845 год, оригинальное название – Beningfield's «Electric Gun»), фон Гефт (Австрия, 1895 год), Гарднер (США, 1900 год), Биркеланд (Норвегия, 1901 год), Симпсон (Великобритания, 1908 год) [4], но все они при испытаниях не показали сколько-нибудь значимых результатов.

К началу XX века работоспособность всех основных принципов электромагнитных ускорителей масс была опробована на практике, и дело создания электромагнитного орудия виделось достаточно простым и состояло в выборе наиболее эффективного принципа ускорения снаряда и его реализации в конкретной конструкции. Впервые в России предложение электрической пушки (магнитофугального орудия) [\[5, л. 2\]](#) было разработано в 1915 году инженерами М. П. Костенко, М. М. Подольским и Н. С. Япольским. Артиллерийский комитет Главного артиллерийского управления (ГАУ) рассмотрел это предложение, но отклонил его, хотя и признавал эту идею «правильной и осуществимой» [\[6, с. 365\]](#).

В СССР работы по созданию электрических орудий стали отдельным направлением исследований в комиссии особых артиллерийских опытов (КОСАРТОП) по линии НИР, связанных с изучением экстрадальной стрельбы. В период 1918–1924 годов в комиссию были представлены результаты различных теоретических исследований: «О магнитофугальном орудии переменного тока» и «Об электрическом орудии, типа Фошон-Вильпле, постоянного тока». Эти теоретические исследования предварили начало практических работ по созданию электромагнитных орудий в нашей стране.

Изначально эти работы велись в Магнитофугальном бюро – структуре, специально созданной при Комитете по делам изобретений. В ходе предварительных исследований КОСАРТОП и Артком ГАУ определила требования к проекту электрической пушки и передало их в названное выше бюро. На начальном этапе исследований КОСАРТОП и Артком ГАУ привлекли ведущих специалистов по электротехнике: проф. В. Ф. Миткевича (1872–1951), проф. А. Л. Королькова [\[7\]](#), д. А. Куприянова (1872–1928), Н. В. Гуранда (1880–1942), В. В. Гуна. Именно В. В. Гун в 1928–1929 годах занимался разбором проектов электрических пушек инженера А. П. Коноплева [\[8, л. 132\]](#), являвшегося пионером в исследованиях по созданию орудий этого рода в СССР.

Предполагалось на основе рекомендаций этих специалистов и положений их теоретических работ построить модели электрических орудий и после получения удовлетворительных результатов перейти к изготовлению полноценного образа электрической пушки. Однако к 1924 году теоретические работы завершены не были и не дали необходимого практического результата [\[9, л. 51\]](#). На это были достаточно весомые причины. Дело в том, что никакой цельной теории расчета электромагнитных орудий в мире в то время не существовало, что не позволяло определить оптимальные параметры их важнейших конструктивных элементов. Особенности электрических процессов, протекающих в подобных аппаратах, также были мало изучены. Аналогичное положение с теоретическими основами электромагнитных орудий существовало и за рубежом. Из-за столь бедной теоретической базы советским ученым пришлось идти к цели исследования опытным путем, создавая новые способы расчетов и проверяя их экспериментами на моделях электрических пушек. Именно с этого, в общем невысокого уровня понимания возможностей использования электрических сил в артиллерии, и начались исследования по созданию электрических орудий в СССР.

3. Исследования по созданию электромагнитных орудий различных видов (1928–1938 гг.)

В 1928 году инженер А. П. Коноплев (12 марта 1892 года – 22 февраля 1968 года) представил в Артиллерийское управление (АУ) РККА свою работу под названием «Метание снарядов электрической силой». В ней он рассмотрел общие принципы проектирования орудия с принципом метания снаряда с помощью электрического тока,

которые предлагались на первоначальных этапах научно-исследовательских работ. Он пришел к выводу, что конструктор электрических пушек не должен стремиться обеспечить время воздействия электрических сил на снаряд в стволе, сравнимое с временем протекания внутрибаллистических процессов порохового орудия, а должен пойти по пути более длительного воздействия сил на снаряд. Такое решение, конечно, требовало применения значительно более длинного ствола, но процесс сообщения скорости снаряду организовывался существенно проще. По мнению Коноплева, электрическое орудие должно быть стационарным, что исключало проблему снабжения его электрической энергией, которую можно доставлять к нему с помощью специальных ЛЭП. При этом он оценивал и потребную электрическим орудием мощность в несколько сотен тысяч и даже миллионов киловатт, но считал такие значения достижимыми для электрогенерирующей техники тех лет. А. П. Коноплев предложил использовать для метания снаряда силу электромагнитного поля, что позволяло производить постепенный разгон метаемого снаряда. Это давало орудию целый ряд конструктивных и эксплуатационных преимуществ, в том числе отсутствие ограничений по максимальной скорости снаряда.

Отмеченные преимущества требовали детального изучения, поэтому в 1931 году секция «Электроорудия» научно-технического комитета (НТК) АУ разработала план работ по данной теме. Помимо изучения существующей теоретической базы и составления обзора состояния вопроса в целом, планировалось осуществить разработку собственно электрических орудий и вести ее силами двух научных центров: электротехнической лаборатории АНИИ (г. Ленинград, начальник О. Г. Флеккель, ведущий инженер – А. П. Коноплев) и Всесоюзного электротехнического института (ВЭИ, г. Москва, ведущий инженер А. Г. Иосифьян). АНИИ занимался электрическими пушками, построенными практически по всем известным к тому времени принципам, с двумя типами разгонных устройств (стволов) – прямолинейным и криволинейным. За начальный этап исследовательской деятельности (до 1933 года) [\[10, л. 196\]](#) в различных организациях были получены следующие предварительные результаты. В 1931 году инженер А. Г. Иосифьян с коллективом соавторов разработал несколько предложений электрических орудий и на одно из них – «Электромагнитное орудие» – получил авторское свидетельство. В 1933 году он вместе с Б. Д. Садовским рассчитал конструкцию уже длинной электрической пушки, работающей путем ее прямого включения на шины районных электростанций. Дальше они совместно с А. П. Казанцевым работали над проектом электромагнитной пушки, стреляющей дисковым снарядом из немагнитного материала.

С 1931 года в Артиллерийском научно-исследовательском институте в Ленинграде под руководством А. П. Коноплева началась теоретическая разработка основ электромагнитных орудий для дальней стрельбы и эксперименты с их действующими моделями малой мощности. Упоминавшееся ранее предложение М. П. Костенко, М. М. Подольского и Н. С. Япольского по магнитофугальной пушке было вновь рассмотрено, в частности, выполнен пересчет для нескольких вариантов исходных данных. Принципиальным достижением работ периода 1931–1933 годов, на этапе опытно-теоретических работ АНИИ, стало определение направления поиска оптимальной для будущего электрического орудия схемы электромагнитного ускорителя масс, предполагая выбрать одну или несколько их разновидностей [\[11, л. 23–24\]](#): турбоэлектрические орудия (ТЭО); магнитоэлектрическое орудие (МЭО); электродинамическое орудие (ЭДО); электросоленоидное орудие (ЭСО).

3.1 Турбоэлектрические орудия (1932–1934 гг.)

В СССР исследовались два вида турбоэлектрических орудий: турбоасинхронное (ТАСО) и турбосинхронное (ТСО). В основе их принципа лежит разгон метаемых снарядов или пуль электрическим приводом, построенным на базе принципов действия асинхронного и синхронного электродвигателей. Принцип действия асинхронного двигателя состоит в том, что электрический ток в обмотках статора создает вращающееся магнитное поле. Это поле наводит в обмотках ротора ток, который начинает взаимодействовать с бегущим магнитным полем статора таким образом, что ротор начинает вращаться в ту же сторону, что и магнитное поле статора, стремясь занять такое положение, при котором поля статора и ротора станут взаимно неподвижными (будут находиться друг напротив друга).

В 1932 году на описанном выше принципе ВЭИ разработал криволинейное (центробежное) ТАСО, а в 1933 году на базе его главных конструктивных решений создал макетный образец 7,62-мм пулемета с криволинейным (кольцевым) разгонным устройством и в 1934 году провел его испытания. Кроме того, в 1930 году А. Г. Иосифян разработал и запатентовал принцип асинхронного орудия с прямолинейным стволом, как он его назвал «электрической машины с единым цилиндрическим статором, поле которого движется поступательно» [\[12, л. 8\]](#). Турбосинхронное орудие было снято с испытаний в 1932 году вследствие получения отрицательных результатов, в дальнейшем это направление создания электрических орудий развития не получило.

3.2 Магнитоэлектрические орудия (1931–1937 гг.)

Магнитоэлектрические орудия были первой разновидностью электроорудий, которые подверглись детальной разработке в АНИИ. В основе принципа магнитоэлектрического орудия лежит действие силы Ампера на проводник с током, находящийся в магнитном поле. При подаче тока в такой проводник, если он расположен перпендикулярно вектору магнитной индукции поля, в системе возникает сила, стремящаяся вытолкнуть проводник (в исследуемом случае – снаряд, через который пропущен электрический ток) за пределы магнитного поля.

С целью оценки возможности использования описанного выше принципа в электрической артиллерии в июле 1931 года в электротехнической лаборатории АНИИ была изготовлена экспериментальная установка «МЭ 1». Она представляла собой электромагнит длиной 1 метр с обмоткой в 250 витков и движущегося вдоль него якоря (имитатора снаряда) в виде прямоугольного металлического бегунка. По сути, установка являлась примитивной моделью линейного униполярного электродвигателя, на которой исследователи проверяли расчеты возможностей электромагнитных сил к движению объектов, находящихся под их воздействием.

В октябре 1931 года по описанной выше схеме в электротехническом отделе АНИИ А. П. Коноплевым была разработана усовершенствованная экспериментальная модель магнитоэлектрического орудия «МЭО-10», а в январе 1932 года – модель электрической пушки «МЭП 2», при этом в основу был положен патент Фошон-Вильпле 1916 года с дополнениями М. П. Костенко, касающимися источников питания [\[13, л. 2\]](#). В ходе испытаний были получены результаты, позволившие спроектировать и изготовить существенно более совершенную модель электрического орудия «МЭО-60», представляющую собой завершение первого этапа НИР в области использования электрической энергии для целей метания снарядов. Предполагалось, что с помощью этой опытной установки экспериментально решится вопрос пригодности и эффективности самого принципа метания снарядов электрической силой [\[14, л. 2\]](#), а также будут проверены другие технические решения, в первую очередь конструктивное оформление

узлов передачи электрической энергии на движущийся в стволе снаряд [\[13, л. 7\]](#) и возможность придания снаряду вращения.

Детальная разработка орудия МЭО-60 с начальной скоростью снаряда 60 м/с по эскизным чертежам АНИИ выполнялась по договору от марта 1932 года отделом специальных машин завода «Электросила» [\[15, л. 1-3\]](#). Питание орудия осуществлялось от ударного турбогенератора Т-285/50 (230 В, 3180 А) мощностью 800 к кВт, переконструированного на однофазную систему с усиленным креплением ротора для устойчивости к прохождению токов внезапного короткого замыкания. Некоторые расчетные характеристики орудия МЭО-60 приведены ниже:

- внутренний диаметр направляющих элементов статора (калибр ствола) 60 мм;
- длина ствола 1500 мм;
- вес снаряда 3 кг;
- вес ствола около 1400 кг;
- полный вес орудия около 1900 кг;
- максимальное значение тока 100000 ампер;
- отдача максимальная 2000 кг.

Орудие МЭО-60 с комплексом обеспечивающих его работу электрических устройств было изготовлено и в ходе испытаний 19 и 25 декабря 1934 года показало начальную скорость снаряда 70,8 м/с при КПД 4,63%. В последующих отстрелах была получена максимальная скорость снаряда 138 м/с при его весе 1,02 кг. Наибольшая дальность стрельбы в 500 м была достигнута при весе снаряда 2,175 кг и его начальной скорости 89,7 м/с при этом снаряд летел правильно, не кувыркаясь [\[16, л. 15\]](#).

Самым существенным результатом испытаний стало заключение о том, что «система в действительности работает лучше, чем ожидалось согласно расчетам, причем это расхождение не настолько велико, чтобы их опорочить» [\[13, л. 10 об.1\]](#). Орудие МЭО-60 стало первым в СССР действующим образцом электрического орудия. Материалы о его разработке и испытании стали основой для проекта сверх дальнобойного орудия полной мощности со снарядом весом 100 кг, его начальной скоростью 2000 м/с и дальностью стрельбы 150 км и более при постоянном угле возвышения 45–55°.

Данные расчетных и опытных значений параметров орудия МЭО-60 приведены в таблице 1.

Таблица 1. Сравнение расчетных и опытных значений параметров орудия МЭО-60

Характеристика	Расчетные значения	Опытные значения
Вес снаряда	3 кг	3 кг
Начальная скорость	64 м/с	70,8 м/с
КПД	3,7%	4,6%
Максимальная величина тока	50000 А	32000 А
Длительность	≈ 0,005	≈ 0,008

пребывания снаряда в канале орудия	0,0265 сек.	0,0398 сек.
---------------------------------------	-------------	-------------

Параллельно с магнитоэлектрическим орудиями с прямолинейным стволов в течение 1931–1934 годов в АНИИ А. П. Коноплевым изучался принцип МЭО с криволинейным стволов. В идеальном для электромагнитного орудия случае для придания снаряду высокой начальной скорости требовалось длительное (порядка 10 секунд) воздействие на него электрических сил, при этом длина ствола получалась большой. Для оптимизации размеров пускового устройства (ствола) предполагалось использовать разгон снаряда до требуемой начальной скорости по кольцевой траектории [17, л. 2 об.]. После достижения снарядом необходимой скорости должно было происходить отключение электромагнитов, удерживающих снаряд, и он, покинув пусковое устройство орудия по касательной к кольцевой разгонной траектории, получал необходимое направление движения. В 1934 году были выполнены детальные исследования темы. Для проработки использовалась модель орудия МЭ-4, были проведены предварительные расчеты внутренней баллистики для снаряда весом 100 кг и начальной скорости 2000 м/с. Отдельное внимание уделялось вопросу выхода снаряда из разгонной круговой траектории внутри орудия, для чего наиболее подходящим было принято сбрасывание снаряда на ходу (по аналогии со сбрасыванием торпед на торпедных катерах) [17, л. 23 об.]. По результатам опытов с моделью была доказана принципиальная возможность реализации предложенного принципа метания, однако расчетное КМЭО большой мощности получалось чересчур громоздким, требовало слишком больших затрат железа (6162 т) и меди (205 т). Кроме того, артиллерийская составляющая (снаряд, его вылет, приданье угла возвышения и направления), благодаря своей новизне, являлись чрезвычайно трудными для реализации. Рассчитанный КПД – 27,5% – оказывался ничтожно малым, поэтому дальнейшее продолжение работ было признано нецелесообразным [17, л. 49 об.].

Общим выводом, сделанным по итогам испытаний орудия МЭО-60 состояли в том, что эта установка не может являться основой для проектирования мощных орудий – как минимум потому, что оно возможно только при использовании ведущего поддона, в котором будет размещаться снаряд, и вес которого практически равен весу снаряда [16, л. 24]. Для мощных электромагнитных орудий в тот период исследований было признано целесообразным использование видоизмененной системы – электродинамического орудия (ЭДО) [13, л. 1].

3.3 Электродинамические орудия (1934–1937 гг.)

Электродинамическое орудие как отдельный вид электрических орудий был предложен инженером АНИИ В. К. Жаковым в 1934 году [16, л. 5]. Электродинамическое орудие является разновидностью магнитоэлектрического орудия, отличаясь от последнего отсутствием обмотки возбуждения (соленоида) на роторе и возможностью его построения без использования ферромагнитных материалов. Отсутствие данного элемента существенно влияло на конструктивное оформление орудия и существенно (в несколько раз) снижало его вес при одинаковой мощности, вследствие чего оно было выделено в отдельную разновидность. Необходимо отметить, что исследования этих двух видов электроорудий – МЭО и ЭДО – проводились в АНИИ одновременно и в рамках общей темы с целью использования единой экспериментальной базы (генератор, линия передач и бронетир).

В начале исследований ЭДО была изготовлена его модель с использованием некоторых

элементов МЭО-60, а эскизный проект орудия ЭДО-75-5-700 с внешнебаллистическими параметрами близкими к 76-мм дивизионной пушке, был разработан в Ленинградском индустриальном институте инженером П. В. Веселовым в порядке дипломного проектирования [16, л. 27]. С использованием некоторых положений данного проекта в АНИИ инженер Е. В. Комар разработал технический проект электродинамического орудия промежуточного типа ЭДО-120-30-1000 с расчетной начальной скоростью снаряда 1000 м/с при его весе 2,5 кг. Особое внимание в данной проекте уделялось конструкции контактных устройств ствола и снаряда и их живучести при протекании токов большой мощности. Питание орудия предполагалось осуществлять при помощи двух ударных генераторов суммарной номинальной мощностью 180000 кВт, разработанных в лаборатории Урал-Электромашины.

Конструирование ЭДО на базе проекта ЭДО-120-30-1000 осуществили в 1935 году инженеры АНИИ Г. Л. Караганов и И. А. Гулярин. Особенностью конструкции разрабатываемого ими орудия было расположение токоведущих шин ствола по винтовой линии. Такое решение имело целью обеспечить усиление прижатия контактов снаряда к шинам ствола за счет естественной реакции сил трения с целью уменьшить вероятность возникновения вольтовой дуги в месте контакта токоподводящих элементов снаряда и ствола. Вообще, проблема недостаточно надежного контакта соприкасающихся поверхностей (контактных устройств) снаряда и ствола, приводящих во время выстрела и движения снаряда по стволу к возникновению между ними электрической дуги, была определена разработчиками проектов орудий как главнейшая. АНИИ принял большие усилия для создания бездуговых контактных устройств, но в полной мере решить эту проблему так и не смог.

В 1936 году началось эскизное проектирование орудия данного типа полной мощности ЭДО-200-100-2000, предназначенного для дальней стрельбы. Проект разрабатывал слушатель ВЭТ Ф. Н. Козлов, при этом использовались некоторые конструктивные решения из ранее разработанных проектов электродинамических орудий. Основные характеристики спроектированных к 1936 году электродинамический орудий приведены в таблице 2.

Однако главным для данного направления развития электрических орудий проектом, который должен был открыть путь проектам орудий полной мощности, стал проект орудия «промежуточного типа» ЭДО-70-2,5-1000 (БМ-70), разработанный в 1935–1936 годах инженером Е. Г. Комаром. Вместе с орудием к нему были разработаны два варианта снарядов, отличающихся конструкцией контактных устройств. При проектировании снаряда его конструктивные элементы, от которых зависело боевое действие по цели, оперение и внешняя баллистика не разрабатывались. Авторы считали, что к проектированию этих элементов снаряда можно будет приступить после выработки главных конструктивных элементов электрических устройств орудия (в первую очередь контактных устройств ствола и снаряда), обеспечивающих достижение основных параметров выстрела, причем такой подход к разработке орудия ими был выбран сознательно [9, л. 4].

Таблица 2. Основные характеристики спроектированных электродинамический орудий

Характеристика	Тип орудия			
	ЭДО 75-5-700	ЭДО-70-2,5-1000	ЭДО 120-30-1000	ЭДО 200-20-1000
Калибр	75/101 мм	65/70 мм	120/136 мм	200/230 мм
Начальная				

Параметр	770 м/с	1000 м/с	1015 м/с	2000 м/с
скорость снаряда	770 м/с	1000 м/с	1015 м/с	2000 м/с
Вес снаряда	4,39 кг	2,5 кг	27,15 кг	100 кг
Боевой заряд (тротил) вес	0,6 кг	-	3,03 кг	12,85 кг
Длина ствола	4,5 м	6,5 м	10,3 м	22,4 м
Шаг нарезов	-	-	22,5 калибров	?
Вес ствола	1,52 т	7,0 т	15,0 т	65,0 т
Мощность генератора	15000 кВт	15000 кВт	180000 кВт (2x90000)	1920000 кВт
Вес генератора	45 т	45 т	370 т	3840 т

К изготовлению опытного орудия ЭДО-70-2,5-1000 приступили в 1936 году на ленинградском заводе «Электросила», там же оно должно было и проходить испытания с использованием генератора ударной мощности марки ТО-12-2. Целью испытаний являлось изучение правильности конструктивного оформления ряда главных элементов орудия и их функционирования при стрельбе. В случае успешного испытания орудия признавалось возможным приступить к разработке конструктивного обеспечения скорострельности и внешней баллистики электродинамических орудий, а также боевого снаряжения снарядов, после чего перейти к реализации на практике проекта орудия ЭДО-120-30-1000, а за ним и более мощных и дальнобойных образцов. В 1937 году работы по изготовлению орудия были завершены – произведена установка ствола на фундаменте, смонтирован ударный генератор, проложена линия передачи электроэнергии, изготовлены снаряды (10 штук). Отстрел орудия был назначен на январь 1938 года, но не состоялся – в том же 1937 году работы над орудием ЭДО-120-30-1000 были прекращены по причине закрытия в СССР темы создания электрических орудий.

3.4 Электросоленоидные орудия (1933–1938 гг.)

В основе конструктивной схемы электросоленоидного орудия (ЭСО) лежит принцип магнитной индукции. Его суть состоит в том, что при протекании электрического тока в соленоиде (электромагнит в виде катушки) возникает магнитное поле, стремящееся втянуть внутрь себя электропроводящий предмет. Применительно к электрическому орудию, построенному на описанном принципе, соленоид (или ряд соленоидов) образуют ствол, внутрь которого втягивается металлический снаряд.

Разработка электросоленоидного орудия была предложена в 1933 году группой работников VIII отдела АНИИ (руководитель – М. Ременюк), и в 1934 году основное внимание отдела уделялось этому проекту. Орудие первой модели ЭСО-1 считалось «малым» и фактически являлось моделью, предназначеннной для теоретических и экспериментальных исследований, осуществлявшихся с целью проверки теоретических расчетов и некоторых конструктивных решений. Экспериментальные работы с ЭСО-1 велись с 1934 года, в ходе было произведено около 500 выстрелов различными снарядами. Результаты испытаний орудия ЭСО-1 полностью подтвердили разработанные к этому времени теоретические выкладки и методы расчетов. Это сделало возможным постановку задачи по расчету и проектированию экспериментального электросоленоидного орудия более высокой мощности, а в дальнейшем, после обобщения результатов его испытаний, перейти к разработке и испытаниям крупных орудий промежуточного типа с характеристиками, удовлетворяющими военным

требованиям внешней баллистики (максимальная скорость снаряда 1000 м/с при его весе 40 кг). Интересно, что в январе 1934 года, не дожидаясь получения результатов испытаний малых электросоленоидных орудий, в АНИИ по указанию его начальника В. Н. Заходера был сделан ориентировочный расчет сверхмощного электросоленоидного орудия, выполнены его эскизные чертежи и в 1935 году планировалось приступить к его изготовлению [\[18, л. 67 об.1\]](#). Впоследствии такая спешка с нарушением положенных этапов исследований дорого обойдется ее инициатору.

На основе результатов исследований малых электросоленоидных орудий ЭСО-1 и его несколько доработанного варианта ЭСО-2, в АНИИ был произведен расчет его укрупненной модели ЭСО-3, после чего заводу «Электроприбор» им. А. К. Скороходова был выдан заказ на ее изготовление. Орудие разрабатывались для стрельбы снарядами весом 3,57 и 8 кг с двухкатушечной схемой обмоток. Предполагалось при весе снаряда 3,57 кг, его пути в стволе в 1,1 м и максимальном значении тока 11400 А, получить максимальную скорость около 90 м/с. Электропитание орудия предполагалось осуществлять от турбогенератора ранее применявшегося при испытаниях магнитоэлектрического орудия МЭО-60.

К 1935 году ствол орудия ЭСО-3 был готов и смонтирован на дизельной станции НИАП'а. Источником питания служил генератор ТО-265/50 номинальной мощностью 800 кВт, изготовленный заводом «Электросила». Экспериментальные стрельбы из ЭСО-3 велись инженером Н. В. Щуровым с 1 мая по 1 июля 1935 года, в ходе которых было проведено 8 выстрелов [\[19, л. 6 об.1\]](#).

В выводах по результатам испытаний электросоленоидного орудия ЭСО-3 были указаны его некоторые преимущества перед магнитоэлектрическим орудием МЭО-60 в части начальной скорости снаряда и КПД. В то же время, в конструктивном отношении орудие МЭО-60 признавалось более совершенным, чем орудие ЭСО-3, так как имело более прочную и простую конструкцию и более совершенный вид снаряда. По итогам испытаний орудия ЭСО-3 в АНИИ был сделан вывод о том, что его характеристики пока недостаточны для того, чтобы на базе данного проекта разрабатывать орудия промежуточного типа. Признавалось необходимо продолжить исследования, и в течение 1935–1937 годов в АНИИ велись работы по созданию новых вариантов ЭСО, направленных на увеличение скорости снаряда при прежней мощности питающего генератора, изучалась возможность придания снаряду вращения и ряд других задач.

Эксперименты с электромагнитными орудиями, проведенные в АНИИ до 1935 года включительно, позволили накопить значительные знания в данной области техники, которые предполагалось использовать для проектирования мощных систем [\[20, л. 44\]](#). Для детальной проверки этих знаний в АНИИ был разработан еще один экспериментальный образец электросоленоидного орудия ЭСО-4 увеличенного размера, в котором были применены все лучшие технические решения, опробованные в орудиях предыдущих моделей. Орудие ЭСО-4 задумывалось как переходная модель от малых моделей электросоленоидных орудий к орудиям промежуточного типа а затем и полной мощности и проектировалось с использованием комплекса математических расчетов, разработанных в ходе предыдущих исследований. В случае успешного испытания орудия ЭСО-4 предполагалось развить его конструкцию в орудии ЭСО-5 калибра 152 мм с весом снаряда 40 кг и начальной скоростью 1000 м/с, а затем и в орудии полной мощности ЭСО-6 калибра 200 мм с весом снаряда 100 кг и начальной скоростью 2000 м/с [\[19, л. 116\]](#).

Проектные данные орудия ЭСО-4 следующие:

- калибр снаряда по корпусу 63 мм;
- калибр снаряда по контактам 76 мм;
- длина снаряда 494 мм;
- вес снаряда 4,6 кг (4,16 кг);
- начальная скорость снаряда 716 м/с (817 м/с);
- калибр ствола по корпусу снаряда 65 мм;
- полная длина ствола 7,15 м;
- активная длина ствола (по секциям с обмотками) 6,8 м;
- вес ствола 2000 кг.

Для питания орудия ЭСО-4 планировалось использовать специальный ударный генератор ТО-12-2 мощностью 15000 кВт, спроектированный Уральским физико-техническим институтом и изготовленный заводом «Электросила». На завершающем этапе проектирования орудия ЭСО-4 его конструкторы подробно изучили вопрос о выборе способа стабилизации снаряда на траектории [\[21\]](#). Изначально этот вопрос сознательно не ставился до решения более насущных задач проектирования электрических компонентов орудия. Но после проведения ряда экспериментов было установлено, что необходимые дальность и меткость стрельбы могут быть получены только при применении вращающихся снарядов.

В процессе работы над проектом ЭСО-4 были составлены техусловия на изготовление пушки и снаряда, но завод «Электросила» заказ не принял. Кроме того, исполнитель работ – инженер Постников – был уволен. В итоге, к концу 1937 года проект орудия ЭСО-4 реализован не был [\[21, л. 82-83\]](#), но и не прекращен. Его решили продолжить за счет модернизации ствола орудия предыдущей модели ЭСО-3 и испытать стрельбой, запитав от генератора УФТИ 15000. Этот усовершенствованный вид электромагнитного орудия, разработанного взамен ЭСО-4, получил обозначение ЭСО-3М. Работы над ЭСО-3М [\[16\]](#) проводились в АНИИ в период с 1 мая 1937 года по 19 апреля 1938 года под руководством военинженера 3-го ранга А. Георгиева (исполнитель – инженер-конструктор Коганов). Для проведения испытаний от более мощного генератора ТО-12-2 кроме капитального ремонта ствола ЭСО-3 (переизолировка катушек), был проведен целый комплекс работ по модернизации орудия: в стволе добавлен второй диаметрально противоположный коммутирующий паз и два изолированных контакта в снаряде для предотвращения возникновения вольтовой дуги, изменено положение шин с целью улучшения контактной поверхности, усовершенствована вся конструкция ствола, в т.ч. в части расположения цапф по оси канала ствола для исключения возникновения крутящего момента, стремящегося опрокинуть ствол казенной частью вниз, что имело место в орудии ЭСО-3 и др. Предполагалось, что на новой модели орудия удастся получить начальную скорость снаряда до 300 м/с [\[19, л. 9 об.\]](#). Основные параметры орудия ЭСО-3М приведены в таблице 3 [\[19, л. 13-15\]](#).

Таблица 3. Основные параметры орудия ЭСО-3М

	Показатель
--	------------

Наименование	МЕРЫ ПОКАЗАНИЯ		
	Ед. изм-я	Проектная величина	Опытная величина
Калибр снаряда	мм	67	67
Полная длина снаряда	мм	500	500
Полный вес снаряда	кг	2,3 2,43	2,245 2,390
Калибр ствола	мм	76	76
Полная длина ствола	м	4,12	4,12
Активная длина ствола	м	3,72	3,72
Высота ствола в разрезе по вертикали	мм	275	
Полный вес ствола	кг	905	~900
Вес ствола с лафетом	т	~4	
Полный вес установки	т	~71	
Энергия генератора	кВт/с	3630	
Максимальный ток	А	34200	
Длительность выстрела	с	0,0205	

Испытания орудия ЭСО-ЗМ проводились на заводе «Электросила» с 5 по 15 апреля 1938 года и дали результаты, резко не соответствующие ожиданиям. Всего было произведено 2 выстрела. При первом выстреле на минимальной мощности электропитания наблюдалась сильная дуга в стволе и дым. Снаряд весом 2,39 кг пробил всего два ящика с паклей и полностью сохранился, при этом была достигнута начальная скорость всего 117 м/с [\[19, л. 16 об.\]](#). Второй выстрел, проведенный после ремонта электроизоляции ствола на полной мощности питания, показал примерно сходные с первым результаты по скорости снаряда, при этом вновь произошло короткое замыкание в обмотках ствола. В отчете о проведении испытаний орудия ЭСО-ЗМ его составители сотрудники АНИИ военинженер 2 ранга М. Ременюк и военинженер 3 ранга А. Георгиев указали, что причина столь слабого результата состояла в дефектах изготовления ствола в АНИИ, приведших к некачественному исполнению его изоляции, а также спешки при проведении испытаний, обусловленной информацией о закрытии темы разработки электрических орудий [\[19, л. 16 об.\]](#). При этом они выразили уверенность в том, что при должном качестве изготовления конструкция ЭСО-ЗМ позволяет получить начальные скорости снарядов порядка 250–300 м/с, но там же признали, что даже такой результат не решит принципиальные проблемы электромагнитных орудий. На этом этапе работы с электромагнитными орудиями в СССР полностью прекратились.

4. Выводы

Изучение комплекса отчетов АНИИ по опытам с электрическими орудиями 1930-х годов, показывает, что их активная часть производилась с 1931 по 1938 год включительно, но в итоге они не привели к созданию образцов, пригодных к использованию в военных целях. С 1937 года происходит свертывание темы электрических орудий. Этот процесс имел как объективные причины, связанные с чрезвычайной сложностью технической задачи, так и субъективные: в 1937–1938 годах разворачивалась так называемая ликвидация последствий бывшего вредительского руководства АУ и АНИИ, процесс, обусловленный в том числе «делом Тухачевского». Однако прекращение работ над столь масштабной темой предварялось достаточно подробной ревизией хода и результатов проведенных ранее исследований. Для этого в сентябре 1937 года партийная

организации АНИИ привлекла несколько специалистов, которым были выданы соответствующие партийные задания. В докладе одного из них – инженера И. А. Гулярина, который исследовал направление создания электродинамических орудий (ЭДО), содержатся выводы, ставшие разгромными для хода и будущего работ по созданию электрических орудий.

В своем докладе И. А. Гулярин указал, что огромные трудности изготовления пригодной для боевого применения электрической пушки были известны руководителю темы старшему инженеру 8-го отдела АНИИ В. К. Жакову не позднее 1935 года, что следует из подписанного им отчета №102-1935, в котором имелось следующее заключение: «Сама проблема по своему характеру далеко выходит за пределы задач решаемых современной электротехникой» [\[18, л. 63\]](#). При этом в последующие годы В. К. Жаков не раз публично заявлял, что перспектива успешного осуществления идеи электроорудия могла быть выяснена только после завершения цикла исследований 1935–1937 годов. Таким образом, руководитель темы В. К. Жаков отдавал себе отчет в том, что трудности, имеющие место при создании электрического орудия, носят глубоко принципиальный характер и кроются в самой природе явлений, возникающих при работе орудий данного типа и которые современная на тот момент наука не может преодолеть. Так, потребности электропитания разрабатываемого в АНИИ большого орудия в 13 раз превышали возможности имеющихся генераторов электрического тока, и альтернативы им не было.

Кроме того, выяснилось, что исполнителями темы электрических орудий вполне сознательно не рассматривались вопросы практически значимой конструкции снарядов к ним и их внешней баллистики (их считали не приоритетными), а также в целом не оценивалась необходимость тяжелых стационарных электрических орудий сверхбольшой мощности для армии, при том, что в частном порядке такие вопросы неоднократно поднимались. Эти соображения были известны руководству Артиллерийского управления и АНИИ, но работы над электрическими орудиями продолжались в течение 1935–1937 годов. И. А. Гулярин назвал данные исследования «прожектерством» и пришел к выводу, что в создании электрических орудий просматривается напрасная затрата средств и отвлечение внимания АНИИ от выполнения действительно нужных РККА задач. В итоговой части своего доклада И. А. Гулярин сделал вывод о том, что «ликвидировать последствия вредительства в VIII отделе АНИИ – это значит исключить проблему электрострельбы из его тематики вовсе» [\[18, л. 67\]](#).

За семь лет исследований в развитие данной НИР были вложены большие средства, на изготовление и испытания электромагнитных орудий в нескольких научных центрах СССР отвлекались значительные силы электротехнической промышленности страны и просто так, без научным образом обоснованного основания отказаться от них представлялось нерациональным. В начале 1938 года АНИИ решил завершить эксперименты с уже практически готовым орудием ЭСО-3М и по его результатам сделать окончательные выводы о перспективах данной темы. По результатам анализа результатов последних экспериментов с этим орудием, проведенными в апреле 1938 года (а они были откровенно провальными), а также всего комплекса проведенных ранее работ в области электроорудий состоялось заключение, что они не являются актуальными для вооружения РККА. Объективность выводов о целесообразности прекращения работ над электромагнитными орудиями была подтверждена отчетом АНИИ от 15 апреля 1938 года, где каждое соображение обосновывалось расчетами, а также и письмом Арткома ГАУ №421477 от 19 июня 1938 года.

Столь серьезные негативные выводы стали приговором для масштабной темы

исследований электрических орудий в СССР, даже вне связи с причинами ареста маршала Тухачевского, трагическую судьбу которого разделил руководитель исследований инженер АНИИ доцент В. К. Жаков.

Вне всякого сомнения, объективной преградой на пути к созданию мощных электрических орудий стояли, в первую очередь, проблемы в области физики токов сверхвысокой мощности и их генерации, решить которые советская наука 1930-х годов не смогла, а их создатели в значительной степени переоценили свои силы и возможности. Тем не менее, за время работ над электрическими орудиями в СССР ряд вопросов электрических машин большой мощности был изучен достаточно глубоко, среди них следует выделить следующие:

1. Процессы дугообразования в подвижных контактных устройствах высокомощных электромашин;
2. Конструкции и материалы для электроизоляции в цепях с большими значениями тока;
3. Применение различных источников электроэнергии;
4. Теоретическое исследование возможностей создания турбогенераторов высокой мощности (исследования Е. Г. Комара) и импульсного электрогенератора большой мощности с поступательным движением ротора. Данная схема признавалась АНИИ одной из наиболее эффективных и простых в реализации. Она потенциально имела небольшой вес, допускающий размещение генератора (нескольких генераторов) на железнодорожных платформах;
5. Исследования работы асинхронных двигателей при переменной частоте питающей сети (исследования М. П. Костенко).

Впоследствии эти исследования вошли в основы современного теоретического военного и гражданского электромашиностроения, но уже на новом уровне развития техники.

При этом сама идея использования в военной технике свойств электромагнитного поля для разгона и торможения физических объектов, ранее опробованная в электромагнитной артиллерии, нашла себе сферу применения, где ее недостатки оказались в значительной степени нивелированы – ею стали авианесущие корабли Военно-морского флота (авианосцы), где в качестве катапульт используются паровые термодинамические машины. В ходе эксплуатации паровых катапульт выявились их отрицательные свойства, главными из которых являются низкий КПД, резкость работы и невозможность тонкого регулирования параметров разгона самолетов. Способом решения большинства перечисленных проблем является использование электромагнитных катапульт. Их принцип действия аналогичен принципу устройства электромагнитных орудий, с тем отличием, что у катапульты движущийся в электромагнитном поле ротор после завершения цикла разгона самолета возвращается в исходное положение. Пригодный для эксплуатации образец электромагнитной катапульты удалось создать в США фирмой «General Atomics», такие катапульты установлены на американском авианосце «G. Ford», введенном в строй в 2017 году. В 2010-х годах к созданию электромагнитной катапульты подключились и китайские ученые, планируя ее установку на новое поколение своих авианосцев.

Библиография

1. Научный архив ВИМАИВиВС. Ф. 6Р. Оп. 1. Д. 1531.
2. РГВА. Ф. 4. Оп. 18. Д. 23.

3. Научный архив ВИМАИВиВС. Ф. 7Р. Оп. 1. Д. 617.
4. Elmers M. Railgun predecessors [Электронный ресурс] // URL: <https://military-review.com/12528702-railgun-predecessors> (дата обращения: 08.04.2025).
5. Научный архив ВИМАИВиВС. Ф. 7Р. Оп. 9. Д. 353.
6. Барсуков Е.З. Русская артиллерия в мировую войну. Т. 1. М.: Воениздат, 1938.
7. Корольков А.Л. Дальнобойная электрическая пушка // Техника и снабжение Красной Армии. 1923. № 37(68). С. 1-8.
8. Научный архив ВИМАИВиВС. Ф. 7Р. Оп. 1. Д. 51.
9. Научный архив ВИМАИВиВС. Ф. 4Р. Оп. 1. Д. 14.
10. Научный архив ВИМАИВиВС. Ф. 7Р. Оп. 12. Д. 25.
11. Научный архив ВИМАИВиВС. Ф. 6Р. Оп. 1. Д. 126.
12. Научный архив ВИМАИВиВС. Ф. 7Р. Оп. 2. Д. 16.
13. Научный архив ВИМАИВиВС. Ф. 7Р. Оп. 13. Д. 948.
14. Научный архив ВИМАИВиВС. Ф. 7Р. Оп. 13. Д. 39.
15. ЦГА СПб. Ф. Р-2140. Оп. 20. Д. 32.
16. Научный архив ВИМАИВиВС. Ф. 7Р. Оп. 13. Д. 1202.
17. Научный архив ВИМАИВиВС. Ф. 7Р. Оп. 13. Д. 947.
18. Научный архив ВИМАИВиВС. Ф. 7Р. Оп. 7. Д. 505.
19. Научный архив ВИМАИВиВС. Ф. 7Р. Оп. 13. Д. 71.
20. Научный архив ВИМАИВиВС. Ф. 7Р. Оп. 7. Д. 277.
21. Научный архив ВИМАИВиВС. Ф. 7Р. Оп. 18. Д. 15.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Рецензируемый текст «Формирование научной школы проектирования электромагнитной артиллерии в СССР в конце 1920-х-1930-е годы» представляет собой рассмотрение специфического направления советских исследований в военно-технической сфере. Источниковой базой работы является значительный комплекс архивных материалов, актуальность работы автор мотивирует тем, что «период конца 1920-х-1930-х годах в истории отечественной науки и техники имеет важное значение для развития нашей страны, а некоторыми его плодами Россия пользуется до настоящего времени». Тезис бесспорен в общем, но применительно к заявленной теме требует развернутого комментария, т.к. работы по созданию электромагнитной артиллерии были свернуты как бесперспективные в 1938 г.; завершающее работу утверждение «впоследствии эти знания нашли применение в электротехнической промышленности СССР» никак не конкретизировано. Вообще, заглавие текста «Формирование научной школы....» несколько дезориентирует т.к. под научной школой традиционно воспринимается оформленная система научных взглядов и научное сообщество, придерживающееся этих взглядов. В тексте идет речь о двух центрах разработки электромагнитной артиллерии с разными задачами и подходами - электротехническая лаборатория АНИИ (г. Ленинград) и Всесоюзный электротехнический институт (ВЭИ, г. Москва). В 1938 г. работы в этом направлении признаны бесперспективными или даже вредительскими, прямого продолжения они не имели – отсюда большой вопрос, заслуживают ли сугубо практические работы АНИИ (его работам автор уделяет больше внимания, но и там работы велись в разных направлениях разными инженерами, автор выделяет четыре разных вида электромагнитной артиллерии и т.д.) характеристики «научная школа». Более соответствующим содержанию работы представляется

«Разработки/Проектирование электромагнитной артиллерии в СССР в конце 1920-1930-х гг.). В рамках избранной темы автор логично выстраивает повествование, начиная с обзора зарубежных и досоветских опытов в данном направлении, а потом переходя к хронологии советских разработок, начиная с 1928 г. и заканчивая 1938 г. Исследование носит ярко выраженный военно-технический характер, общий политический фон рассматриваемых событий почти не обрисован, лишь в заключительной части выясняется, что сворачивание работ происходит в рамках борьбы с вредительством и увязывается с «делом Тухачевского». Учитывая, что автор заключает «объективной преградой на пути к созданию мощных электрических орудий стояли...проблемы в области физики токов сверхвысокой мощности и их генерации, решить которые советская наука 1930-х годов не смогла», то есть признает изначальную малоперспективность работ в данном направлении, представляется необходимым помещение рассматриваемых военно-технических разработок в политический контекст эпохи с самого начала, а не только в конце. Тогда, к примеру, можно будет ответить, насколько характерным для советской оборонной индустрии было вложение больших средства и отвлечение значительных силы научно-промышленных ресурсов на проекты сомнительной перспективности. Т.е. перейти от конкретной тематики НИР к некоторым обобщениям, что безусловно пошло бы работе на пользу. В целом работа выполнена на должном научном уровне, при исправлении указанных недочетов работа может быть рекомендована к публикации.

Результаты процедуры повторного рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Рецензируемая статья посвящена изучению научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ, проводимых в СССР в период конца 1920-х — 1930-х годов, и направленных на создание электромагнитной артиллерии. Автор рассматривает этапы разработки, ключевые проекты и технические решения, а также анализирует факторы, повлиявшие на успех или неудачу этих разработок.

Автор использует широкий спектр источников, включая архивные документы, научные отчеты и специализированные издания. Особенno следует отметить введение в научный оборот интересных и редких материалов, отложившихся в научном архиве Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи. Важным аспектом методологии является сочетание исторического анализа с рассмотрением технических характеристик рассматриваемых проектов. Такой подход позволяет дать комплексное представление о предмете исследования.

Актуальность темы обусловлена интересом к истории развития военной техники и технологий, особенно в контексте сопоставления достижений советской науки с мировыми тенденциями. Исследование помогает понять, какие технологические вызовы стояли перед СССР в предвоенное время и каким образом страна пыталась решать эти задачи.

Новизна заключается в систематизации и анализе обширного массива малоизвестных архивных документов, многие из которых впервые вводятся в научный оборот. Автор предлагает новый взгляд на историю создания электромагнитной артиллерии в СССР, подчеркивая сложность технических и организационных задач, стоявших перед учеными и инженерами того времени.

Текст структурирован логично и последовательно. Библиография включает преимущественно российские источники, что ограничивает контекст исследования.

Более активное привлечение зарубежных публикаций могло бы обогатить анализ и расширить понимание международных тенденций в развитии электромагнитной артиллерии в исследуемый период.

Автор рассматривает различные аспекты разработки электромагнитной артиллерии, начиная от теоретических основ и заканчивая практическими испытаниями. Привлечение ранее недоступных архивных материалов обогащает исследование и придает ему достоверность. Анализ проводится в контексте социально-экономических и политических условий Советского Союза, что позволяет глубже понять мотивы и цели проводимых исследований.

Вывод статьи о сложности и многогранности процесса создания электромагнитной артиллерии в СССР самоочевиден, но автору удается убедительно реконструировать общую картину развития изучаемого рода войск.

Статья будет интересна специалистам в области истории техники и военной истории, а также студентам и аспирантам соответствующих специальностей.

Несмотря на замеченные недостатки (прежде всего, недостаток сравнительной перспективы), статья «Научно-исследовательские и опытно-конструкторские работы по созданию электромагнитной артиллерии в СССР в конце 1920-х-1930-е годы» обладает научным потенциалом и заслуживает публикации в журнале «Человек и культура».

Genesis: исторические исследования

Правильная ссылка на статью:

Хазиев Р.А., Гоффер П.С. Подпольные «маклеры» Ленинграда эпохи «хрущевской оттепели» // Genesis: исторические исследования. 2025. № 4. DOI: 10.25136/2409-868X.2025.4.74128 EDN: QNQMEM URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=74128

Подпольные «маклеры» Ленинграда эпохи «хрущевской оттепели»

Хазиев Рустэм Асхатович

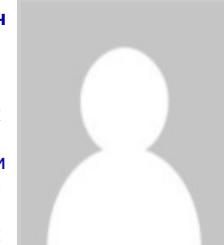
ORCID: 0000-0002-8754-7791

доктор исторических наук

профессор; институт истории и государственного управления; Уфимский университет науки и технологий

450076, Россия, республика Башкортостан, г. Уфа, ул. Карла Маркса, 3/1, каб. 512

✉ khazievra@mail.ru

Гоффер Павел Сергеевич

ORCID: 0000-0002-4345-4569

аспирант; институт истории и государственного управления; Уфимский университет науки и технологий

450076, Россия, республика Башкортостан, г. Уфа, ул. Карла Маркса, 3/1, каб. 512

✉ pavel.goffer@mail.ru

[Статья из рубрики "История и экономика"](#)

DOI:

10.25136/2409-868X.2025.4.74128

EDN:

QNQMEM

Дата направления статьи в редакцию:

10-04-2025

Дата публикации:

17-04-2025

Аннотация: В статье, основанной на изучении разнообразного массива материалов, хранящегося в Государственном архиве Российской Федерации и впервые введённого в научный оборот, рассматривается теневая деятельность нелегальных дельцов во втором

по значимости городе РСФСР – г. Ленинграде. Хозяйственно-экономический либерализм, который наблюдался в период «хрущёвского реформаторства», имел как положительные, так и отрицательные последствия. С одной стороны, он способствовал улучшению экономического положения в стране. С другой стороны, возрастили масштабы неафишируемых сделок, совершаемых «барыгами». Цель статьи – определить и проанализировать причины, которые привели к росту теневого сектора экономики в Ленинграде периода «хрущёвской оттепели». В то время, когда официально существовала планово-директивная экономика, основанная на централизованном управлении, неофициальная хозяйственная деятельность стала не просто исключением, а частью повседневной жизни советских людей. Методология исследования базируется на принципах критического исследовательского осмысления деятельности теневых "дельцов" г. Ленинграда в 1953–1964 гг. Структурно-функциональный метод позволил реконструировать бизнес-модель "теневых маклеров" эпохи «хрущевской оттепели» в проекции осуществления и координации подпольной деятельности. Незаконные операции по закупке и продаже товаров создали условия для обогащения отдельных лиц, официально называемых «спекулянтами-тунеядцами». Порицаемые властью «махинаторы» наносили существенный урон государственной торговле, внося элементы дезорганизации в систему товароснабжения Ленинграда. Частные посредники, занимаясь нелегальным бизнесом в Ленинграде, вступали в сговор с «ответственными работниками» некоторых государственных торговых организаций, которые подчинялись Министерству торговли РСФСР. В процессе исследования было выявлено, что теневые предприниматели «непомерно обогащались» благодаря «преступному сколачиванию капитала», получив незаконный доступ к приобретению «дефицита» продовольственно-товарного фонда Ленинграда. Ответработники, находившиеся в сговоре с нелегальными бизнесменами, намеренно усложняли процесс учёта продовольственных товаров, фальсифицировали документы по оплате командировочных расходов, «выдачи наличными» крупных сумм за посреднические услуги и т. д. Кроме того, тайные предприниматели активно пользовались своей безнаказанностью. Как правило, «теневые торгаши» документарно-учетно себя не персонифицировали, поэтому долгое время, не попадая в поле зрения правоохранительных органов, могли беспрепятственно заниматься незаконной деятельностью, что способствовало процветанию различных экономических махинаций.

Ключевые слова:

теневая экономика, хрущевская оттепель, торговля, плановая экономика, Ленинград, Ленинградская область, потребительство, продовольственные товары, махинации, нетрудовая деятельность

Советский реформизм эпохи Н.С. Хрущева, сопровождавшийся активным процессом выработки государственной программы хозяйственного развития в условиях относительной либерализации социально-политической и экономической жизни [1: 4-7], активизировал в стране использование нелегальных стратегий хозяйственной деятельности, направленных на получение индивидуальной выгоды. Новые ценностные ориентиры, ассоциировавшиеся с миром денег, комфорта и высокого качества жизни по-советски, прежде всего проявились в городах Союзного значения, в том числе и в «колыбели революции» - г. Ленинграде.

27 января 1961 года в газете «Советская Россия» был напечатан фельетон,

называвшийся «Маклеры». Его авторами стали главный ревизор-контролёр Министерства финансов РСФСР по Вологодской области и журналист Н. Крупенков. В фельетоне авторы вскрывали неправомерные действия руководителей торговли Ленинграда, которые разрешали неправомерную продажу «налево» продуктов питания торговым организациям из других регионов и республик [3].

Сенсационно-разоблачительная информация вызвала волну проверок на разных уровнях — от районных отделений милиции до Совета Министров СССР. В ходе летучих ревизий выяснилось, что торговые предприятия Ленинграда незаконно продавали большое количество мясных, молочных и других фондированных продуктов сторонним организациям из других городов. С целью извлечения неучтённой прибыли только в 1960 году удалось несанкционированно сбыть из г. Ленинграда в Ростовскую, Вологодскую, Смоленскую, Новгородскую, Харьковскую области 478 тонн сливочного и топленого масла, 914 тонн сметаны, 738 тонн сахара, 172 тонны мяса, 27 тонн колбасных изделий, 184 тонн творога, 196 тыс. штук яиц, 1,8 млн банок мясных и молочных консервов и других товаров на фантастическую для того периода сумму — около 10 млн руб. «в новом масштабе цен». Области, куда был осуществлен вывоз продуктов питания, сами являлись производителями-поставщиками этой продукции «для общесоюзных нужд» [2, л. 10, 45].

В то время как в торговых организациях Ленинграда было достаточно продуктов питания, «руководители-торгари» вместо того, чтобы улучшать снабжение населения и создавать необходимые резервы, начали активно «сколачивать» теневые капиталы. В высшей степени доходным оказалось проворачивать теневые сделки, оптом продавая с холодильников Росмясорыбторга в Ленинграде дефицитные продукты, такие как сливочное масло, мясо и консервы, торговым организациям из других регионов [2, л. 2].

Значительная часть нелегальных операций по продаже товаров повседневного спроса проводилась через посредников, которые постоянно проживали в Ленинграде. Эти «маклеры» от каждой успешно проведенной сделки получали «наличными» 0,2–1,5% от общей стоимости товарной партии. [2, л. 45]. В Ленинграде удалось выявить 20 профессиональных посредников, которые «жили на широкую ногу», незаконно получая крупные суммы денег [2, л. 1]. В частности, в январе 1961 года сотрудники БХСС УВД Вологодского областного исполнительного комитета успешно провели операцию, в ходе которой была выявлена и пресечена деятельность «преступной группы», занимавшейся посредничеством. В состав группы входили жители Ленинграда, ранее привлекавшиеся к ответственности за должностные преступления. Так, Р.Я.Н. был осуждён за хищение государственной собственности, К.А.Л. ранее привлекался к ответственности за подделку документов и хищение, З.И.М. — закончив институт торговли, «тунеядствовал» и т.д. [2, л. 39, 45].

В ходе оперативно-розыскных мероприятий и расследования уголовного дела было установлено, что в период с 1958 по 1960 годы указанные лица заключали договоры с руководителями торговых организаций Управления рабочего снабжения Вологодского совнархоза. В нарушении существовавших ведомственных положений в договоры включался пункт об оказании посреднических услуг по закупке продуктов питания и промышленных товаров в различных городах Советского Союза. К.А.Л., Р.Я.Н. и З.И.М. выступали в качестве представителей торговых организаций УРСа Вологодского совнархоза и занимались посредничеством в поставках товаров из более чем 20 организаций Ленинграда и других городов. Закупленные преимущественно в Ленинграде

товары отправлялись в Вологодскую область в железнодорожных вагонах, которые были получены дельцами без согласования с железнодорожными перевозчиками. За два года теневые «маклеры» смогли закупить товаров на более чем 50 миллионов рублей. В качестве вознаграждения они брали «свои» до 1,5% от суммы закупленных товаров. Только К.А.Л. получил от ОРСов Вологодского совнархоза более 700 тысяч рублей (в старых деньгах) в качестве вознаграждения [\[2, л. 39\]](#).

В выгодный ради личного обогащения подпольный бизнес были вовлечены почти все районные управления торговли продовольственными товарами, а также Ленвоенторг, управления рабочего снабжения Октябрьской железной дороги, Северо-Западного речного пароходства и совнархоза, а также местная контора Росмясорыбторга и Ленмолкомбинат. Они товарными партиями осуществляли продажу продовольственных товаров сторонним организациям. В частности, 18 районных управлений торговли продали различным организациям из других городов 269 тонн животного масла, 782 тысячи банок мясных и молочных консервов, а также другие продукты питания, такие как колбаса, яйца, мясо, икра и сахар, на общую сумму 1,9 миллиона рублей. В некоторых случаях продажа осуществлялась напрямую с баз-поставщиков. Наибольшее количество продовольственных товаров на сумму 554 тысячи рублей было продано Сестрорецким районным управлением торговли [\[2, л. 49\]](#).

Оказались вовлечены в получение «теневых денег» отдельные «дельцы» торгово-закупочной базы Управления торговли Ленинградского военного округа. Торговыми организациями Вологодской, Новгородской и Калининской областей, не имеющим никакого отношения к системе Министерства обороны, было продано сахара – 677 т., масла сливочного – 116 т., мяса – 41 т., консервов мясных и молочных – 486 тыс. банок и других продуктов на общую сумму 2,8 млн рублей. Значительная часть этих товаров реализовывалась с разрешения заместителя начальника Управления торговли Ленинградского военного округа и начальника торгового отдела управления «в порядке растоваривания и во избежание порчи», «в целях снижения остатков и во избежание санкций за невыборку фондов» и т.д. [\[2, л. 50\]](#).

Ключевую роль в организации нелегальной торговли, которая осуществлялась в огромных масштабах, играли транспортные организации. Ленинград-Финляндское, Ленинград-Витебское и Ленинград-Московское отделения Октябрьской железной дороги вне существовавших правил предоставляли вагоны для вывоза продовольственных товаров. В большинстве случаев вагоны выделялись по заявкам организаций, которые не имели права самостоятельно планировать железнодорожные перевозки. Нередко товарные вагоны предоставлялись по заявкам частных посредников, которые использовали бланки, подписанные вымышленными ответственными работниками ликвидированных министерств лесной, бумажной и деревообрабатывающей промышленности. В ходе проверки удалось выявить, что «жулью» незаконно было предоставлено 499 вагонов, из них 299 – Ленинград-Витебским отделением, 95 – Ленинград-Финляндским отделением и 105 – Ленинград-Московским отделением [\[2, л. 51\]](#).

Сотрудники ОБХСС УВД Вологодского облисполкома и ОБХСС УВД города Ленинграда получив оперативную информацию, начали совместно разрабатывать дело о дельцах-посредниках. Для документирования их преступной деятельности начали проводиться оперативно-розыскные мероприятия. В частности, группа оперативных сотрудников совместно с сотрудниками контрольно-ревизионного управления произвела выемку документов в большинстве торговых организаций Ленинграда и области. В ходе

проверки было установлено, что только в 1960 году через Ленинградскую торгпосредконтору было оформлено 5605 сделок по отгрузке дефицитных промышленных товаров и продовольственной продукции [\[2, л. 40\]](#).

Тем не менее, стоит подчеркнуть, что меры, предпринятые ОБХСС УВД г. Ленинграда, не были достаточными для полного пресечения преступной деятельности посредников. Органы УМВД Вологодской области неоднократно информировали ОБХСС УМВД г. Ленинграда о фактах посреднической деятельности К.А.Л. по закупке и вывозу продовольственных товаров из Ленинграда, а также о незаконном получении вагонов под эти грузы. Однако ОБХСС УМВД г. Ленинграда не уделял должного внимания этому вопросу до конца 1960 года, ограничиваясь формальными ответами [\[2, л. 40\]](#). Так, 19 апреля 1959 года Сокольское городское отделение милиции Вологодской области направило запрос ОБХСС УМВД города Ленинграда. В обращении содержалась просьба «взять К. в активную разработку». В сопроводительных документах были изложены сведения о его противоправных действиях. Однако вместо проведения расследования был получен ответ, что К.А.Л. ««нигде не работает, в связи с чем разработка затруднена» [\[2, л. 54\]](#).

В мае 1959 года Сокольское отделение милиции повторно обратилось в ОБХСС УВД г. Ленинграда с аналогичной просьбой. К обращению были приложены дополнительные материалы, изобличающие деятельность К.А.Л. На это обращение вообще не последовало ответа. С аналогичными просьбами о привлечении К.А.Л. к ответственности в ОБХСС УВД г. Ленинграда обращались в мае, ноябре и декабре 1960 года. Сначала это было Великоустюгское отделение, а затем ОБХСС УВД Вологодской области. Но и на эти обращения не было получено ответов. Не сохранилось документальных свидетельств, позволяющих объяснить столь безразличное отношение ОБХСС УВД г. Ленинграда к сигналам о явных фактах подпольной наживы К.А.Л. Но де-факто ОБХСС УВД г. Ленинграда, осведомленное о «преступных действиях» К.А.Л., не приняло никаких мер по привлечению его к ответственности. В результате очевидного бездействия в Ленинграде вплоть до января 1961 г. существовал подпольный бизнес «по разбазариванию продовольственных товаров» [\[2, л. 54\]](#).

В тот момент, когда возникла реальная опасность того, что сведения о беспрецедентных масштабах нелегальной деятельности в сфере посредничества в Ленинграде станут известны в ЦК КПСС, были срочно предприняты соответствующие меры. В первую очередь, вопрос о нерациональном использовании продуктов питания был оперативно рассмотрен руководством Ленинградского областного комитета и городского комитета КПСС, а также партийными организациями Сестрорецкого, Кировского и Петроградского районов. Также были приняты меры Военным советом Ленинградского военного округа, управлением Октябрьской железной дороги и Северо-Западным речным пароходством. В результате были приняты меры по предотвращению вывоза продуктов животноводства и других продовольственных товаров из города Ленинграда [\[2, л. 10, 55\]](#).

«Виновные лица» были строго наказаны. Бюро Ленинградского областного комитета КПСС объявило строгий выговор начальнику Главного управления торговли и его заместителю. Заместитель управляющего Ленинградской конторой Росмясорыбторга и директор Ленинградской торгпосредконторы были сняты с занимаемых должностей. Также были строго наказаны руководители других оптовых и розничных торговых организаций Ленинграда [\[2, л. 2, 55\]](#). За «волокиту» были строго наказаны в партийном и служебном порядке ответственные сотрудники УВД Леноблгорисполкомов [\[2, л. 40\]](#). Кроме

того, прокуратура г. Ленинграда арестовала 10 человек из числа «маклеров», в отношении которых началось расследование [\[2, л. 11\]](#).

27 мая 1961 года Совет Министров РСФСР издал постановление № 615 «О фактах привлечения торговыми организациями частных посредников и разбазаривания продовольственных товаров в г. Ленинграде и некоторых других промышленных центрах». Это постановление стало своеобразным призывом начать эшелонированную борьбу с набирающей в стране обороты теневой экономикой. В ходе начавшихся масштабных проверок на местах выявилось, что маклерство в Ленинграде оказалось не случайным явлением. Деятельность тайных дельцов, специализировавшихся на закупках и перепродаже в оптовых размерах промышленных и продовольственных товаров, получила широкое распространение в союзных и автономных республиках, а также в Тульской, Свердловской, Пермской, Новосибирской, Томской, Кировской, Рязанской, Костромской областях, Красноярском и Хабаровском краях и т. д. [\[2, л. 1\]](#).

Надзорные органы сигнализировали в вышестоящие партийно-государственные инстанции, что не только в Ленинграде, но и по всей стране растущие антисоциалистические незаконные операции по закупке и продаже товаров создали условия для «наживы частных лиц — тунеядцев». Подпольных маклеров начали рассматривать как крайне зловредную и опасную силу, которая наносит существенный ущерб национальной экономической безопасности государства, вносит дезорганизацию в систему товаровнабжения населения, что подрывает социальную стабильность. Очевидно было, что планово-социалистическая экономика дает системный сбой, но этого не хотели и по политическим причинам не могли признать. Вина за «нездоровые проявления» возлагалась на нерадивых сотрудников «Росторгпосредконторы», «Росмясопртторга» и другие торговые организации, допустившие преступно-посредническую деятельность в Ленинграде [\[2, л. 2\]](#).

Президиум Совета Министров СССР указал председателю Ленинградского городского исполнительного комитета Н. И. Смирнову на то, что горисполком недостаточно контролирует работу торговых организаций города. Также было обращено внимание министра внутренних дел РСФСР Н. П. Стаканова на то, что органы милиции Ленинграда плохо выявляют и пресекают незаконные торговые операции и другие мошеннические действия в сфере торговли [\[2, л. 2\]](#).

В качестве действенных мер по борьбе с деятельностью теневых дельцов в сфере советской торговли Совет Министров РСФСР предложил принять меры к усилению контроля за правильностью использования товаров рыночного фонда и недопущению торговых сделок через частных посредников; не допускать заключения торговыми организациями и предприятиями соглашений с частными лицами на закупку и отгрузку товаров и выплаты им какого-либо вознаграждения [\[2, л. 2\]](#).

В рамках борьбы с «недобросовестными проявлениями» в советской торговле Совет Министров РСФСР вводил контроль за использованием лимитированных товаров, чтобы предотвратить торговые операции частных посредников. Также торговым организациям и предприятиям запрещалось заключать соглашения с частными лицами на закупку и отгрузку товаров, а также выплачивать им вознаграждение. Министерство торговли РСФСР обязывалось разработать порядок проведения и оформления торгово-посреднических операций. Все операции по реализации товаров за пределами автономной республики, края или области должны были осуществляться только через торгово-посреднические конторы и оптовые организации Министерства торговли РСФСР.

Документация по отгрузкам товаров должна была приниматься банками только при наличии разрешения соответствующего министерства торговли автономной республики, управления торговли крайисполкома или облисполкома [2, л. 2].

В заключение следует отметить, что в эпоху «хрущевского реформизма», для которой был характерен ограниченный хозяйственный и экономический либерализм, создавались в условиях хронического советского дефицита промышленных и продовольственных товаров условия для реализации ленинградскими маклерами, стремившихся к роскошной жизни по-советски, различных экономических махинаций. Источником финансового успеха подпольных дельцов Ленинграда был, аналогично московскому, продовольственный фонд, так как специально решалась задача значительно лучшего, чем в других городах страны, промтоварного и продовольственного обеспечения «второй» столицы страны. Прежде всего, широко распространялась практика «запутанного» учёта продовольственных товаров, выплаты посредникам крупных сумм в качестве незаконного вознаграждения за посредничество и т. д. Кроме того, отсутствие ответственности за незаконные действия в сфере экономики создавало условия для безнаказанности и, как следствие, способствовало реализации различных экономических махинаций.

Библиография

1. Вельможко И. Н. Социальные трансформации в период "хрущевской оттепели" // Вестник Удмуртского университета. Серия: История и филология. 2016. Т. 26, № 4. С. 93-100. EDN: UGPMZX.
2. Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). Ф. А-259. Оп. 42. Д. 7679.
3. Марков А., Крупенков Н. Маклеры // Советская Россия. 1961. 27 января. С. 2.
4. Некрасов В. Л. Советский экономический реформизм эпохи Н. С. Хрущева: авторитарный реформатор, партийно-государственная система и академическое сообщество // Новый исторический вестник. 2017. № 4 (54). С. 71-91. DOI: 10.24411/2072-9286-2017-00017. EDN: YUJYMA.
5. Никифоров Ю. С. Идеолого-политическое обеспечение трансформации экономики и социума в СССР 1950-80-х гг.: исторические вызовы и скрытые тенденции // Вестник Костромского государственного университета. 2020. Т. 26, № 4. С. 50-57. <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2020-26-4-50-57>. EDN: RVSKPZ.
6. Перцев В. А. Разработка и реализация в советском государстве концепции общества потребления в 1950-1960-е гг. // Общество: философия, история, культура. 2017. № 8. С. 110-113. <https://doi.org/10.24158/fik.2017.8.26>. EDN: ZDRBNF.
7. Сухова О. А. "Автомобиль - в личное пользование!": приобретение автомобилей в СССР в условиях кризиса системы распределения в 1960-е - 1980-е гг. // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. 2017. № 3 (43). С. 59-66. DOI: 10.21685/2072-3024-2017-3-6. EDN: YSLBOC.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Советская эпоха, охватывающая значительный массив в российской истории XX века отличается серьезной противоречивостью: это и успехи в области космоса и ядерной энергетики, это и героическая победа над нацизмом, юбилей которой отмечается в этом году, но вместе с тем это и проблемы в области экономики, прежде всего в сфере

легкой промышленности. Достаточно указать только на то, что проблема дефицита товаров народного потребления так и не была решена за все семь десятилетий советской власти. В этой связи вызывает интерес изучение "нелегальных стратегий хозяйственной деятельности, направленных на получение индивидуальной выгоды" в различные периоды истории СССР.

Указанные обстоятельства определяют актуальность представленной на рецензирование статьи, предметом которой являются подпольные "маклеры" Ленинграда эпохи "хрущевской оттепели". Автор ставит своими задачами раскрыть роль различных организаций в формировании нелегальной торговли, проанализировать меры по борьбе с деятельностью теневых дельцов.

Работа основана на принципах анализа и синтеза, достоверности, объективности, методологической базой исследования выступает системный подход, в основе которого находится рассмотрение объекта как целостного комплекса взаимосвязанных элементов. Научная новизна статьи заключается в самой постановке темы: автор стремится охарактеризовать нелегальные схемы хозяйственной деятельности на примере Ленинграда. Научная новизна статьи заключается также в привлечении архивных материалов.

Рассматривая библиографический список статьи, как позитивный момент следует отметить его разносторонность: всего список литературы включает в себя 7 различных источников и исследований. Из привлекаемых автором источников укажем на документы из фондов Государственного архива Российской Федерации. Из используемых исследований отметим труды И.Н. Вельможко, В.Л. Некрасова, В.А. Перцева, в центре внимания которых находятся различные аспекты изучения социальных трансформаций в период "оттепели". Заметим, что библиография обладает важностью как с научной, так и с просветительской точки зрения: после прочтения текста статьи читатели могут обратиться к другим материалам по её теме. В целом, на наш взгляд, комплексное использование различных источников и исследований способствовало решению стоящих перед автором задач.

Стиль написания статьи можно отнести к научному, вместе с тем доступному для понимания не только специалистам, но и широкой читательской аудитории, всем, кто интересуется как историей СССР, в целом, так и экономикой СССР, в частности. Апелляция к оппонентам представлена на уровне собранной информации, полученной автором в ходе работы над темой статьи.

Структура работы отличается определенной логичностью и последовательностью, в ней можно выделить введение, основную часть, заключение. В начале автор определяет актуальность темы, показывает, что "реформизм эпохи Н.С. Хрущева, сопровождавшийся активным процессом выработки государственной программы хозяйственного развития в условиях относительной либерализации социально-политической и экономической жизни, активизировал в стране использование нелегальных стратегий хозяйственной деятельности, направленных на получение индивидуальной выгоды". В работе отмечается, что "в выгодный ради личного обогащения подпольный бизнес были вовлечены почти все районные управлении торговли продовольственными товарами, а также Ленвоенторг, управления рабочего снабжения Октябрьской железной дороги, Северо-Западного речного пароходства и совнархоза, а также местная контора Росмясрыбторга и Ленмолкомбинат". Автор показывает, что "отсутствие ответственности за незаконные действия в сфере экономики создавало условия для безнаказанности и, как следствие, способствовало реализации различных экономических махинаций".

Главным выводом статьи является то, что

"в эпоху «хрущевского реформизма», для которой был характерен ограниченный

хозяйственный и экономический либерализм, создавались в условиях хронического советского дефицита промышленных и продовольственных товаров условия для реализации ленинградскими маклерами, стремившихся к роскошной жизни по-советски, различных экономических махинаций".

Представленная на рецензирование статья посвящена актуальной теме, вызовет читательский интерес, а ее материалы могут быть использованы как в курсах лекций по истории России, так и в рамках различных спекурсов.

В целом, на наш взгляд, статья может быть рекомендована для публикации в журнале "Genesis: исторические исследования".

Genesis: исторические исследования

Правильная ссылка на статью:

Дацко Н.И. Работа высшего военного начальства над «Положением о генерал-инспекторах» в 1907-1908 гг // Genesis: исторические исследования. 2025. № 4. DOI: 10.25136/2409-868X.2025.4.73579 EDN: LHNFYR URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=73579

Работа высшего военного начальства над «Положением о генерал-инспекторах» в 1907-1908 гг.

Дацко Никита Игоревич

преподаватель; кафедра гуманитарных наук; Российский национальный исследовательский медицинский университет им. Н.И. Пирогова
аспирант; кафедра истории России XIX века – начала XX века; Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова

Россия, г. Москва, р-н Раменки, тер. Ленинские Горы, д. 1е

✉ datsko.nikita@yandex.ru

[Статья из рубрики "История государственных учреждений"](#)

DOI:

10.25136/2409-868X.2025.4.73579

EDN:

LHNFYR

Дата направления статьи в редакцию:

04-03-2025

Дата публикации:

27-04-2025

Аннотация: В статье рассматривается один из аспектов военной политики 1905-1914 гг. – внедрение института генерал-инспекторов пехоты, кавалерии, артиллерии и инженерной части в общую структуру высшего военного управления Российской империи того времени. Предметом исследования является объём полномочий генерал-инспекторов в 1905-1909 гг., т.е. в период существования децентрализованного военного управления, когда властных возможностей военного министра в армии был резко сокращён путём выделения из его состава Генерального штаба и создания Совета Государственной обороны – коллегиального, совещательного органа, куда на равных правах входили военный и морской министры, начальник Главного управления Генерального штаба, генерал-инспекторы и другие лица из высших военных кругов. Целью исследования является анализ процесса разработки и принятия в недрах

высшего военного управления "Положения о генерал-инспекторах" – важного документа, призванного определить чёткий статус генерал-инспекторов в военно-управленческой иерархии и разграничить предмет их ведения и полномочия. Методология исследования заключается в работе с архивными, неопубликованными материалами РГВИА (Ф. 830 Совет Государственной обороны России) и основана на сравнительном подходе к источникам. Дополнительным источником выступают опубликованные воспоминания военного министра России в 1905-1909 гг. А.Ф. Редигера. Проведённый анализ делопроизводственной документации и источников личного происхождения показывает, что создание "в верхах" военного управления должностей генерал-инспекторов как автономных военному министру фигур являлось попыткой влиятельной группы Августейшего Дома Романовых, традиционно тесно связанной с русской армией, контролировать процесс шедших после русско-японской войны 1904-1905 гг. военных реформ. Автор предполагает, что эта группа (не исключая самого императора) либо не доверяла до конца дело реформ традиционной бюрократии этот вопрос в столь кризисное время, либо преследовала (великие князья) через институции генерал-инспекторов свои личные интересы в армии. В любом случае данная управлеченческая реорганизация в итоге запутывала и без того сложное высшее управление русской армии, а сама инкорпорация автономных генерал-инспекторов в армию показывает насколько сложна и инертна была военно-бюрократическая машина того времени.

Ключевые слова:

Генерал-инспектор, Совет Государственной обороны, военное министерство, пехота, кавалерия, артиллерия, инженерные войска, военное управление, военное ведомство, военная политика

После серии реформ в военном управлении, стартовавших на исходе русско-японской войны в 1905 г. и направленных на децентрализацию этого управления, значимость генерал-инспекторов пехоты, кавалерии, артиллерии и инженерной части резко вырастала. Теперь в субординационном отношении это были независимые от военного министра лица, надзирающее за обучением войск, путём их инспектирования. Поэтому специфика обязанностей генерал-инспекторов требовала осуществлять постоянные командировки в войска. Подотчётен каждый из генерал-инспекторов был только императору, и обладание такой должностью позволяло автоматически входить в Совет Государственной обороны Российской империи, созданный в 1905 г. для координации деятельности всех высших инстанций децентрализованного военного ведомства. По сути это были особо доверенные фигуры царя непосредственно в войсках.

Историография темы генерал-инспекторских должностей в русской императорской армии XX века довольно бедная. Специальных работ, которые бы рассматривали и анализировали роль и функции генерал-инспекторов родов войск в структуре высшего военного управления, пока нет. Тем не менее, в обобщающих работах встречаются упоминания и косвенные или прямые обращения к данной тематике. Так, ещё в исследовании В.В. Кузина середины XX века речь шла о важной роли генерал-инспекторов в работе Совета Государственной обороны, об опоре председателя этого Совета, великого князя Николая-Николаевича-младшего, на них с целью влияния на реализацию военной политики России в рассматриваемый период [\[1\]](#). Другие советские военные историки И.И. Ростунов [\[2, с. 37\]](#) и Л.Г. Бескровный [\[3, с. 56\]](#) в своих работах

отмечали, что изъятие инспекторских функций из ведения военного министра, но с оставлением на нём хозяйственных вопросов нарушило эффективность централизованного управления армией. Среди работ современных исследователей следует выделить диссертации И.А. Бодриченко, подробно рассматривающей аппарат управления генерал-инспектора пехоты в начале XX в. [\[4\]](#), Д.В. Пирогова, где автор в контексте анализа реакции военной периодики на ход реформ в русской армии в 1905 – 1914 гг. отмечает беспокойство в военных кругах по поводу разлада между военным министром, генерал-инспекторами и начальником Главного управления Генерального штаба (ГУГШ) [\[5, с. 95\]](#). Также за последние десятилетия вышла переведённая на русский язык монография американского историка Б. Менннига, обобщающая опыт развития строительства вооруженной силы Российской империи за половину столетия: от милитаристских реформ до Первой мировой войны [\[6\]](#). В ней, правда, автор касается темы генерал-инспекторов в армии в начале XX века лишь однажды, когда рассматривает деятельность великого князя Николая Николаевича-младшего на должности инспектора кавалерии [\[6, с. 216\]](#).

Несмотря на важность должности генерал-инспектора, активно возрождавшейся с 1905 года (на момент этого года в армии существовала только должность генерал-инспектора по инженерной части, появившаяся ещё при Николае I), до конца 1907 – начала 1908 гг. не существовало серьёзно проработанного нормативно-правового акта, который бы внятно регламентировал деятельность и полномочия данных должностей в большой и сложной системе военного управления. Ещё в том же 1905 году при работе первого Особого совещания при Совете Государственной обороны декларировалось, что генерал-инспекторам должна быть отведена важная роль в качестве контролёров процесса офицерских аттестаций на местах [\[7, л. 20 обр.\]](#). Вместе с тем, осуществление подобной функции при отсутствии чёткой регламентации между генерал-инспекторами и остальными звенями военного управления давало свои негативные результаты, влиявшие на ход реформ в армии.

Так, например, в 1907 году военный министр того времени, генерал А.Ф. Редигер, по собственной инициативе, касающейся развития мероприятий по усовершенствованию качества подготовки обер- и штаб-офицерских кадров, принял решение усовершенствовать боевую подготовку офицеров в пехоте и кавалерии. Для этого он захотел преобразовать офицерские школы в штаб-офицерские курсы «...с тем, чтобы в штаб-офицеры могли переводиться только прошедшие эти курсы; технические же сведения по специальностям я (А.Ф. Редигер – Н.Д.) предполагал давать обер-офицерам в особых школах при войсках» [\[8, с. 148\]](#). Для пехоты предполагалось образовать в военных округах стрелковые курсы штабс-капитанов. Офицеры в этом чине, как правило, обычно претендовали на должности ротных командиров. Помимо более основательного обучения будущих военачальников различным сторонам стрелкового дела эти курсы стремились их всесторонне погрузить в только-только развивавшееся пулемётное дело. В кавалерии А.Ф. Редигер хотел на уровне дивизий организовать курсы верховой езды и кавалерийского дела в целом, куда входило бы оттачивание таких важных для командира-кавалериста техник, как вождение разъезда, организация кавалерийской разведки, ковка и другие. За образец А.Ф. Редигер брал соответствующие школы в Австро-Венгрии – потенциального противника России в ожидаемой большой европейской войне. Для получения сведений о подобном опыте обучения войск он специально воспользовался русской агентурой в Австро-Венгрии и через военного агента графа Снапоки достал сведения об этих школах подготовки [\[8, с. 148 - 149\]](#).

Как же на эту инициативу отреагировали генерал-инспекторы пехоты генерал Н.П. Зарубаев и кавалерии генерал В.М. Остроградский, призванные по своей должности радеть за дело выучки подведомственных им войск? Военный министр встретил их решительный отпор и саботаж. Особенно примечательно в этой ситуации, что причины этого сопротивления заключались в том, что предложенная инициатива министра «проводилась помимо него (Зарубаева – Н.Д.), а Остроградский не знал ничего про школы в Австро-Венгрии (!) и попросту недоумевал, зачем это понадобились мне новые школы?» [\[8, с. 149\]](#).

Отдельно надо отметить, что у А.Ф. Редигера с Н.П. Зарубаевым отношения не складывались после его прихода в высшее военное управление на пост генерал-инспектора пехоты. Хотя, как мы помним, при рассмотрении в СГО положения А.Ф. Редигера о порядке офицерских аттестаций и назначении на должности строевых начальников Н.П. Зарубаев на летнем заседании в 1906 году выступал активным сторонником предложений военного министра по обсуждавшемуся проекту [\[8, с. 67 - 68\]](#). До русско-японской войны этот военачальник был малоизвестным, однако во время неё неплохо себя проявил в должности командира 4-го Сибирского армейского корпуса. Это послужило толчком к его карьерному росту. По рекомендации М.А. Газенкампфа, другом которого являлся Н.П. Зарубаев, генерал попал в помощники великому князю Николаю Николаевичу-младшему, уже с протекции которого и был назначен инспектировать пехоту. А.Ф. Редигер вспоминал, что познакомился с ним на заседаниях Совета Государственной обороны и позже писал, что Н.П. Зарубаев «говорил мало, но далько, и производил впечатление человека скромного, более молчаливого; хотя способности его мне (А.Ф. Редигеру – Н.Д.) казались средними, но у него было славное боевое прошлое» [\[8, с. 67\]](#). Когда же должность генерал-инспектора пехоты в результате болезни О.-Ф.К. Гриппенберга весной 1906 года оказалась вакантной, именно А.Ф. Редигер при настоящих советах и хлопотах М.А. Газенкампфа предложил на этот пост кандидатуру Н.П. Зарубаева. Дошло до того, что, пользуясь, как министр, возможностью личной аудиенцией у императора, А.Ф. Редигер просил у самого Николая II о его назначении. Однако хлопоты военного министра не способствовали установлению тесных рабочих отношений между ним и новым назначенцем: «отношения Зарубаева ко мне сразу переменились. Считая себя подведомным только председателю Совета обороны, он стал меня систематически игнорировать и, разъезжая по стране, даже не сообщать мне ни о своих поездках, ни о том, что он видел. В отношении командующих войсками он выказал большое самомнение и обидчивость» [\[8, с. 68\]](#).

Такие самоуправства и конфликтные ситуации порождали разные проблемы, мешавшие органичной работе, протекавшей на верхних лестницах военно-административной иерархии. Не случайно, когда летом 1907 года встал вопрос об образовании при СГО комиссии по выработке «Положения о генерал-инспекторах», входившему туда начальнику Главного штаба генералу А.Е. Эверту А.Ф. Редигер, сам не входивший в неё, давал своего рода «министерский наказ», суть которого заключалась в необходимости настаивать на внесении в положение обязательства перед генерал-инспекторами «всегда сообщать военному министру, куда они едут для инспекции» [\[8, с. 190\]](#). Тем самым, А.Е. Эверт являлся в комиссии стороной, представлявшей интересы военного министерства.

В тоже время необходимость в генерал-инспекторах была у самого царя. Она прослеживается в рабочем переписке военного министра с августейшим председателем СГО по деятельности ВАК при СГО ещё от 26 февраля 1907 года, где первым сообщается

Николаю Николаевичу, что «Государю Императору... богоугодно было... соизволить...», чтобы генерал-инспекторы, которые лично ему подотчётны, активно привлекались к работе Высшей аттестационной комиссией при СГО «для сообщения комиссии данных о служебной деятельности высших начальников» по результатам их инспекций и осмотров в войсках [9, л. 17]. Через участие генерал-инспекторов в работе ВАК, находящейся при СГО, в который, как известно, генерал-инспекторы входили на основании «Положения об СГО» [10, лл. 26 - 30], царь мог иметь в комиссии независимых от Николая Николаевича по своему служебному положению лиц (ведь подотчётны они только императору, с правом личного доклада и т.д.). Через этих генерал-инспекторов, таким образом, Николай II стремился получить собственный инструмент контроля над ходом аттестационных мероприятий в обход военного министра и председателя СГО. Всё это делалось из-за стремления императора постоянно оставаться независимым от чьего-либо одного мнения при принятии решений. Для царя это было чрезвычайно важно, поскольку именно за ним оставалась последняя и решающая подпись, утверждавшая решения ВАК, которая увольняла генералов, признанных некомпетентными или вовсе бесполезными в армии.

Данное «Высочайшее соизволение» последовало в результате доклада Главного штаба императору от 22 февраля, предшествовавшему письму, в котором вопрос и поднимался вопрос о положении генерал-инспекторах в процессах аттестаций. В нём говорилось, что «Вашему Императорскому Величеству богоугодно было уже соизволить на пересмотр положений о генерал-инспекторах родов оружия в Совете Государственной обороны, но рассмотрение этого сложного вопроса в общей совокупности потребует ещё продолжительного времени» [9, л. 19]. В это время (начало 1907 года), как известно, вовсю уже заработало «Временное положение об офицерских аттестациях...». В связи с этим, оставлять в данных условиях вопрос правового статуса генерал-инспекторов в неопределенности для военно-бюрократической машины становилось всё сложнее.

Поэтому эта машина уже в конце марта пришла в движение. Рассмотрим её работу над «Положением о генерал-инспекторах» в 1907 – начале 1908 гг. На протяжении весны 1907 года велась работа над набросками первоначального проекта «Положения о генерал-инспекторах». В марте военному министру последовал доклад №262 Комитета по образованию войск, который жаловался на отсутствие контроля за некоторыми «из старших строевых начальников» в деле «войскового обучения» [11, л. 5]. Также в докладе Комитет полагал, что «генерал-инспекторы должны удостоверяться – какие меры в войсках применяются...» старшими начальниками для устранения недочётов войсковых обучений, выявленных по итогам минувшей японской войны. В докладе подробно расписывалось, на какие недостатки в командовании соединениями при полевых учениях генерал-инспекторам необходимо было обращать внимание и фиксировать их [11, л. 6]. Копию этого доклада с сопроводительным письмом военный министр 7 апреля отправляет председателю Совета Государственной обороны с просьбой в очередной раз вернуться к вопросу о полномочиях и функциях генерал-инспекторов на ближайшем заседании Совета [11, л. 7]. Николай Николаевич ответил на него согласием с замечаниями Комитета по образованию войск, но, вместе с тем, указал, что обсуждение в СГО вопроса об оформлении законодательного порядка круга ведения генерал-инспекторов, их прав и обязанностей пока преждевременна, так как его «Высочайше утверждённых» руководящих указаний генерал-инспекторам при отправке их в командировку в войска вполне достаточно [11, лл. 7 - 8].

Однако на ближайшем заседании Высшей аттестационной комиссии офицерства при

Совете Государственной обороны вопрос о необходимости положения опять был поднят, всё это дошло до императора и Высочайшей волей была проручена разработка текста великому князю Сергею Михайловичу – генерал-инспектору артиллерии. В свою очередь, Совет Государственной обороны образовал комиссию, во главе которой Николай Николаевич-младший поставил послушного ему генерала М.А. Газенкампфа. Эта комиссия при СГО должна была первоначально проработать формулировки «положения», прежде чем его внесут на обсуждение непосредственно в Совет. Она и по своему составу была ниже с точки зрения иерархичности. В комиссии в основном сидели помощники начальников тех ведомств и инстанций, которые заседали в самом Совете Государственной обороны [\[11, лл. 9 - 10\]](#).

Собравшиеся комиссия под руководством М.А. Газенкампфа вела свою работу очень долго, вплоть до 2 ноября, хотя была призвана решить всего лишь технические стороны дела. Между тем, дискуссия разгорелась серьёзная. На заседаниях 16, 24, 28 сентября, 3, 6, 12, 17, 23, 26 октября и 2 ноября комиссия последовательно разбирала статью за статьёй текста редакции великого князя Сергея Михайловича [\[11, лл. 12 - 91\]](#).

Уже на первые заседания комиссии в сентябре показали недовольство заметной части военных чинов существующей децентрализацией военного управления. Проектируемое же положение предполагало по сути своей эту децентрализацию углубить. Всё активнее стали слышаться настроения о необходимости считаться с властью военного министра. Они выразились в предложениях подчинить генерал-инспекторов не императору, в военному министру [\[11, л. 16\]](#). Каждый из сторонников этой мысли в комиссии по-разному аргументировал свою позицию. Генерал Н.И. Иванов указывал, что в настоящее время военному ведомству тяжело держать ответ перед той же Государственной думой в бюджетных вопросах, так как, по сути, в этом ведомстве и так уже есть 4 разных начальника, не подотчётных и неподчинённых друг другу – военный министр, Начальник ГУГШ, Председатель СГО и морской министр. Теперь же их вообще будет 8. Поэтому генерал стал настаивать на том, что если и выделять генерал-инспекторов, то главным над всем военным ведомством следует поставить Председателя СГО и законодательно это закрепить [\[11, л. 16 обр.\]](#). Эта идея ожидаемо не встретила никакой поддержки, ведь тогда ответственность за все, что происходит в военном ведомстве должны были нести не военный и морской министры, а Николай Николаевич. Он же при таком положении должен был напрямую вести диалог с Думой, вплотную работать с народными избранниками, чего не мог себе позволить великий князь ни как член царской семьи, ни как военный, ни как человек, не желавший обременять себя лишним грузом ответственности за военное ведомство, занимая там при этом важный влиятельный пост. В конце концов, предложение шло в разрез с Положением о Совета Государственной обороны, где напрямую была зафиксирована координирующая, а не начальственная роль Председателя Совета. Глава комиссии М.А. Газенкампф практически сразу пресёк эту идею [\[11, л. 17\]](#).

За подчинение военному министру высказывались и генерал А.П. Вернандер [\[11, л. 18\]](#), и А.П. Протопопов [\[11, л. 17 обр.\]](#), и А.П. Скугаревский [\[11, л. 14 обр.\]](#). Генерал А.З. Мышлаевский заявлял, что деятельность генерал-инспекторов должна быть контролирующей, но не начальственной. Другими словами, у генерал-инспектора не должно быть функций командующего [\[11, л. 14 обр.\]](#). Вопрос о признании за генерал-инспекторами командных функций в своих родах войск был отдельной линией обсуждения в комиссии: генерал-инспекторы только наблюдатели или лица, имеющие возможность отдавать распоряжения? После ряда заседаний, на собрании комиссии 3

октября он был решён следующим образом: сторонников подчинения генерал-инспекторов военному министру Газенкампфу и великому князю Сергею Михайловичу удалось склонить к договорённости, что генерал-инспекторы остаются подчинёнными только императору (и только напрямую ему), но за ними признаётся только функция контролёров, а также выводится из их управления и инспектирования хозяйственная часть, остающаяся у военного министра [\[11, лл. 39 - 43\]](#). Однако, это только запутывало области полномочий генерал-инспекторов и министра. Когда встал вопрос о том, как осуществлять управление деятельностью офицерских школ и академий, оказывалось, что по каждому роду оружия у каждого из этих учебных учреждений два высших начальника – генерал-инспектор и военный министр. Большинство комиссии поначалу настаивала на оставлении офицерских кол и академий полностью в заведовании военным министерством [\[11, лл. 18 - 19\]](#). И здесь сработал прецедент первых мероприятий по реорганизации военного управления в 1905 году, к которому стал апеллировать Сергей Михайлович, говоря, что раз Николаевская академия Генерального штаба подотчётна начальнику Генерального штаба Ф.Ф. Палицыну, не подчиняющегося военному министру, то почему находящиеся в таком же как и он служебном положении генерал-инспекторы не могут претендовать на передачу в их ведение соответствующих офицерских школ и т.п. [\[11, л. 20\]](#)? Его мысль стал развивать А.А. Гулевич, начальник канцелярии СГО и тоже член комиссии, предлагая «компромиссный вариант» подчинение школ начальнику гвардии и Петербургским военному округом, т.е. тому же председателю СГО Николаю Николаевичу-младшему [\[11, л. 40\]](#). Как видно из анализа хода дискуссий в комиссиях и совещаниях подобного рода, определяющая роль в их работе и конечных решениях, принадлежит их руководителю. М.А. Газенкампфу опять удалось протолкнуть идею Сергея Михайловича [\[11, л. 60\]](#), что и показал итоговый результат голосования членов комиссии.

Как известно, особое указание об обязанности уведомлять военного министра о своих командировках с целью инспектирования войск А.Ф. Редигер давал А.Е. Эверту, принимавшему участие в работе комиссии. А.Е. Эверт в целом стремился отстаивать в комиссии ведомственные интересы министерства. Он говорил о важности соблюдения в армии принципа единонаучалия, которое может быть достигнуто только при централизованном военном министерстве [\[11, лл. 14 обр. и 15\]](#), а также о том, что надо хотя бы обязать генерал-инспекторов в начале испрашивать разрешения у министра на свои командировки [\[11, л. 26\]](#). Это предложение вызвало много возражений. Генерал Ф.В. Дубасов усомнился в том, не будет ли это умалять генерал-инспекторов [\[11, л. 26 обр.\]](#), а М.А. Газенкампф указывал ненужность специальной регламентации этих действий, так как это «само собой разумеющееся» [\[11, л. 27\]](#).

Свою работу комиссия завершила ко 2 ноября 1907 года и теперь направляла свои наработки в СГО, где дело затягивалось ещё на два месяца.

В конце 1907 года в Совете Государственной обороны состоялось 4 заседания, где рассматривалось и обсуждалось «Положение о генерал-инспекторах»: 28 ноября, 3, 5 и 17 декабря. Голосование по высказанным принципиальным соображениям показало раскол в Совете, который Николай Николаевич собственными усилиями как председатель стал преодолевать. На голосование членов СГО был вынесен вопрос об автономии генерал-инспекторов и за подчинение их министру. Начальник главного штаба генерал А.Е. Эверт, генерал-инспектор кавалерии В.М. Остроградский, помощник военного министра Поливанов, и генерал Н.И. Иванов высказались «за» такое подчинение,

объясняя это нежеланием усиливать излишнее дробление ведомства [\[12, л. 5 – 6\]](#). Николай Николаевич, а вслед за ним и М.А. Газнекампф, Зарубаев, контр-адмирал Л.А. Брусилов выступали против. Великие князья Петр Николаевич и Сергей Михайлович лишь условно выступали «за», с условием, что им как генерал-инспекторам не будут предоставляться «командные права» [\[12, л. 7 и 7 обр.\]](#). Выходя из положения, великий князь Николай Николаевич предложил рассматривать постепенно статьи положения, чтобы выяснить, какие из них можно принять при условии автономии. Именно при такой форме работы обычно достигались компромиссные варианты по законопроектам в комиссиях и совещаниях.

Первый такой вопрос формулировался следующим образом: «Какую должность в «иерархическо-военном» отношении следует считать выше: командующего в военном округе или генерал-инспектора и кто из них должен иметь старшинство на смотрах в строю?» [\[12, л. 8\]](#) Итоговый результат голосования это показал: 6 членов СГО считали необходимым не возвышать генерал-инспекторов над командующими, 5 – за равенство, 3 – за возвышение генерал-инспекторов [\[12, л. 9 обр.\]](#).

Другой, не менее принципиальный вопрос затрагивал напрямую интересы и зону ответственности военного министра. Он был поставлен председателем СГО на первом же заседании следующим образом: «Является ли необходимым составление генерал-инспекторами на каждый год вперёд общих планов объездов для осмотра войск генерал-инспекторами и необходимо ли предварительное по сему соглашение с военным министром?» [\[12, л. 14\]](#)

Интересно, что в стороне почти от всех прений, проходивших в СГО, держался начальник ГУГШ Ф.Ф. Палицын. Лишь под конец он выразил своё «особое мнение», которое было помещено отдельно в конец журнала заседаний и представлено императору. Во многом его позиция солидаризировалась с взглядами военного министра. Например, Ф.Ф. Палицын отмечал, что генерал-инспекторы с его точки зрения никого не учат, ничего не совершенствуют. Это лишь «почётные доверенные Особы Монарха». Поэтому, рассуждал начальник Главного управления Генерального штаба, им не нужны ни управления, ни чины при них, ни, собственно говоря, положения, «ибо они могут исполнять только положения и указания императора» [\[12, л. 65\]](#). Именно такие замечания Ф.Ф. Палицын делал не случайно. Чрезмерное усиление полномочий генерал-инспекторов в округах могло создавать ситуации, когда предписания таких инспекторов, обладающих реальными командными функциями в войсках, могли идти в разрез с директивами, спускаемых по штабной иерархии вниз его ведомством. Ф.Ф. Палицын этого не мог не сознавать.

Допуская рассмотрение ситуации, когда генерал-инспекторы выступают не как отдельные лица с особыми поручениями при монархе, а как полноценные инстанции военного управления со своими штатами сотрудников, Ф.Ф. Палицын неслучайно настаивал, что при таком варианте они непременно должны быть подчинены военному министру [\[12, л. 65 обр.\]](#).

Добившись в своё время выделения «своего» органа военного управления из-под опеки военного министра, впредь нежелательно было допускать появления новых подобных субъектов, способных претендовать в последующем на отъём управлческих полномочий у самого Генерального штаба. С одним военным министром согласовывать решения легче, чем с несколькими субъектами военной власти.

По итогу рассмотрений каждой из статей получалось, что большинство из них, которые давали те или иные полномочия, пришлось исключить, чтобы не создавать двоевластия. При этом сокращалась роль генерал-инспекторов, так как они в периоды отсутствия инспекций «обрекались на полную бездеятельность» [\[8, с. 192\]](#). Во многом это определило результаты четвёртого заседания, когда закончили рассмотрение всех статей и опять был поставлен принципиальный вопрос: подчинять ли генерал-инспекторов министру или нет? Большая часть Совета единогласно высказались за подчинение; против этого голосовали лишь председатель и три или четыре «послушных ему члена». Для примирения мнений А.Ф. Редигер вновь предложил приравнять их к командующим войсками, и это предложение было принято [\[12, лл. 43 - 45\]](#). Военный министр рассматривал итоги заседаний СГО по вопросу о генерал-инспекторах как часть своей победы, говоря по этому поводу, что «новое дробление власти в военном ведомстве удалось предупредить» [\[8, с. 192\]](#).

31 декабря 1907 года Председатель СГО «Всеподданнейше представил» журнал Совета по вопросу «Положения о генерал-инспекторах», а уже 6 января 1908 года император утвердил мнение большинства [\[12, л. 1 и 1 обр.\]](#).

Таким образом, работая над оттачиванием формулировок статей, которые, при этом, оставались чаще всего нечёткими в определении границ полномочий генерал-инспекторов, комиссия при СГО не устранила принципиальных дискуссионных для высших военных кругов империи проблемы двойственного характера постов генерал-инспекторов. С одной стороны они приравнивались по своему статусу к командующим округами (а не министров), с другой напрямую подчинялись императору (как министр), их волевые решения могли идти полностью в обход военного министра в отличие от инициатив тех же окружных командующих. Они инспектировали учреждения военного образования по своим родам оружия, но не отвечали за хозяйственную их часть. Учреждаемые должности наделялись достаточно большими полномочиями, но при этом с точки зрения формулировок статей не обязывали реально лиц, их занимавших, к той же степени ответственности, какая возлагалась на тех же министров и прочих бюрократов из верхушки служебной лестницы Российской империи.

Всё это никак не могло устроить военного министра, а также ряд других военных управленцев, не желавших сдавать свои позиции великим князьям, продолжавшим усиливать своё присутствие в армии через должности, генерал-инспекторов. Поэтому при завершении работы комиссии дискуссия продолжилась уже на более высоком уровне – в Совете Государственной обороны. Анализ дискуссий на этом уровне показывает, что через это «Положение...», инициатором и разработчиком которого выступил один из членов императорской семьи (великий князь Сергей Михайлович), августейшие особы видели упрочение своих позиций в армии, так как половину должностей генерал-инспекторов занимали великие князья (артиллерии и инженерной части). Ведь подписью самого императора закреплялся, таким образом, их определенный статус, при котором генерал-инспекторы немного немало законодательно возвышались в армейской иерархии примерно на уровне между военным министром (если не на один с ним) и командующими округами. В то же время, результаты ноябрьских и декабрьских заседаний 1907 г. в Совете Государственной обороны показали, что военному министру удалось минимизировать в сравнении с изначальным проектом автономность генерал-инспекторов, последовательно отстаивая свои должностные интересы [\[12, лл. 4 - 8\]](#).

Резюмируя, заметим, что кропотливая работа канцелярий, комиссий, совещаний

военного ведомства как и в прежние времена оставалась основой генезиса армейских реформ в недрах высшего военного управления Российской империи. В то же время менялся порядок, организовывавший работу этих мелких звеньев, а вместе с ним и принципы, по которым должна была работать бюрократия в условиях изменившейся системы. С децентрализации военного министерства в 1905 г. и момента сосредоточения всех важных дел военной политики в Совете Государственной обороны от разных групп высшей военной бюрократии требовалось еще больше гибкости и изворотливости во взаимодействии друг с другом. Анализ работы высшего военного начальства над «Положением о генерал-инспекторах» это хорошо показывает.

Библиография

1. Кузин В.В. Совет государственной обороны в России (1905–1909 гг.). М.: [б. и.], 1950. – 199 с.
2. Ростунов И.И. Русский фронт Первой мировой войны. М.: Наука, 1976. – 387 с.
3. Бескровный Л.Г. Армия и флот России в начале XX в. Очерки военно-экономического потенциала. М.: Наука, 1986. – 238 с.
4. Бодриченко И.А. Эволюция стрелкового дела в русской армии: вторая половина XIX – начало XX вв.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. – М.: [б. и.], 2007. – 236 с.
5. Пирогов Д.В. Вопросы подготовки русской армии к войне в военной периодике 1905–1914 гг. [Текст]: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02: защищена 23.05.17: утв. 19.06.17. – 282 с.
6. Менninger Б. У. Пуля и штык. Армия Российской империи, 1861–1914. М.: Модест Королев, 2015. – 424 с.
7. РГВИА. Ф. 830. Оп. 1. Д. 3.
8. Редигер А.Ф. История моей жизни. Воспоминания военного министра. В двух томах / Под общей редакцией И. О. Гаркуши и В. А. Золотарева; подготовка текста, вступительная статья, примечания и указатель имен – Л. Я. Саэт, Н. В. Ильина. М.: Канон-пресс; Кучково поле, 1999. – 1056 с.
9. РГВИА. Ф. 830. Оп. 1. Д. 109.
10. РГВИА. Ф. 830. Оп. 1. Д. 3.
11. РГВИА. Ф. 830. Оп. 1. Д. 61.
12. РГВИА. Ф. 830. Оп. 1. Д. 131.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Рецензируемый текст «Генерал-инспекторы пехоты, кавалерии и инженерной части в русской армии и проблема границ их полномочий в системе высшего военного управления России в начале XX века» посвящен рассмотрению конкретного аспекта военных преобразований в Российской империи после неудачной русско-японской войны 1904–1905 гг., а именно – созданию и (в меньшей степени) функционированию института генерал-инспектора родов войск. Автор указывает на слабую разработанность данной темы в исторической литературе, как отечественной, так и зарубежной, таким образом данная работа является новаторской попыткой выделения проблемы генерал-инспекторов в русской армии начала XX в. в отдельный предмет исследования. Следует при этом отметить, что собственно в тексте проблема рассматривается несколько уже, чем заявлено в заглавии; временными рамками исследования являются 1907–1908 гг. (так у автора, в тексте ограничено декабрем 1907 г.), в центре внимания автора –

разработка нормативного документа, который бы определял статус и полномочия генерал-инспекторов, т.е. «Положения о генерал-инспекторах». В заключении автор определяет этот сюжет как «работа высшего военного начальства над «Положением о генерал-инспекторах», при том что даже и этот сюжет не доведен до конца, то есть до окончательных решений о месте генерал-инспекторов в ГУ ГШ. Автор подробно останавливается на позициях и аргументах участников совещания по разработке «Положения...», указывает на вовлеченность в дискуссию Императора и Великих князей, определяет главную проблему внедрения института генералов-инспекторов как вывод их из подчиненности военному министру и нарушение таким образом целостной системы военного управления. Однако работе не хватает логического завершения даже в рамках сюжета «работа высшего военного начальства над «Положением о генерал-инспекторах» т.к. автор по сути резюмирует «Свою работу комиссия завершила ко 2 ноября 1907 года и теперь направляла свои наработки в СГО, где дело затягивалось ещё на два месяца». Работе СГО посвящен один абзац, на этом содержательная часть работы заканчивается. Итоговые выводы автора в принципе соответствуют тексту работы: « кропотливая работа канцелярий, комиссий, совещаний военного ведомства ... оставалась основой генезиса армейских реформ в недрах высшего военного управления Российской империи. ... от разных групп высшей военной бюрократии требовалось ещё больше гибкости и изворотливости во взаимодействии друг с другом». При этом повторим, что исходное заглавие текста «Генерал-инспекторы пехоты, кавалерии и инженерной части в русской армии и проблема границ их полномочий в системе высшего военного управления России в начале XX века» подразумевает более широкую трактовку темы исследования, рассмотрение не только разработки (незавершенное) нормативного документа и обозначение проблемы, но и указание на способ и степень решения заявленной проблемы, т.е. анализ результатов деятельности описанной комиссии/ СГО. В данном своем состоянии текст также может быть опубликован, но с уточненным заглавием («работа высшего военного начальства над «Положением о генерал-инспекторах» в 1907-1908 гг.» или «дискуссия о «Положении о генерал-инспекторах» и т.д.) и с доведением временной границы исследования до логического конца. Работа основана на мемуарной литературе и архивных материалах, может представлять значительный интерес.

Результаты процедуры повторного рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Всем памятны слова Александра III о том, что единственные союзники России — это ее армия и флот. И действительно, тысячелетняя история нашей страны насыщена героическими и не менее драматическими событиями на полях сражений. Куликово поле, Бородино, Сталинград — эти места стали действительно местом воинской славы, формирующими коллективную память и в наши дни. Однако армия немыслима без управления, в связи с чем каждая военная реформа вносит коррективы и в систему управления.

Указанные обстоятельства определяют актуальность представленной на рецензирование статьи, предметом которой является работа высшего военного начальства над «Положением о генерал-инспекторах» в 1907-1908 гг. Автор ставит своими задачами раскрыть историографию высшего военного начальства над «Положением о генерал-инспекторах» в 1907-1908 гг., проанализировать значимость генерал-инспекторов пехоты, кавалерии, артиллерии и инженерной части после 1905 г., рассмотреть работу с

«Положением о генерал-инспекторах».

Работа основана на принципах анализа и синтеза, достоверности, объективности, методологической базой исследования выступает системный подход, в основе которого находится рассмотрение объекта как целостного комплекса взаимосвязанных элементов. Научная новизна статьи заключается в самой постановке темы: автор на основе различных источников стремится охарактеризовать работу высшего военного начальства над «Положением о генерал-инспекторах» в 1907-1908 гг. Научная новизна определяется также привлечением архивных материалов.

Рассматривая библиографический список статьи как позитивный момент следует отметить его разносторонность: всего список литературы включает в себя 12 различных источников и исследований. Из привлекаемых автором источником укажем на документы из фондов Российского государственного военно-исторического архива, а также воспоминания А.Ф. Редигера. Из используемых исследований отметим работы В.В. Кузина, И.А. Бодриченко, Л.Г. Бескровного, в центре внимания которых находятся различные аспекты изучения армии и флота в России в начале XX в. Заметим, что библиография статьи обладает важностью как с научной, так и с просветительской точки зрения: после прочтения текста статьи читатели могут обратиться к другим материалам по ее теме. В целом, на наш взгляд, комплексное использование различных источников и исследований способствовало решению стоящих перед автором задач.

Стиль написания статьи можно отнести к научному, вместе с тем доступному для понимания не только специалистам, но и широкой читательской аудитории, всем, кто интересуется как русской армией, в целом, так и ее управлением, в частности. Апелляция к оппонентам представлена на уровне собранной информации, полученной автором в ходе работы над темой статьи.

Структура работы отличается определенной логичностью и последовательностью, в ней можно выделить введение, основную часть, заключение. В начале автор определяет актуальность темы, показывает, что «серии реформ в военном управлении, стартовавших на исходе русско-японской войны в 1905 г. и направленных на децентрализацию этого управления, значимость генерал-инспекторов пехоты, кавалерии, артиллерии и инженерной части резко вырастала». В рецензируемой статье отмечается, что в рассматриваемый период «кропотливая работа канцелярий, комиссий, совещаний военного ведомства как и в прежние времена оставалась основой генезиса армейских реформ в недрах высшего военного управления Российской империи». На различных примерах автор показывает, что «в то же время менялся порядок, организовывавший работу этих мелких звеньев, а вместе с ним и принципы, по которым должна была работать бюрократия в условиях изменившейся системы». Вызывает интерес то, что через «Положение...», инициатором и разработчиком которого выступил один из членов императорской семьи (великий князь Сергей Михайлович), августейшие особы видели упрочение своих позиций в армии, так как половину должностей генерал-инспекторов занимали великие князья (артиллерию и инженерной части)».

Главным выводом статьи является то, что «с децентрализации военного министерства в 1905 г. и момента сосредоточения всех важных дел военной политики в Совете Государственной обороны от разных групп высшей военной бюрократии требовалось еще больше гибкости и изворотливости во взаимодействии друг с другом».

Представленная на рецензирование статья посвящена актуальной теме, вызовет читательский интерес, а ее материалы могут быть использованы как в курсах лекций по истории России, так и в различных спецкурсах.

В целом, на наш взгляд, статья может быть рекомендована для публикации в журнале «Genesis: исторические исследования».

Genesis: исторические исследования

Правильная ссылка на статью:

Дубень А.К. Никос Пуланзас как теоретик права и основоположник структуралистского марксизма // Genesis: исторические исследования. 2025. № 4. DOI: 10.25136/2409-868X.2025.4.73942 EDN: EEPDMV URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=73942

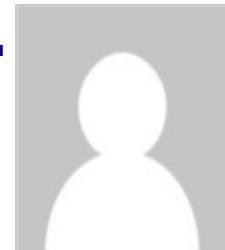
Никос Пуланзас как теоретик права и основоположник структуралистского марксизма

Дубень Андрей Кириллович

Научный сотрудник; Институт государства и права Российской академии наук

119019, Россия, г. Москва, ул. Знаменка, 10

✉ k.duben@mail.ru

[Статья из рубрики "История права и государства"](#)

DOI:

10.25136/2409-868X.2025.4.73942

EDN:

EEPDMV

Дата направления статьи в редакцию:

02-04-2025

Аннотация: В статье дается анализ творчества известного социолога и политолога Никоса Пуланзаса, который придерживался леворадикальных взглядов и стремился по-новому показать теорию марксизма идеями политической социологии. Анализируются основные работы автора, в центре основные проблемы которые затрагивал ученый: политический режим, кризис государства, переход к новым политическим режимам, правовое регулирование государства. С методологической точки зрения в статье обосновывается новый подход к современной историографии и ее роли в истории политических и правовых учений. Анализируя научное наследие Никоса Пуланзаса автор делает вывод, что ученый в своих трудах выделяет принадлежность классов, а также роль государства в правовом регулировании отношений и взаимодействия между различными классами, в этой связи независимость государства во многом определяется благодаря содержанию и интенсивности политической борьбы внутри данного государства. Методологической основой исследования стала система современных общенаучных и частноправовых методов, с использованием следующих общенаучных методов: анализа и синтеза, абстрагирования и моделирования, наблюдения,

обобщения, описания, классификации и др. Наряду с методологическими аспектами новизна исследования заключается также в уточнении некоторых базовых положений правовых представлений о государстве и праве Никоса Пуланзаса и его значимости в современных исследованиях в области философии, теории и истории государства и права. Политическая и правовая мысль Никоса Пуланзаса представляет собой отход от классического марксизма и социализма. Ученый особое внимание обращает внимание на: политический режим, его изменение; политический кризис и его последствия; закон и его свойства. В отечественной науке философии права, теории и истории государства и права ученые не раз обращались к трудам Никоса Пуланзаса, однако в полной мере учения автора не исследовались, а упоминались лишь в отдельных темах социализма и марксизма.

Ключевые слова:

история политических учений, история правовых учений, философия права, социология, политология, историография, новая модель, концепция права, Никос Пуланзас, марксизм

История политических и правовых учений является одним из фундаментальных направлений в изучении теории государства и права, которое направлено на выявление и определение основных закономерностей развития общества и государства, в целом. Стоит отметить, что изучение отдельных теоретических положений и концепций ученых дает представление о содержании, видах, характере и направлениях развития теоретического наследия ученого в познании государства и права, тем самым изучение научных работ позволяет предложить рекомендации к отдельным теоретическим и практическим положениям, усовершенствованию правовых норм, принципов и концепций, которые способствовали развитию правового государства и стали основой для государственного строительства.

С методологической точки зрения в статье обосновывается новый подход к современной историографии и ее роли в истории политических и правовых учений. Анализируя научное наследие Никоса Пуланзаса автор делает вывод, что ученый в своих трудах выделяет принадлежность классов, а также роль государства в правовом регулировании отношений и взаимодействия между различными классами, в этой связи независимость государства во многом определяется благодаря содержанию и интенсивности политической борьбы внутри данного государства. Методологической основой исследования стала система современных общенаучных и частноправовых методов, с использованием следующих общенаучных методов: анализа и синтеза, абстрагирования и моделирования, наблюдения, обобщения, описания, классификации и др. Несомненно, вопросы истории политических и правовых учений занимают особое место в теории и философии права, ученые не раз дискутировали о ее месте и роли. В этой связи корифей философии права В.С. Нерсесянц отмечал, что для понимания истории политических и правовых учений с точки зрения возможности объективного и полного, достоверного, действительно научного и ее освещения и рассмотрения важнейшую роль играет историография [\[11\]](#). Как справедливо отмечает В.С. Горбань, у истории политической и правовой мысли как научной юридической дисциплины должна быть сформулирована и определена историографическая модель, которая по существу должна приобретать всеобщую модель историографии современных политico-правовых знаний и включать в себя определенные особенности того или иного взгляда. В этой

связи изучение отдельных теоретических положений ученых-философов формирует основу отечественной истории политической и правовой мысли [\[2, с. 9\]](#).

Рассматривая современное положение истории политических и правовых учений, стоит обратить внимание на внешнеполитические процессы, которые определяют дальнейшее развитие правовых явлений. Академик РАН А.О. Чубарьян в своих работах особо акцентировал внимание на том, что история представляет собой в международной и отечественной историографии как достаточно сложный и независимый процесс в виде взаимодействия центростремительных и центробежных сил, которые формируют и определяют интеграционные тенденции, национальные идеи и интересы [\[3, с. 9\]](#). Член-корреспондент РАН А.Н. Савенков считает, что современный этап общественного развития актуализировал традиционные проблемы не только русской, но и вообще общемировой философии права, речь идет о поиске идеологических основ современного общества, роли человека в современном мире, ценностных основаниях существования и сосуществования народов и государств, справедливых началах мироустройства и т.д. [\[4, с. 322\]](#).

Таким образом, актуальность и значимость данной темы в философии права обусловлено тем, что историографические исследования, как отдельный вид исследования позволяют ученым отразить полное и целостное ориентирование, связь достигнутых уровней знаний, выдвинутых гипотез и обоснованных концепций с предшествующим развитием научного знания, что служит важнейшим критерием понимания преемственности и новизны, демонстрирующий основы политico-правовой культуры путем формирования фундамента для поиска ответов на философско-правовые и социально-практические вопросы существования человечества, общества и государства. Изучение истории политических и правовых учений позволяет закрепить в доктринальных и нормативных актах ряд важнейших ценностных установок и ориентиров, которые во многом определяют новое качество концепции правового государства.

На сегодняшний день, историография политico-правовой сферы жизни общества является важным и ключевым направлением политico-правовых наук и дисциплин в целом, поскольку историографии долгое количество лет, как правовой дисциплине придавалось вспомогательное значение, ориентированное на работу с источниками, освещением саморефлексии науки, освещением возникновения и смены идей, теорий и течений, определявших соответствующие формы социальной практики, то сегодня она выполняет совершенно иную функцию [\[5\]](#).

Историография политico-правовой мысли имеет важное значение при определении факторов, оснований и условий, поскольку изложения истории политico-правовой мысли должны сочетаться с идеей типов развития. В узких горизонтах французской юридической мысли до сих пор не имеется исследований теоретического наследия видного ученого, философа, политолога, марксистского социолога Никоса Пуланзаса.

Никос Пуланзас (1936-1979) – социолог и политолог, который придерживался леворадикальных взглядов и стремился по-новому показать теорию марксизма идеями политической социологии.

Как справедливо отмечается учеными Никос Пуланзас в своих работах не раз обращался к теме власти и ее основным направлениям, тем самым актуальность выбранной темы обусловлено тем, что Тема власти, сохранившая все ее основные проблемные сюжеты со времен Платона и Аристотеля (формы власти и их классификации, доступ к власти и

функции правящих лиц и т.п.), пройдя через средневековые трактовки разделения светской и духовной власти и оппозиции власти и народа, развилась в период новейшего времени в универсалистские концепции власти как общественной сущности в работах Никоса Пуланзаса и в постклассическую идею власти как всеобщего общественного начала как общественное отношение [\[6\]](#).

Рассматривая политические учения Никоса Пуланзаса, следует обратить внимание на его биографию, которая определяет его научное наследие, позиции и теорию, представляющая собой серьезный отход от классического марксизма и социализма. Важен тот факт, что Никос изучал основы юриспруденции в Греции, в Афинском университете, после обучения переехал во Францию, где защитил докторскую диссертацию по философии права. Ученый Никос Пуланзас был политическим деятелем и партийным работником Единой демократической левой партии, данная партия была запрещенной в Греции. Во Франции Никос Пуланзас занимался научной деятельностью и при написании докторской диссертации глубоко изучал идеи экзистенциального марксизма философов и представителей атеистического экзистенциализма Жана-Поля Сартра и Симоны де Бовуар [\[7, с. 61\]](#).

Известный ученый философ, политолог и социолог начал научную деятельность со студенческого периода, за участие в молодежном социалистическом движении Никос Пуланзас был репрессирован, в 1968 году опубликовал одну из первых публикаций «Политическая власть и социальные классы капиталистического государства», которая принесла в последствии известность и популярность среди коллег философов и политологов. Стоит обратить внимание, что в своих трудах Никос начал критиковать тоталитарную форму правления на Ближнем Востоке и авторитарный этатизм в Западной Европе. Таким образом, Никос Пуланзас в своих трудах обращается к проблемам марксизма и социализма, разработал проблематику классов и классовой борьбы среди граждан одного государства, таким образом, ученый философ отходит от ортодоксального марксизма и постепенно придерживается к эволюции левого еврокоммунизма. Научное наследие Никоса Пуланзаса посвящено обновлению и переосмыслению теоретических и философско-правовых идей левого движения, поиску демократического пути к социализму. Одним из последних позиций автора, ставшее его завещанием стали слова: «Или социализм будет демократическим, или его не будет совсем» [\[8, с. 75\]](#).

В своих научных трудах Никос Пуланзас внес значительный вклад в теоретические положения марксизма, он исследовал теорию классов, критикуя ранее классические концепции «класс сам по себе». Автор отмечал, что социальные классы не существуют без внутреннего классового конфликта. В работе «Социальные классы при современном капитализме» (1974) ученый Никос Пуланзас обратился к политическому значению глобализирующегося капитала, который поспособствовал появлению новой малой буржуазии. Кроме того, в работе «Государство, власть, социализм» (1978) автор критиковал концепцию марксизма и структурализма, Никос Пуланзас утверждал, что государство является социальным, в котором складываются классовые отношения, тем самым автономия и независимость государства является функцией классовой борьбы, так как государство находится в центре классовой борьбы, при этом ни один класс не имеет полной власти над государством, но последнее должно отстаивать интересы правящего класса. Таким образом, Никос Пуланзас выделяет принадлежность классов, а также роль государства в правовом регулировании отношений и его взаимодействие между различными классами, в этой связи независимость государства определяется благодаря содержанию и интенсивности политической борьбы внутри данного

государства [\[9\]](#).

Научное наследие Никоса Пуланзаса посвящено государственному устройству и его форме правления, так автор выделяет следующие направления развития государства, во-первых, наличие репрессивного элемента в праве, указывая на то, что закон государства имеет свойство организованного публичного насилия, во-вторых, функций права является воспроизведение субъектов права посредством представления их союза как народа-нации. Кроме того, Пуланзас рассматривал закон не как инструмент правящего класса, а как метод организации гегемонии в государстве, тем самым ученый рассматривал нормативные акты как сгущение силовых соотношений.

Ученый философ и политолог Никос Пуланзас в своих научных работах не раз акцентировал внимание на том, что роль государства заключается в представлении и организации долгосрочных политических интересов этого силового блока. Таким образом, перед государством стояла задача обеспечения общего единства социальной формации путем создания баланса компромисса между классами. Следовательно, данные политические и государственные процессы повлияли на дезорганизацию низших классов, т.е. данному классу помешало создавать политические организации, способные преодолеть индивидуализацию, возникающую в результате процесса производства [\[10\]](#).

Анализируя основные взгляды философа, политолога и социолога Пуланзаса стоит отметить, что ученый обращался к теме установление авторитаризма в государстве, считая данный политический и государственный строй как промежуточную fazu на путь к тоталитаризму. В частности, ученый исследуя данные процессы уточнял, что: «Для желающих более приятного термина я называю эту форму авторитарный статизм» [\[11, с. 203\]](#). Таким образом, по мнению ученого, данный политический режим имеет следующие свойства: государственный контроль во всех сферах общественной жизни, уничтожение и прекращение институтов представительной демократии, ущемление политических прав и свобод и т.д. Кроме того, для данного режима характерно то, что демократия в государстве приобретает олигархическую форму, которая не контролируется другими классами внутри государства, против которой данные классы боролась. По мнению ряда ученых, политико-правовые мысли Пуланзаса в тот период связаны с его кризисным состоянием [\[12, с. 150\]](#). Считаем, что политические и правовые учения Никоса Пуланзаса во многом определены тем, что в период написания научных работ существовал процесс трансформации права, изменение парадигмы развития миропорядка и доминантов политических элит, в этой связи ученый считал, что политический режим в виде авторитарного статизма является следствием экономического и социального кризиса при котором возникает миф о государстве всеобщего благоденствия. Тем не менее, по мнению Никоса Пуланзаса, политический кризис не редуцируется к экономическому, как и кризис государства к кризису политическому [\[13, с. 206\]](#). Стоит согласиться с позицией ученого о рассматриваемых политических процессах, поскольку политический кризис рассматривается как переходный процесс в социально-политических процессах государства, при этом кризис и новый переход к государственному режиму возникает вследствие значимых изменений. Вследствие чего степень организованности государственных систем снижается и вероятность возращения к прежнему стабильному состоянию невелика. Таким образом, анализируя основные работы Никоса Пуланзаса, ученый делал вывод, что государство выступает в качестве инициатора социальных отношений, в котором доминируют одни классы над другими [\[14, с. 36\]](#).

Ключевые идеи Никоса Пуланзаса отражены в ряде его работ: «Политическая власть и

социальные классы капиталистического государства», «Проблема капиталистического государства», «Марксизм и кризис общества», «Кризис диктатур», «Классы в современном капитализме», «Политическая власть и социальные классы», «Государство, власть и социализм», «Политическая власть и социальные классы капиталистического государства» и ряда других работ.

Таким образом, политическая и правовая мысль Никоса Пуланзаса представляет собой отход от классического марксизма и социализма, отдельное внимание обращено на: политический режим и его изменение; политический кризис и его последствия; закон и его свойства. В отечественной науке философии права, теории и истории государства и права ученые не раз обращались к трудам Никоса Пуланзаса, в полной мере учения автора не исследовались, а упоминались лишь в отдельных темах научного исследования социализма и марксизма. Таким образом, история политических и правовых учений способствует исследованию отдельных положений о государстве и праве, тем самым формируются основные выводы по развитию отдельных положений институтов государства и общества в целом.

Библиография

1. История политических и правовых учений. Древний мир / отв. ред. В.С. Нерсесянц. М.: Наука, 1985. С. 27-71.
2. Горбань В.С. Историографические модели реконструкции политических и правовых учений // Государство и право. 2024. № 11. С. 7-22. DOI: 10.31857/S1026945224110017. EDN: XVTNOZ.
3. Всемирная история: в 6 т. / гл. ред. А.О. Чубарьян. Т. 1: Древний мир / отв. ред. В.А. Головина, В.И. Уколова. М.: Наука, 2011. 822 с.
4. Савенков А.Н. Философия права и становление российского государства-цивилизации: монография. М.: Наука, 2024. 739 с. EDN: MXWSKU.
5. Горбань В.С. Историографические исследования политico-правовой мысли // Труды Института государства и права Российской академии наук. 2024. Т. 19. № 4. С. 11-39. DOI: 10.35427/2073-4522-2024-19-4-gorban. EDN: PNGOXZ.
6. Нарыкова С.П. Власть как объект теоретико-правового исследования // Общество и право. 2011. № 5. С. 27-31. EDN: PBHJBB.
7. Hall S. Nicos Poulantzas: State, Power, Socialism. New Left Review. 1980. 268 р.
8. Кокорина Л.Б., Рубина О.И. Политико-правовое учение Никоса Пуланзаса // Проблемы правопонимания в теоретико-правовой и историко-правовой мысли: материалы межвузовской студенческой научно-теоретической конференции, Минск, 18 апреля 2007 г. / Министерство образования РБ; Белорусский государственный экономический университет; [редкол.: И.В. Вишневская (отв. ред.) и др.]. Минск: БГЭУ, 2007. С. 75-76.
9. Poulantzas N. The Problem of the Capitalist State. New Left Review. № 58. // New Left Review. URL: <https://newleftreview.org/issues/i58/articles/nicos-poulantzas-the-problem-of-the-capitalist-state> (дата обращения: 24.03.2025).
10. Bukel S. Poulantzas and the Juridical Constitution of the Subject. // Verso. URL: <https://www.versobooks.com/en-gb/blogs/news/3473-poulantzas-and-the-juridical-constitution-of-the-subject?srsltid=AfmBOore3wy7XCiiPFJnA3sHKLdamQhBCcxJ6paYVpvZH8A69ahaaz2> (дата обращения: 24.03.2025).
11. Poulantzas N. State, Power, Socialism. N.-Y.: New Left Books, 1978. 268 р.
12. Шихардин Н.В. Феномен этатизации в социально-философских концепциях А. Лефьера и Н. Пуланзаса // Ценности и нормы в потоке времени: материалы VI Международной научной конференции, Курган, 09-10 апреля 2015 года / Б.С. Шалютин (отв. редактор). Курган: Курганский государственный университет, 2015. С. 149-151. EDN: VDYAHT.

13. Poulantzas N. State, Power, Socialism. N.-Y.: New Left Books, 1978. 268 р.
14. Матвеев И.А. Государство как независимая переменная: "организационный реализм" в исторической социологии и российский случай // Неприкосновенный запас. Дебаты о политике и культуре. 2018. № 2 (118). С. 34-50. EDN: XODFKP.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Предметом исследования в представленной на рецензирование статье являются, как это следует из ее наименования, взгляды Никоса Пуланзаса как теоретика права и основоположника структуралистского марксизма. Заявленные границы исследования соблюдены ученым.

Методология исследования в тексте статьи не раскрывается.

Актуальность избранной автором темы исследования несомненна и обосновывается им следующим образом: "Таким образом, актуальность и значимость данной темы в философии права обусловлено тем, что историографические исследования, как отдельный вид исследования, позволяют ученым отразить полное и целостное ориентирование, связь достигнутых уровней знаний, выдвинутых гипотез и обоснованных концепций с предшествующим развитием научного знания, что служит важнейшим критерием понимания преемственности и новизны, который демонстрирует основы политico-правовой культуры посредством формирования фундамента для поиска ответов на философско-правовые и социально-практические вопросы существования человечества, общества и государства. Вместе с тем, изучение истории политических и правовых учений позволяет закрепить в доктринальных и нормативных актах ряд важнейших ценностных установок и ориентиров, которые во многом определяют новое качество концепции правового государства"; "Как справедливо отмечается учеными Никос Пуланзас в своих работах не раз обращался к теме власти и ее основным направлениям, тем самым актуальность выбранной темы обусловлено тем, что Тема власти, сохранившая все ее основные проблемные сюжеты со времен Платона и Аристотеля (формы власти и их классификации, доступ к власти и функции правящих лиц и т.п.), пройдя через средневековые трактовки разделения светской и духовной власти и оппозиции власти и народа, развилась в период новейшего времени в универсалистские концепции власти как общественной сущности в работах Никоса Пуланзаса и в постклассическую идею власти как всеобщего общественного начала как общественное отношение [6]". Ученый раскрывает степень изученности поднимаемых в статье проблем: "В узких горизонтах французской юридической мысли до сих пор не имеется исследований теоретического наследия видного ученого, философа, политолога, марксистского социолога Никоса Пуланзаса".

Научная новизна работы проявляется в ряде заключений автора: "Стоит обратить внимание, что в своих трудах Никос начал критиковать тоталитарную форму правления на Ближнем Востоке и авторитарный этатизм в Западной Европе. Таким образом, Никос Пуланзас в своих трудах обращается к проблемам марксизма и социализма, разрабатывая проблематику классов и классовой борьбы среди граждан одного государства, таким образом, ученый философ отходит от ортодоксального марксизма и постепенно придерживается к эволюции левого еврокоммунизма. Научное наследие Никоса Пуланзаса во многом посвящена обновлению и переосмыслению теоретических и философско-правовых идей левого движения, поиску демократического пути к социализму"; "Анализируя научное наследие Никоса Пуланзаса, посвященное

государственному устройству и его форме правления, стоит отметить, что автор выделяет следующие направления развития государства, во-первых, наличие репрессивного элемента в праве, указывая на то, что закон государства имеет свойство организованного публичного насилия, во-вторых, одна из функций права является воспроизведение субъектов права посредством представления их союза как народонации. Кроме того, Пуланцас рассматривал закон не как инструмент правящего класса, а как метод организации гегемонии в государстве и через него, не принимая, при этом юридическое самоописание государства и закона как «суверенитета», тем самым ученый рассматривал нормативные акты как сгущение силовых соотношений, материализованных в аппаратах"; "Считаем, что политические и правовые учения Никоса Пуланзаса во многом определены тем, что в период написания научных работ существовал процесс трансформации права, изменение парадигмы развития миропорядка и доминантов политических элит, в этой связи ученый считал, что политический режим в виде авторитарного статизма является следствием экономического и социального кризиса, который впоследствии возникает миф о государстве всеобщего благоденствия, при этом, вышеуказанные процессы возникают вследствие дополнительного политического кризиса при котором в государстве происходит общественно-политическая формация, обострение социально-политических противоречий, понижение управляемости экономики и протестная активность различных классов внутри государства" и др. Таким образом, статья вносит определенный вклад в развитие отечественной правовой науки и, безусловно, заслуживает внимания потенциальных читателей.

Научный стиль исследования выдержан автором в полной мере.

Структура работы логична. Во вводной части статьи ученый обосновывает актуальность избранной им темы исследования. В основной части работы автор исследует взгляды Никоса Пуланзаса как теоретика права и основоположника структуралистского марксизма. В заключительной части работы содержатся выводы по результатам проведенного исследования.

Содержание статьи соответствует ее наименованию, но не лишено многочисленных недостатков формального характера.

Так, автор пишет: "История политических и правовых учений является одним из фундаментальных направлений в изучении теории государства и права, которое направлено на выявление и определение основных закономерностей развития общества и государства, в целом" - вторая запятая является лишней.

Ученый отмечает: "Стоит отметить, что изучение отдельных теоретических положений и концепций отдельных ученых дает представление о содержании, видах, характере и направлениях развития теоретического наследия ученого в познании государства и права, тем самым изучение научных работ позволяет предложить рекомендации к отдельным теоретическим и практическим положениям, усовершенствованию правовых норм, принципов и концепций, которые способствовали развитию правового государства и стали основой для государственного строительства" - "отдельных ... отдельных" (повтор).

Автор указывает: "Как справедливо отмечает В.С. Горбань у истории политической и правовой мысли как научной юридической дисциплины должна быть сформулирована и определена историографическая модель, которая по существу должна приобретать всеобщую модель историографии современных политико-правовых знаний и включать в себя определенные особенности того или иного взгляда, в этой связи изучение отдельных теоретических положений ученых философов формируют основу отечественной истории политической и правовой мысли [2, с. 9]" - "Как справедливо отмечает В.С. Горбань, у истории политической и правовой мысли как научной

юридической дисциплины должна быть сформулирована и определена историографическая модель, которая по существу должна приобретать всеобщую модель историографии современных политico-правовых знаний и включать в себя определенные особенности того или иного взгляда. В этой связи изучение отдельных теоретических положений ученых-философов формирует основу отечественной истории политической и правовой мысли [2, с. 9]" (см. на пунктуацию и стилистику).

Таким образом, статья нуждается в тщательном вычитывании - в ней встречаются опечатки, орфографические, пунктуационные и стилистические ошибки (приведенный в рецензии перечень опечаток и ошибок не является исчерпывающим!).

Библиография исследования представлена 14 источниками (монографиями, научными статьями, учебниками), в том числе на английском языке. С формальной и фактической точек зрения этого достаточно. Автору удалось раскрыть тему исследования с необходимой полнотой и глубиной.

Апелляция к оппонентам имеется, как общая, так и частная (Н. В. Шихардин и др.), и вполне достаточна. Научная дискуссия ведется автором корректно. Положения работы аргументированы в должной степени и проиллюстрированы примерами.

Выводы по результатам проведенного исследования имеются ("Таким образом, политическая и правовая мысль Никоса Пуланзаса представляет собой отход от классического марксизма и социализма, ученый особое внимание обращает внимание на: политический режим, его изменение; политический кризис и его последствия; закон и его свойства. В отечественной науке философии права, теории и истории государства и права ученые не раз обращались к трудам Никоса Пуланзаса, однако в полной мере учения автора не исследовались, а упоминались лишь в отдельных темах социализма и марксизма. Таким образом, история политических и правовых учений способствует исследованию отдельных положений о государстве и праве, тем самым формируются основные выводы по развитию отдельных положений институтов государства и общества в целом"), обладают свойствами достоверности, обоснованности и, несомненно, заслуживают внимания научного сообщества.

Интерес читательской аудитории к представленной на рецензирование статье может быть проявлен прежде всего со стороны специалистов в сфере теории государства и права, истории политических и правовых учений, философии права при условии ее доработки: раскрытии методологии исследования и устранении многочисленных нарушений в оформлении статьи.

Результаты процедуры повторного рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Предмет исследования. В рецензируемой статье «Никос Пуланзас как теоретик права и основоположник структуралистского марксизма», относящейся к историографическим исследованиям, предметом являются труды Никоса Пуланзаса о власти и ее назначении в обществе.

Методология исследования. Методологический аппарат составили следующие диалектические приемы и способы научного познания: анализ, абстрагирование, индукция, дедукция, гипотеза, аналогия и обобщение. Отмечается применение современных научных методов, таких как исторический, формально-логический и др. Применение современных методов научного познания позволило автору сформировать собственную позицию по заявленной тематике.

Актуальность исследования. Автор правильно отмечает, что «...историографические

исследования, как отдельный вид исследования позволяют ученым отразить полное и целостное ориентирование, связь достигнутых уровней знаний, выдвинутых гипотез и обоснованных концепций с предшествующим развитием научного знания, что служит важнейшим критерием понимания преемственности и новизны, демонстрирующий основы политico-правовой культуры путем формирования фундамента для поиска ответов на философско-правовые и социально-практические вопросы существования человечества, общества и государства». Именно «изучение истории политических и правовых учений позволяет закрепить в доктринальных и нормативных актах ряд важнейших ценностных установок и ориентиров». Данные обстоятельства обуславливают важность и значимость доктринальных разработок в сфере историографии.

Научная новизна. Не подвергая сомнению важность проведенных ранее научных исследований, послуживших теоретической базой для данной работы, тем не менее, можно отметить, что в этой статье сформулированы заслуживающие внимания положения, которые указывают на важность этого исследования для науки и его практическую значимость: «...политические и правовые учения Никоса Пуланзаса во многом определены тем, что в период написания научных работ существовал процесс трансформации права, изменение парадигмы развития миропорядка и доминантов политических элит, в этой связи ученый считал, что политический режим в виде авторитарного статизма является следствием экономического и социального кризиса при котором возникает миф о государстве всеобщего благоденствия». В статье содержатся и другие положения, которые можно расценивать, как вклад в науку.

Стиль, структура, содержание. Содержание статьи соответствует ее названию. Тема раскрыта. Статья написана научным стилем, использована специальная терминология. Материал изложен последовательно, грамотно и ясно. Автором предпринята попытка структурировать статью. Так, статья состоит из введения, основной части и заключения. Введение и заключение отвечают установленным требованиям. Во введении обоснована актуальность темы исследования, определена его методология, а также указаны предполагаемые результаты исследования. В заключении сформулированы итоги исследования. В основной части представлена аргументированная позиция автора со ссылками на авторитетные мнения ведущих специалистов в данной области научных знаний. Замечаний по содержанию нет.

Библиография. Автором использовано достаточно доктринальных источников, включая ссылки на публикации последних лет. Ссылки на имеющиеся источники оформлены с соблюдением требований библиографического ГОСТа.

Апелляция к оппонентам. По спорным вопросам заявленной тематики есть обращения к оппонентам. Все заимствования оформлены ссылками на автора и источник опубликования.

Выводы, интерес читательской аудитории. Статья «Никос Пуланзас как теоретик права и основоположник структуралистского марксизма» рекомендована к опубликованию. Статья соответствует тематике журнала «Genesis: исторические исследования», написана на актуальную тему, отличается научной новизной и имеет практическую значимость. Данная статья будет представлять интерес для широкой читательской аудитории, прежде всего, специалистов в области общей теории права, философии права, истории политических и правовых учений, а также, была бы полезна для преподавателей и обучающихся юридических вузов и факультетов.

Genesis: исторические исследования

Правильная ссылка на статью:

Мосейкина М.Н., Якусик Слободюк А. Русская военная эмиграция в Парагвае и ее вклад в победу в Чакской войне (1932-1935 гг.) // Genesis: исторические исследования. 2025. № 4. DOI: 10.25136/2409-868X.2025.4.73910
EDN: FKZJYP URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=73910

Русская военная эмиграция в Парагвае и ее вклад в победу в Чакской войне (1932-1935 гг.)

Мосейкина Марина Николаевна

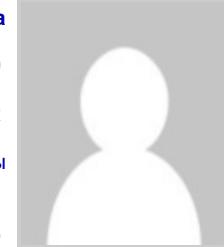
ORCID: 0000-0001-9279-4079

доктор исторических наук

профессор; факультет гуманитарных и социальных наук (ФГСН); Российский университет дружбы народов им. П. Лумумбы

117198, Россия, г. Москва, Обручевский р-н, ул. Миклухо-Маклая, д. 6

✉ moseykina-mn@rudn.ru

Якусик Слободюк Ана Люба

аспирант; факультет гуманитарных и социальных наук (ФГСН); Российский университет дружбы народов им. П. Лумумбы

117198, Россия, г. Москва, Обручевский р-н, ул. Миклухо-Маклая, д. 6

✉ 1042235118@pfur.ru

[Статья из рубрики "История права и государства"](#)

DOI:

10.25136/2409-868X.2025.4.73910

EDN:

FKZJYP

Дата направления статьи в редакцию:

01-04-2025

Аннотация: Статья посвящена истории формирования русской военной диаспоры в Парагвае в постреволюционный период и ее участию в Чакской войне 1932-1935 гг. на стороне парагвайской армии. Парагвай стал наряду с Аргентиной, Бразилией и Уругваем одним из основных направлений русской эмиграции в Южной Америке. Целью данной статьи является исследование состава русской военной эмиграции, ее адаптации в условиях новой страны проживания и применения боевого опыта в составе

парагвайской армии. Объектом исследования выступает русская военная эмиграция в Парагвае в 1920-1930-х гг. Предметом исследования являются формы участия русских боевых офицеров и военных инженеров в подготовке военных кадров национальной армии, в проведении картографических работ, личный вклад русских офицеров в победу Парагвае в Чакской войне с Боливией. Статья базируется на принципах историзма, достоверности, научной объективности и системности; в ней применялись общенаучные и специально-исторические методы, включая анализ и синтез, единство исторического и логического, сравнительно-исторический метод, проблемно-хронологический. Показано участие военной эмиграции в укреплении национальной армии Парагвая, ее вклад в победу в Чакской войне, характер взаимоотношений русских и парагвайских военных и политика сохранения исторической памяти о подвиге русских военных, вставших на защиту своей «второй родины». Раскрываются особенности формирования русской диаспоры в Парагвае, дается характеристика структуры русского военного сообщества в этой стране. Специальное внимание уделяется процессу социальной адаптации бывших военных («русос бланкос»), институциональной структуре военных организаций. Сделан вывод о вовлеченности военной эмиграции во внутреннюю жизнь страны проживания, некоторые ее представители заняли важное положение в государственных органах власти, что способствовало интеграции «русос бланкос» в структуры парагвайского общества и формированию положительного образа русских в общественном сознании местного населения.

Ключевые слова:

Парагвай, Чакская война, русские офицеры, военная эмиграция, парагвайская армия, адаптация, Русский очаг, мировой экономический кризис, колонизация земель, репатриация

Введение

История русской эмиграции, формирования Русского мира за рубежом остается актуальной и востребованной темой в исторической науке. Духовное и культурное наследие Русского зарубежья признается частью российской цивилизации. За прошедшее время происходило накопление знаний об истории Русского зарубежья, его глубокое осмысление в отечественной и зарубежной историографии. Значительно расширилась методология изучения данного феномена с применением «исторической компаративистики, трансдисциплинарных подходов к изучению не только традиционных областей истории» эмиграции, но и таких новых направлений как «историческая память, история повседневности, гендерная история». В последние годы происходит также возрождение «биографического метода» в исследовательских практиках с использованием «эго-документов», которые служат для «реконструкции персональных судеб тех людей, которые заинтересовали историка своей значимостью», «своей системой ценностей в конкретно-историческом контексте» [1, с.27-29]. Все это актуализирует тему истории русской эмиграции в контексте современных задач по сбережения традиционных и семейных ценностей Русского мира, сохранению исторической памяти, культурного и духовного наследия российской зарубежной общины.

Существует обширная историография, посвященная истории Русского зарубежья XX века и 1920-1930-х гг., в частности. В трудах Е. И. Пивовара^[2], З. С. Бочаровой^[3], И. В.

Сабенниковой^[4], А. В. Окорокова^[5] раскрывается социально-политический состав эмиграции, особенности ее адаптации в разных странах проживания, проблемы международного урегулирования правового статуса русских беженцев за рубежом. В последние годы сформировалась также общая историография истории русской эмиграции в странах Латинской Америки, к числу которой относятся труды А. И. Сизоненко^[6], С. Ю. Нечаева^[7], М. Н. Мосейкиной^[8]. Появляются специальные работы, посвященные русской диаспоре в отдельных странах, в том числе на Кубе^[9,10], в Уругвае^[11, 12], Мексике^[13], Чили^[14], Бразилии^[15], Аргентине^[16, 17], где авторами нередко выступают сами эмигранты. Важное место в этом ряду занимает тема формирования русской диаспоры в Парагвае в межвоенный период, прежде всего белой эмиграции и ее вклада в развитие военного и инженерного дела в этой стране^[18, 19, 20]. Особый интерес исследователей в этой связи вызывает личность генерала И. Т. Беляева – военного, ученого-антрополога и этнографа, который многое сделал для укрепления национальной армии страны, но одновременно внес личный вклад в защиту и сохранение индейских этносов Парагвая и Южной Америки, по достоинству оценил их роль в мировом культурном наследии.

В целом, российская историография, посвященная истории русской эмиграции за рубежом, весьма обширна, вместе с тем, специальных исследований, посвященных русским диаспорам в отдельных странах Латинской Америки и в Парагвае, в частности, явно недостаточно, что свидетельствует об актуальности и новизне темы.

Источниковой базой исследования послужили различные виды опубликованных и архивных источников (в частности, материалы личного фонда С.Н. Сомова (Ф. 6378) в Государственном архиве Российской Федерации, посвященные проблемам колонизации парагвайских земель русскими эмигрантами)^[21]. Также в работе использованы публицистические документы, авторами которых выступали сами эмигранты.^[22, 23, 24]

После революции и Гражданской войны в России (1917-1922 гг.) основная волна русской эмиграции направлялась в Европу, но в связи с ухудшением социально-экономической ситуации в европейских государствах востребованными оказались Северная и особенно Южная Америка, которые в тот период остро нуждались в дополнительной рабочей силе и потому охотно принимали у себя представителей казачества и белоэмигрантов («русос бланкос»).

В тот период Парагвай представлял собой слабо развитую аграрную страну. В ней, как и в ряде других латиноамериканских стран, ставка делалась на внешнюю миграцию и колонизацию с ее помощью неосвоенных земель^[21, л.4 (об.)]. Начиная со второй половины XIX в., в страну прибывали выходцы из Европы – французы, итальянцы, немцы^[25]. В 1920-е гг. сюда направлялись эмигранты из России. Важно отметить, что первые контакты парагвайских властей с представителями Российской империи относятся еще к дореволюционному периоду, когда в 1909 г. между двумя странами были установлены дипломатические отношения. Но поскольку на континенте не везде были русские посольства, поэтому прибывавшие сюда посланники из России осуществляли свою деятельность на две и более страны. Так, накануне Февральской революции российский посланник в Бразилии А. И. Щербатский по совместительству как раз являлся посланником в Парагвае, Уругвае, Чили и руководителем консульства в Мексике. После прихода большевиков к власти бывшие сотрудники царских посольств за рубежом продолжали некоторое время представлять интересы старой России. В феврале 1921 г. эмигрантами в Париже был образован Совет послов, который некоторое время

обеспечивал финансово диппредставительства в странах, где проживали выходцы из России. Он имел также своего представителя в Лиге Наций, функция которой среди прочего заключалась в защите прав русских эмигрантов.

В самом Парагвае с 1904-1936 гг. у власти находились представители Либеральной партии, а внутриполитическая ситуация характеризовалась нестабильностью (две гражданские войны) и частой сменой глав государства с участием военных. В 1920-1921 гг. президентом Парагвая был Мануэль Гондра, который одобрил, в частности, иммиграцию поселенцев в район парагвайского Чако. В 1921 г. был принят закон (514/1921), известный как закон о меннонитах, заложивший основу для колонизации меннонитами и придавший новый импульс иммиграции других поселенцев европейского происхождения [\[25\]](#). Одним из идеологов этого закона об иммиграции был доктор Эусебио Айала, либеральный политик, который занимал пост временного президента с ноября 1921 г. по ноябрь 1923 г.

В это время в Парагвай небольшими группами начали прибывать эмигранты из России, хотя точных данных о численности выходцев из России нет, поскольку при перевозке иммигрантов через океан компании имели на руках так называемые «коллективные паспорта», в которых отсутствовала статистика о гражданстве, дате и месте рождения русских иммигрантов, многие из которых были включены в общие миграционные списки [\[26\]](#).

Начиная с 1924 г., в Белграде, а затем в Праге и Берлине были созданы ассоциации русской колонизации с целью переселения русских эмигрантов в Латинскую Америку. Во Франции в тот период находился бывший генерал российского императорского флота и одновременно антрополог, лингвист Иван Тимофеевич Беляев - участник Первой мировой и Гражданской войн, кавалер орденов Почета и Святого Георгия. После поражения белого движения И. Т. Беляев вместе с другими офицерами русской армии перебрался в Европу. Оттуда в 1923 г. он переезжает в Аргентину, где выступил с предложением создания русской колонии в целях сохранения языка и культуры. Но не найдя поддержки среди соотечественников, Беляев решил перебраться в Парагвай, про который уже много слышал, в том числе про парагвайскую армию и ее боевые заслуги. Особый интерес для Беляева как ученого представляли также проживавшие в этой стране коренные народы.

24 марта 1924 г. И.Т. Беляев прибыл в Парагвай в сопровождении своей жены, позже прибыли его родственники и другие русские семьи. Здесь И. Т. Беляев был принят на работу в качестве преподавателя фортификации в военное училище. Через некоторое время он получил должность профессора Высшей военной и Высшей морской академий [\[7, с. 80\]](#). И. Т. Беляев намеревался создать в Парагвае «Русский очаг», приют для всех русских, потерявших родину. Поселившись в Асунсьоне, он разработал проект колонизации земель для русских иммигрантов [\[18, с. 125-134\]](#).

В июле 1924 г. новый президент Республики Парагвай Хосе Элихио Аяла одобрил план генерала Беляева по созданию «Русского культурного ядра», что позволяло осуществлять процесс иммиграции в Парагвай «белых русских». Он уполномочил генерала Беляева приглашать специалистов из России разных специальностей и гарантировал, что ни один из них не будет депортирован из Парагвая.

Сам генерал И. Т. Беляев вскоре по поручению военного и военно-морского министра доктора Луиса Риарта приступил к исследованию парагвайского Чако. В то время это была практически неизведанная территория. Самая первая поездка И. Т. Беляева в Чако

состоялась в октябре-декабре 1924 г. Перед ним были поставлены конкретные задачи: «1. Общая оценка положения Баия-Негра и его ближайших окрестностей, поиск наиболее удобного места для строительства парагвайских казарм и фортоў; 2. Дальняя разведка мест прибытия в Баия-Негра, как с севера, так и с запада, с целью определения наиболее удобных мест для установки оборонительных сооружений; 3. Составление общего плана всех проведенных рекогносцировок; 4. Прочитать лекцию парагвайским офицерам обо всех проведенных разведданных, деталях выполненных задач, вопросах, которые необходимо учитывать при обороне; 5. Работать и сотрудничать с командирами отряда, выступая в роли начальника штаба; 6. Представить по возвращении подробный отчет о проделанной работе и потребностях для реализации проектов» [\[26\]](#) .

Под руководством генерала Беляева с участием парагвайских солдат было проведено детальное исследование малознакомой всем местности, составлены карты, включая основные ориентиры, которые были ключевыми при установлении будущей границы между Парагваем и Боливией. Всего с 1924 по 1930 гг. генерал Беляев совершил 11 экспедиций в Парагвайский Чако, во всех этих экспедициях он собирал ценную информацию и составил большое количество карт и топографических планов территории.

Одновременно он продолжал приглашать русских офицеров, которые были приняты на службу в парагвайские вооруженные силы. В 1925 г. прибыла группа, откликнувшаяся на призыв генерала И. Т. Беляева, которая была направлена на юг страны, в город Энкарнасьон, расположенный в 360 км от столицы, в высокогорном районе под названием Вилла Москва. Среди эмигрантов было 12 военных техников, инженеров-дорожников, строителей и геологов. С мая 1925 г. они были привлечены в качестве специалистов в ряды парагвайской армии и на флот.

При этом, чтобы занять офицерскую должность в парагвайской армии, необходимо было сдать обязательный экзамен «по роду оружия» военной комиссии при Главном штабе, которая включала в себя инструкторов, на три четверти состоявших из немцев. О подобном испытании пишет в своих воспоминаниях русский кавалерийский офицер С. Голубинцев, указавший, что в его назначении на военную должность сыграли роль факты его личной биографии, а именно - боевой опыт участия в двух войнах. Сам С. Голубинцев так писал о себе: «В составе 11 гусарского полка участвовал в Великой войне с 1917 года, а затем, после коммунистического переворота, находился в Белой армии с 1918-го по 1920 год» [\[22, с.402\]](#) . Пройдя испытание, первые шесть месяцев русский офицер командовал фортом «Генерал Дельгадо», затем получил назначение на службу в пограничном г. Энкарнасьон

Тем временем сам генерал И. Т. Беляев получил место в Министерстве войны и военно-морского флота как раз в то время, когда парагвайские вооруженные силы готовились к обороне Чако перед лицом надвигавшейся войны с Боливией. Власти Боливии вели активную подготовку к столкновению с Парагваем, привлекая в качестве военных экспертов немцев и чешских офицеров (известно, например, что с 1923 г. военным министром Боливии был немецкий генерал? участник Первой мировой войны Ганс Кундт) [\[22\]](#). В сложившихся условиях и Парагвай был вынужден реагировать на возраставшую угрозу извне и вести подготовку к возможному столкновению с Боливией в этом районе.

Говоря о состоянии парагвайской армии, С. Голубинцев отмечал: «Парагвайская армия, как и вся страна, имевшая в те времена 700 тысяч обитателей, очень маленькая и насчитывает в своих рядах 5000 человек. Отдельных полков не существовало, и вся пехота была сведена в четыре трехротных батальона, а кавалерия – в самостоятельные

четыре эскадрона... Из специальных частей существовала маленькая радиостанция и авиационный парк, пока без самолетов и летчиков...»[\[22, с.400\]](#). Национальный флот состоял из двух канонерских лодок и нескольких вооруженных катеров. На всю армию имелся один генерал и четыре полковника, обучавшиеся в иностранных школах.

Поэтому для Парагвая приезд опытных военных из России, за плечами которых было две войны, имел чрезвычайно важное значение. Для этого И.Т. Беляев инициировал создание во Франции Колонизационного центра по организации эмиграции в Парагвай с выходящим раз в две недели изданием под названием «Le Paraguay». Разразившийся мировой экономический кризис начала 1930-х гг. стал очередным вызовом и новым испытанием для русских беженцев, которые сочли возможным откликнуться на призыв парагвайских властей. Выезд в Южную Америку казался единственной надеждой на достойное и лучшее будущее. Приглашение правительства Парагвая было очень привлекательным, в том числе по части создания русской колонии в этой стране. В апреле 1934 г. был отправлен первый контингент «в составе 210 белоэмигрантов, казаков родом с Дона»[\[26\]](#). Следом в страну начали прибывать русские офицеры, военные инженеры, которые были приняты на службу в различные подразделения Военного и морского министерств, Управления технических работ Генерального штаба. По различным данным, к весне 1934 г. «благодаря генералу Беляеву на правительенной службе в Парагвае устроились уже несколько сот русских»[\[28, с.143-144\]](#).

Оказавшиеся в эмиграции русские военные создавали свои профессиональные организации за рубежом, позволявшие сохранять корпоративные связи. Наиболее крупной и важной из них был Русский Обще-Воинский Союз (РОВС), созданный в 1924 г. по приказу генерала Врангеля и имевший свои отделы в разных странах. Всего было пять отделов. В 1930 г. появился Южно-Американский отдел РОВСа, который возглавил проживавший в Парагвае генерал-майор Н. Ф. Эрн. Подотделы РОВСа существовали в Аргентине, Бразилии, Уругвае, Парагвае (во главе с полковником В. Ф. Гесселем)[\[5, с.106, 123\]](#). Инженер С. С. Бобровский (бывший профессор Санкт-Петербургской инженерной академии, прибывший по личному приглашению для работы советником дирекции Национального инженерного департамента Министерства финансов) стал инициатором создания в 1926 г. «Союза русских техников в Парагвае». Впоследствии Бобровский также обратился к министру финансов с просьбой разрешить ему пригласить своих соотечественников, заинтересованных в проживании в Парагвае, в результате русские специалисты продолжали прибывать и вместе они выступили учредителями Национального департамента общественных работ, в рамках деятельности которого была определена дорожная политика Парагвая.

Начало 1930-х гг. знаменуется обострением отношений между Парагваем и Боливией. 1 мая 1930 г. Лиге Наций удалось восстановить двусторонний диалог, после чего снова начались длительные переговоры. Несмотря на предпринимаемые усилия, 9 сентября 1932 г. началась война Парагвая с Боливией за завоевание Северного Чако (данная территория Парагвайского Чако была постоянно оккупирована вооруженными силами Боливии, обученными немецкими военнослужащими).

В связи с началом войны русские военнослужащие приняли решение поддержать парагвайский народ. Во многом благодаря участию русских офицеров и военных инженеров Парагвай, который к началу боевых действий, как отмечалось выше, не имел полноценной армии, к ее окончанию сформировал регулярную армию в 50 тыс. человек,

а также военный флот. Точной статистики о российских офицерах, участвовавших в войне при Чако, не существует, но есть данные, что в их числе были 23 капитана, 13 майоров, 4 подполковника, 8 полковников и 2 генерала – И. Т. Беляев и Н. Ф. Эрн^[29]. Из них двенадцать человек командовали полками, батальонами, ротами и батареями. Были в их числе и начальники крупных штабов, командующий дивизией [\[18, с. 52\]](#). 11 российских врачей работали в больницах (из них 2 военных врача – в военном госпитале в Эль-Чако, одна женщина-врач работала в национальном ортопедическом институте). Всего, согласно различным данным, в рядах парагвайской армии сражались до 80 русских профессиональных военных и инженеров.

27 декабря 1933 г. в разгар войны в Чако в Парагвай прибыл белый офицер С. Л. Высоколян, который служил в Российской императорской армии, был участником Первой мировой войны. По прибытии в страну, узнав о войне в Чако, он поступил на службу в парагвайскую армию в марте 1934 г. в звании капитана, принимал участие в битве при крепости Нанава. Давая оценку этой битве уже позже, С.Л.Высоколян сказал следующее: «... Оборона Нанавы и поведение ее самоотверженных защитников ... ставит их на один уровень с защитниками самых известных битв в мировой истории - от Фермопил и Сагунта до Вердена во Франции, Алькасара в Толедо и Сталинграда в России» [\[30\]](#).

С. Л. Высоколян был одним из выдающихся русских эмигрантов в Парагвае. Он организовал здесь артиллерийскую школу, возглавлял кафедры физико-математических и экономических наук, был профессором Высшей военной академии, высшей морской академии, преподавал в кадетском корпусе. В 1936 г. он стал почетным гражданином Парагвайской республики и был награжден золотой медалью Военной академии имени маршала Ф. С. Лопеса.

Когда в июле 1932 г. разразилась война, боливийцы были уверены в быстрой победе. Их страна была богаче и населеннее Парагвая, а ее вооруженные силы были многочисленнее, имели хорошо обученный высший офицерский состав, укрепленный немецкими военнослужащими. Эти преимущества оказались несущественными перед решимостью парагвайцев защищать свою родину. Парагвайцы знали географию Чако лучше, чем боливийцы и легко проникли на боливийские рубежи, захватывая некоторые боливийские посты. Незнание территории, плохие дороги и слабая логистика мешали боливийским войскам продвигаться в этом районе.

Одним из парагвайских полков командовал русский майор Георгий Бутлеров, который в феврале 1932 г. пошел добровольцем и вступил в парагвайскую армию в звании капитана кавалерии. Сначала он был командиром одной из эскадрилий под командованием майора Альфредо Рамоса, сражавшейся в битве при Сааведре в 1932 г. В начале 1933 г. майор Г. Бутлеров был назначен командиром 4-го кавалерийского полка «Ака Каая», который героически сражался в двух битвах при Нанаве. Он был одним из самых способных и храбрых русских офицеров-добровольцев.

Чакская война закончилась 12 июня 1935 г. подписанием мирного договора с территориальными изменениями в пользу Парагвая. Последствия войны для такой небольшой страны как Парагвай были тяжелыми: многие парагвайцы погибли на войне, в том числе шесть белых российских офицеров отдали свои жизни на поле боя, первым из которых был майор Василий Серебряков, павший в битве при Бокероне.

Правительство Парагвая учредило награды за участие в Чакской войне – «Крест дель Чако» и «Крест Защитника», которые были вручены 26 русским офицерам за героические

и самоотверженные действия в «защите своей второй родины». Несколько улиц города Асунсьон названы сегодня в честь русских офицеров в знак признания их вклада в победу в Чакской войне на стороне Парагвая. Как отмечает Н. Ю. Кудеярова, «победа Парагвая в самом кровопролитном противостоянии в Южной Америке в XX в. была достигнута ценой гигантского напряжения сил и благодаря личному мужеству участвовавших в нем людей» [32, с.33]. В памяти парагвайцев к тому времени была еще одна война, которая вошла в историю как Великая война (1864-1870 гг.) против Тройственного альянса (Аргентины, Бразилии, Уругвая), в которой Парагвай потерпел сокрушительное поражение. Однако победа в Чакской войне «не стала новой отправной точкой для консолидации национальной идентичности» [Там же]. Наоборот, ее результатом стало усиление роли военных в стране и последующая милитаризация, которая привела к установлению многолетней военной диктатуры А. Стресснера (1954-1989 гг.).

Заключение

Как показало проведенное исследование, процесс адаптации русской военной эмиграции в странах Латинской Америки и в Парагвае, в частности, проходил сложно. Но постепенно многие офицеры смогли найти применение своим профессиональным знаниям и навыкам, устроиться как специалисты, переводчики, педагоги. Успешно пройдя этапы адаптации, русские эмигранты внесли свой вклад в процесс модернизации вооруженных сил и экономик ряда латиноамериканских стран. Особенно это было заметно по Парагваю, куда в 1920-е – начале 1930-х гг. прибыли профессиональные военные из России, с богатым профессиональным опытом, который оказался чрезвычайно востребован в условиях военного времени.

Несмотря на то, что осуществить на практике идею «Русского очага» в Парагвае не удалось, тем не менее следует признать, что русская диаспора в этой стране оставила заметный след в ее истории. Представители русской эмиграции внесли вклад в формирование технического образования в республике, подготовку высших офицерских кадров, развитие инженерной мысли в стране и ее практическое воплощение в различных отраслях национальной экономики. Одновременно в ходе адаптации русские в Парагвае делали все, чтобы сохранить собственную этническую идентичность через язык, культуру, православную веру, поддержание исторической памяти о героическом прошлом своей родины.

Библиография

1. Современные методы в исторических исследованиях. Уч.-мет. пособие / Под ред. Н. Б. Селунской. СПб.: Алетейя, 2024. 150 с. (Труды исторического факультета МГУ. Вып. 266. Сер. III: *Instrumenta studiorum*, 58).
2. Пивовар Е. И. Российское зарубежье: социально-исторический феномен, роль и место в культурно-историческом наследии. М.: РГГУ, 2008. 545 с. EDN: LBFCPF.
3. Бочарова З. С. Российское зарубежье 1920-1930-х гг. как феномен отечественной истории. М.: АИРО-XXI, 2011. 304 с. EDN: SUFEVL.
4. Сабенникова И. В. Российская эмиграция (1917-1939): сравнительно-типологическое исследование. Тверь: Федеральная архивная служба России; ВНИИДАД, 2002. 431 с.
5. Окороков А. В. Русская эмиграция. Политические, военно-политические и воинские организации. 1920-1990 гг. Справочник. М.: Авуар консалтинг, 2003. 330 с. EDN: QOTAJV.
6. Сизоненко А. И. Русские в Латинской Америке (очерки). М.: ИЛА РАН, 2005. 164 с.
7. Нечаев С. Ю. Русские в Латинской Америке. М.: Вече, 2010. 320 с. EDN: QPNTTH.

8. Мосейкина М. Н. "Рассеяны, но не расторгнуты": русская эмиграция в странах Латинской Америки в 1920-1960 гг. М.: РУДН, 2011. 388 с.
9. Российский М. А. Русское зарубежье на Кубе: Страницы истории. М.: Вече, 2002. 221 с.
10. Moiseev A., Egorova O. Los rusos en Cuba. *Cronicos historicas: juicios y testimonies*. La Habana: Casa Editora Abril, 2010. 215 р.
11. Русские в Уругвае. Монтевидео: Б.и., 2009. 229 с.
12. Martinez Virginia. Los rusos de San Javier. *Perseguidos por el zar. Perseguidos por la dictadura uruguaya. De Vasili Lubkov a Vladimir Roslik*. Montevideo: Ediciones de la Banda Oriental, 2013. 298 р.
13. Русские в Мексике / Под общ. ред. В. И. Морозова. М.: Фортуна ЭЛ, 2009. 272 с.
14. Ульянова О. и Норамбуэна К. Русские в Чили. Santiago: Usach, 2009. 423 с.
15. Жосинто Анатолий Заболоцкий. Русская иммиграция в Бразилии. "В долгий путь надежды". Santa Rosa: RS-Coli Grafica e Editora Ltda, 2009. 164 р.
16. Кублицкая М. А. Русская жизнь в Аргентине. Пенза: Ваза, 2018. 321 с.
17. Мосейкина М. Н., Антошин А. В., Голоусова Е. С. Русская диаспора в Аргентине: история и современность: монография. М.: РУДН, 2022. 289 с. EDN: MLJJJH.
18. Мартынов Б. Ф. Русский Парагвай. Повесть о генерале Беляеве, людях и событиях прошлого века. М.: Воениздат, 2006. 238 с.
19. Eduardo Nakayam. *La inmigración rusa en el Paraguay (1917-2017)* // <https://www.academia.edu/34899781/L> (дата обращения: 10.10.2024).
20. Емельянова Н. М. Один в поле воин. Белый генерал-вождь краснокожих. Иван Беляев. СПб.: Питер, 2019. 512 с.
21. Государственный архив Российской Федерации. Ф. 6378. Оп. 2. Д. 3.
22. Голубинцев С. В парагвайской кавалерии // Русская армия в изгнании. М.: ЗАО Центрполиграф, 2003. 512 с. С. 391-441.
23. Парчевский К. К. По русским углам. Цикл очерков о русской эмиграции во Франции между первой и второй мировыми войнами. М.: ИВИ РАН, 2002. 220 с.
24. Пилкин А. П. Парагвай (Краткий очерк). Париж: Инициатив. группа "Станицы им. ген. Беляева", 1934. 32 с.
25. María Victoria Benítez Martínez. *Inmigrantes europeos en Paraguay 1818-1930* // <https://shs.hal.science/halshs-00530644/document> (дата обращения: 28.10.2024).
26. Eduardo Nakayam. *La inmigración rusa en el Paraguay (1917-2017)* // <https://www.academia.edu/34899781/L> (дата обращения: 10.10.2024).
27. Парагвайская Россика в войне за Чако // <https://sammlung.ru/?p=33121> (дата обращения: 15.07.2024).
28. Хисамутдинов А. А. В Новом Свете, или История русской диаспоры на Тихоокеанском побережье Северной Америки и Гавайских островах. Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 2003. 323 с.
29. Alexándrova María. *Los rusos y héroes de Paraguay* // <https://es.gw2ru.com/articles/17625-rusos-heroes-paraguay> (дата обращения: 20.11.2024).
30. Batalla de Nanawa. Vysokolan S. Portal Guaraní-BATALLA DE NANAWA (Dr. STEPHAN VYSOKOLÁN) (дата обращения: 20.12.2024).
31. Кудеярова Н. Ю. Война Парагвая против Тройственного альянса. Историческая память и поиск идентичности // Латинская Америка. 2022. № 1. С. 23-37. DOI: 10.31857/S0044748X0013612-2 EDN: NTHCHA.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Рецензируемая статья посвящена изучению роли русской военной эмиграции в Парагвае в период Чакской войны (1932–1935) — одного из ключевых конфликтов в истории Южной Америки. Авторы сосредотачиваются на анализе деятельности русских офицеров, инженеров и медиков, их вклада в модернизацию парагвайской армии, а также на социально-культурной адаптации эмигрантов. Особое внимание уделяется фигуре генерала И. Т. Беляева, чьи военные и научные инициативы стали важным элементом в укреплении обороноспособности Парагвая. Предмет исследования охватывает как военно-стратегические аспекты, так и вопросы сохранения русской идентичности в условиях эмиграции.

Авторы используют междисциплинарный подход, сочетая методы исторической компаративистики, биографического анализа и работы с эго-документами (воспоминаниями, письмами). Привлечены архивные материалы (например, фонд С. Н. Сомова), публицистика эмигрантов и научные труды по истории Русского зарубежья. Однако методологическая база описана недостаточно подробно: отсутствует четкое объяснение критериев отбора источников, методов их критики и интеграции в общую нарративную структуру. Например, тезис о «решающем вкладе» русских офицеров требует более строгого сопоставления с другими факторами победы Парагвая (например, географическим преимуществом, мобилизацией местного населения).

Тема актуальна в контексте растущего интереса к истории диаспор, транснациональным связям и роли эмиграции в глобальных процессах. Авторы справедливо подчеркивают связь исследования с задачами сохранения исторической памяти и культурного наследия Русского мира. Однако актуализация могла бы быть усиlena за счет параллелей с современными миграционными процессами или вопросами национальной идентичности в условиях глобализации.

Новизна статьи заключается в фокусировке на малоизученном аспекте — русской диаспоре в Парагвае. В научный оборот вводятся ранее не публиковавшиеся архивные данные (например, материалы о колонизации земель) и детали биографий ключевых фигур, таких как С. Л. Высоколян и Г. Бутлеров.

Статья написана академическим языком, соответствует требованиям научного стиля, структура логична. Библиография обширна и включает как классические труды по истории эмиграции (Е. И. Пивовар, З. С. Бочарова), так и специализированные работы по Латинской Америке (А. И. Сизоненко, С. Ю. Нечаев). Использование архивных источников (ГАРФ) и публицистики эмигрантов (С. Голубинцев) усиливает доказательную базу. Однако часть ссылок ведет на онлайн-ресурсы (например, Academia.edu), что вызывает вопросы по долгосрочной доступности и академической репутации этих материалов.

Авторы могли бы активнее учитывать возможные контраргументы. Например, критики могут указать на то, что вклад русских эмигрантов был не столь значительным на фоне общей мобилизации парагвайского общества или помочи других иностранных специалистов (например, немецких советников в Боливии). Для усиления позиции следовало бы провести сравнительный анализ численности и роли русских офицеров относительно других групп.

Очевидным вкладом работы является детальное освещение деятельности генерала Беляева и его сподвижников, подкрепленное интересными и редкими историческими источниками.

Ключевой вывод статьи — «русская военная эмиграция сыграла значительную роль в победе Парагвая в Чакской войне» — убедителен в части описания конкретных достижений (составление карт, обучение офицеров, организация обороны). Однако

утверждение о «ключевом значении» русских требует более осторожной формулировки, так как победа в войне была результатом комплекса факторов, включая географические преимущества и национальную мобилизацию.

Статья вызовет интерес у историков, специализирующихся на русской эмиграции, военной истории и латиноамериканских исследованиях. Она также может привлечь внимание широкой аудитории, интересующейся малоизвестными страницами истории XX века.

Рекомендую статью «Русская военная эмиграция в Парагвае и ее вклад в победу в Чакской войне (1932-1935 гг.)» к публикации в журнале «Genesis: исторические исследования». Представленная работа демонстрирует высокий уровень научной компетенции авторов и их способность работать с разнообразными источниками. Несмотря на отдельные недостатки, статья вносит важный вклад в историографию Русского зарубежья и заслуживает внимания научного сообщества.

Genesis: исторические исследования

Правильная ссылка на статью:

Наумов А.О. Содружество наций как актор «мягкой силы» Британской империи // Genesis: исторические исследования. 2025. № 4. DOI: 10.25136/2409-868X.2025.4.70978 EDN: FCGEND URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=70978

Содружество наций как актор «мягкой силы» Британской империи

Наумов Александр Олегович

ORCID: 0000-0002-8366-5934

доктор исторических наук

профессор факультета государственного управления МГУ имени М.В. Ломоносова, ведущий научный сотрудник Научно-образовательного центра РГГУ

119602, Россия, г. Москва, улица Академика Анохина, д. 38., кор. 3., кв. 392

✉ naumovao@my.msu.ru

[Статья из рубрики "Мировая история: эпохи и периоды"](#)

DOI:

10.25136/2409-868X.2025.4.70978

EDN:

FCGEND

Дата направления статьи в редакцию:

08-06-2024

Аннотация: Объектом исследования является «мягкая сила» Британской империи в XX веке; предметом – уникальная межгосударственная организация, с 1949 года функционирующая под названием Содружество наций. Автор рассматривает такие аспекты темы, как потенциал «мягкой силы» Соединенного Королевства Великобритании и Северной Ирландии, ключевые факторы успеха политики Лондона на этом направлении, включая историческое наследие Британской империи; процесс создания Британского Содружества наций, деятельность обновленного Содружества наций во второй половине XX века; идейные основы, принципы работы и конкретные проекты организации, оказавшие серьезное воздействие на формирование системы «мягкой силы» и публичной дипломатии Британской империи; наконец, в целом роль Содружества наций как актора «мягкой силы» в трансформации и модернизации имперского проекта Туманного Альбиона. Методологической основой исследования является принцип историзма и научной объективности, системный подход, методы

анализа, синтеза, индукции, дедукции, наблюдения. Новизна исследования заключается в том, что в современной историографии анализ деятельности Содружества наций в качестве актора «мягкой силы» Британской империи проводится впервые. Автор приходит к выводу, что благодаря деятельности Содружества Великобритания смогла закрепить реконфигурацию своего имперского проекта на принципиально новой основе. Особую роль в этом процессе сыграли технологии «мягкой силы», которые задолго до появления непосредственно теории Дж. Ная активно применялись политическими элитами Соединенного Королевства. И именно в рамках Содружества наций они использовались наиболее активно. Этот факт позволил Лондону не только сохранить свое влияние на значительной части бывшей империи, но и создать мощную ресурсную и институциональную базу, позволяющую Великобритании до сих пор эффективно проводить политику «мягкой силы» на международной арене.

Ключевые слова:

мягкая сила, публичная дипломатия, Британская империя, Великобритания, Содружество наций, Британское содружество наций, британские доминионы, Игры Содружества, британское образование, британская монархия

Соединенное Королевство Великобритании и Северной Ирландии является одним из признанных лидеров в области реализации стратегии «мягкой силы». Это лидерство обусловлено разветвленной сетью соответствующих институтов, системностью их работы, солидным финансированием и кадровым обеспечением, вниманием государства к этой важной сфере международной деятельности. Британский совет, Би-Би-Си, университеты, неправительственные организации, институт монархии и другие акторы «мягкой силы» Туманного Альбиона на протяжении длительного времени функционирует чрезвычайно эффективно.

Даже наиболее авторитетные индексы и рейтинги, пытающиеся выявить «мягкосиловой» потенциал той или иной страны, создаются при самом непосредственном участии Лондона. Одним из них является рейтинг «Global Soft Power Index», который генерируется британской консалтинговой компанией «Брэнд Финанс». Авторы данного индекса выделяют три столпа «мягкой силы» – узнаваемость, репутация и влияние на мировой арене, которые разделяются на восемь ключевых направлений (бизнес и торговля, международные отношения, образование и наука, культурное наследие, управление, средства массовой информации, устойчивое развитие, люди и ценности); кроме того, учитываются т.н. рекомендации, основанные на анализе ответов на вопрос «Вы рекомендовали бы эту страну для...», соответственно: инвестиций, приобретения товаров и услуг, работы, учебы, туризма. По состоянию на 2024 год в нем анализировались позиции более ста двадцати стран. Еще один рейтинг – «Soft Power 30» – разработан также британской консалтинговой компанией по стратегическим коммуникациям «Портлэнд» в сотрудничестве с американским Центром публичной дипломатии Университета Южной Калифорнии. Этот ежегодный рейтинг тридцати наиболее преуспевающих в области «мягкой силы» стран высчитывается на основе шести основных категорий (цифровые технологии, предпринимательство, образование, культура, глобальное взаимодействие и управление), а также социологических опросов. Конечно, данные индексы весьма условны и субъективны, но они заслуживают внимания, как и тот факт, что первые места в них неизменно занимает именно Великобритания (в самых последних по хронологии рейтингах она в обоих случаях

оказалась на втором месте).

Если внимательно посмотреть на показатели, по которым лидирует Великобритания, то становится ясно, насколько большое значение для нынешнего успеха политики «мягкой силы» страны имеет наследие Британской империи (предлагаем за точку отсчета этого периода взять открытие Дж. Каботом в 1497 году острова Ньюфаундленд в Северной Америке, а передачу в 1997 году Гонконга под юрисдикцию Китайской Народной Республики считать его завершающим моментом). Как верно отмечает российский ученый Е.М. Харитонова, за эти полтысячелетия «Владычица морей» «взаимодействовала с многочисленными народами по всему миру и устанавливала свои порядки, создавала по подобию своих колониальных административные структуры, распространяла свои нормы и принципы организации различных общественных и государственных институтов, приобщала людей за пределами страны к своим культуре и языку» [\[1, с. 45\]](#).

Институты и механизмы «мягкой силы», созданные в первой половине XX века для поддержания стабильности империи, а затем и для ее модернизации и трансформации, плодотворно функционируют и сейчас. Одним из них являлось и является Содружество наций – межгосударственное объединение, в котором на добровольных началах состоят почти шестьдесят стран, некогда входивших в Британскую империю с общей численностью населения два с половиной миллиарда человек (более 30% жителей планеты Земля). На протяжении прошлого столетия это был незаменимый компонент «мягкой силы» Британской империи.

Термин «мягкая сила», как известно, ввел в научный оборот американский политолог Дж. Най-младший в 1990 году. На рубеже веков он написал ряд фундаментальных монографий, в которых развел свою теорию. Ученый утверждал, что «мягкая сила» государства зиждется на трех основных ресурсах: достижениях государства в области высокой и массовой культуры; ценностях, которых придерживается политическое руководство и разделяет большинство населения; легитимной внешней политики страны. Саму «мягкую силу» Най определил как «способность влиять на других путем взаимодействия в области формирования повестки дня, оказания воздействия с помощью привлечения симпатий для достижения желаемых результатов» [\[2, р. 21\]](#).

Тема «мягкосиловой» политики Британской империи нечасто оказывалась в поле зрения отечественных исследователей. Более того, если специалисты и обращались к этому вопросу, то речь шла о рассмотрении отдельных конкретно-исторических сюжетов. Можно, например, отметить работу А.В. Сагимбаева о работе группы «Круглого стола» в начале XX века [\[3\]](#), научную статью А.Г. Онищенко об элементах «мягкой силы» в стратегии Великобритании в отношении Египта во второй половине 1930-х годов [\[4\]](#), публикацию А.А. Гусева, в которой автор рассматривает «мягкие» методы, применяемые Лондоном в рамках колониальной политики в Южной Аравии [\[5\]](#). Различные аспекты деятельности Содружества наций, в свою очередь, были затронуты в работах Н.А. Степановой [\[6\]](#), Д.И. Портнягина [\[7\]](#), А.В. Сухорукова [\[8\]](#), А.Ю. Тостухиной [\[9\]](#), ряде других исследований. Тема роли Содружества в качестве актора «мягкой силы» Британской империи, однако, в указанных выше научных публикациях должного развития не получила. Ликвидации этого пробела и посвящена данная статья.

Надо отметить, что в Лондоне оперативно взяли на вооружение созданную за океаном теорию Дж. Ная. Это неудивительно, ведь британские политические элиты на практике проводили подобную политику на протяжении многих десятилетий, особенно в рамках своего обширного имперского пространства. Выступая в 2013 году на заседании

специально созданного в британском парламенте Комитета по «мягкой силе» и влиянию страны, Най обозначил ресурсы и инструменты, позволяющие, по его мнению, Великобритании являться одним из мировых лидеров в области применения «мягкой силы» [10]. Беглого взгляда на документ, в котором были отражены суждения Дж. Ная, достаточно, чтобы понять, какой значительный отпечаток на процесс становления и развития этой политики наложило колониальное прошлое Туманного Альбиона.

Наиболее известные акторы «мягкой силы» Великобритании, существующие до сих пор, были созданы в первой половине XX века (например, Британская широковещательная корпорация, Би-Би-Си – в 1927 году, Британский совет – в 1934 году), когда Британская империя вступила в полосу заката и определенно нуждалась в модернизации. Сферой преломления усилий этих и других акторов с географической точки зрения являлось в первую очередь имперское пространство, объединенное с середины столетия в Содружество наций.

Термин «Содружество наций» был введен в общественно-политический дискурс британским государственным деятелем графом Розбери еще в 1884 году. В дальнейшем идеи создания нового имперского конструкта были развиты в деятельности группы «Круглого стола», наиболее плодотворный период которой пришелся на начало XX века. В 1909 году в рамках этой неформальной, но весьма влиятельной организации был разработан проект создания т.н. Имперской Федерации на основе инновационных подходов к устройству колониальной системы Великобритании. В 1911 году один из самых активных членов объединения Л. Кертис предложил впредь вместо термина «Британская империя» использовать наименование «Содружество наций» [3, с. 451-452]. Чуть позже основатель и редактор журнала «Круглый стол» Ф. Керр писал: «Британское Содружество служит великой цели в мире. Оно дает некую форму конституции и закона для четверти населения Земли, объединяя представителей всех рас, цвета кожи и степени цивилизованности, и оно сохраняет мир между ними, повсюду поощряя переход к самоуправлению» [1, р. 97]. По мнению идеологов трансформации институциональной структуры Британской империи, она распространяла в различных регионах мира опыт деятельности собственных политико-административных институтов, тем самым создавая фундамент для принципиально нового «объединения народов», в рамках которого должно было утвердиться понимание «о гражданском долге человека перед человеком» [12, р. 46]. По сути, члены «Круглого стола» занимались формированием привлекательной повестки, основанной на определенных ценностях, то есть, делали именно то, о чем спустя столетие писал Дж. Най, объясняя сущность «мягкой силы».

Британское Содружество наций в составе метрополии и существовавших на тот момент доминионов было создано в 1931 году на основе Вестминстерского статута. Спустя восемнадцать лет, в 1949 году, оно обрело современное название – Содружество наций, объединив тогда саму Великобританию, а также Австралию, Индию, Канаду, Новую Зеландию, Пакистан и Цейлон. В условиях постепенного распада империи Лондону были жизненно необходимы свежие идеи для своеобразного ребрендинга имперского проекта, но при этом обновленное Содружество должно было опираться на существовавшие десятилетия институциональную основу и механизмы взаимодействия центра и периферии. Для решения этой многотрудной задачи, как верно замечает Н.А. Степанова, Великобритания даже вынуждена была пойти на «прецедент, заменив принцип «верности монарху», один из основных принципов довоенного объединения, признанием британского монарха лишь символом и главой нового Содружества, чтобы объявившие себя республиками бывшие колонии, такие, как Индия, смогли также

присоединиться к организации» [\[6, с. 216\]](#). Британские лидеры верили, что их страна как «материальный и духовный лидер» Содружества наций может стать мультирасовым мостом и эффективным барьером против коммунизма [\[7\]](#). В условиях наступившей «холодной войны» и противостояния с социалистическим блоком во главе с Советским Союзом сохранение статуса мировой державы, поддержание контроля над имперским пространством и, таким образом, обеспечение своего присутствия практически во всех частях света виделось политическому руководству Лондона одним из ключевых геополитических императивов.

Надо сказать, что опасения британских политических элит в отношении негативных перспектив существования «Империи, над которой никогда не заходило солнце», были отнюдь не беспочвенными. Так, серьезным испытанием для Великобритании стал Суэцкий кризис 1956 года, вызвавший жесткую критику внутри Содружества и резко ускоривший распад Британской колониальной империи. Мощным ударом по позициям Лондона стало также стремление целого ряда молодых азиатских и африканских государств развивать сотрудничество с СССР и, соответственно, дистанцироваться от Содружества наций. С 1960-х годов участились расхождения во взглядах на дальнейшее внутреннее развитие и внешнеполитические приоритеты между членами т.н. Старого (или Белого) Содружества, которое включало бывшие переселенческие колонии Британии, и ставшими независимыми азиатскими и, особенно, африканскими странами, входившими в т.н. Черное Содружество.

Конечно, как справедливо пишут отечественные исследователи Н.К. Капитонова и Е.В. Романова, Содружество наций «не могло заменить собой империю, однако Лондон рассматривал его как серьезный фактор укрепления позиций в мире... Содружество преподносилось как уникальный форум, который позволял с помощью выработки компромиссов преодолеть различия между присоединившимися и неприсоединившимися, а также бедными и богатыми» [\[13, с. 541\]](#). Благодаря Содружеству наций Великобритания смогла во многом сохранить свои политические, экономические и культурные позиции в бывших колониях, выполнив важнейшую для себя задачу по недопущению перехода стран-членов организации в сферу влияния СССР. В этой связи можно согласиться с мнением А.Ю. Толстухиной, что Содружество, по крайней мере для Лондона, в эпоху биполярной конфронтации представляло собой оригинальный англо-саксонский проект «глобальной "мягкой силы", который в дополнение к НАТО» работал «на унификацию и консолидацию глобального геополитического пространства» [\[9, с. 18\]](#).

Кроме того, в основе самого существования Содружества лежали принципы, непосредственно связанные с политикой «мягкой силы», такие как равенство, гибкость, добровольность, отсутствие жестких взаимных обязательств. А само оно уже в середине XX века превратилось в мультикультурное объединение, в которое входили страны, представлявшие не только Западную цивилизацию, но и (как минимум) Индуистскую, Исламскую и Африканскую. В заключительный период существования Британской империи, хронологически совпавший с эпохой «холодной войны», перед Содружеством наций стояли вопросы, которые также укладываются в «мягкосовую» повестку, – деколонизация, борьба с расизмом, движение за нераспространение ядерного оружия, экологические проблемы и т.д. А сама географически сжимавшаяся метрополия через институты и механизмы Содружества продвигала свои идеалы и ценности в уже независимые государства.

Отдельно нельзя не упомянуть о роли образовательной политики Лондона в рамках Содружества наций. Подавляющее большинство лидеров новых независимых государств,

являвшихся некогда колониями Великобритании, получили образование в ее школах и университетах, что в той или иной мере обеспечивало лояльность этих руководителей британской короне. В 1960 году был принят План Содружества по развитию образования и партнерства, целью которого было содействие получению высшего образования перспективной молодежью из стран-членов организации за рубежом, в первую очередь в университетах Соединенного Королевства. Таким образом будущие элиты получали не только престижные дипломы, но и усваивали английский язык, и, соответственно, британскую культуру – важнейшие компоненты «мягкой силы» любого государства.

Следует сказать и о конкретных инициативах объединения в культурно-гуманитарной области, например, об Играх Содружества. Первые Игры состоялись в 1930 году; в дальнейшем, как и Олимпиады, они проводились (и проводятся) каждые четыре года в различных странах, однако в данных соревнованиях постоянно варьируется набор дисциплин, особенно с учетом спортивных предпочтений страны-хозяйки, от каноэ и боулинга до нетбола, сквоша и крикета. Игры Содружества (с 2002 года они называются Игры Федерации Содружества наций) остаются весьма популярны до сих пор; благодаря им Великобритания, грамотно используя инструменты спортивной дипломатии, «обеспечивает позитивные условия для политического и экономического партнерства на постимперском пространстве» [\[14, с. 274-275\]](#).

Среди «мягкосиловых» проектов Содружества наций, инициированных Лондоном в XX веке, стоит упомянуть также Фонд Содружества, занимающийся вопросами развития гражданского общества в государствах-членах; Комиссию по военным захоронением Содружества, отвечающую за сохранение исторической памяти и поддержание в порядке воинских кладбищ и мемориалов, где захоронены более полутора миллиона военнослужащих из стран, входивших в состав Британской империи в годы Первой и Второй мировых войн; Виртуальный университет для малых стран Содружества и ряд других.

И, конечно, огромную роль в функционировании Содружества наций как актора «мягкой силы» Британской империи играла фигура британского монарха – его формального главы и символа. Наиболее ярко эта роль проявилась в годы правления Елизаветы II, которой благодаря своей личной дипломатии, активной позиции по самым непростым и деликатным вопросам, а также особому статусу удавалось сглаживать острые углы в отношениях стран-членов с Великобританией и сохранять относительное единство Содружества. Сам фактор существования британского монарха позволял реализовывать на практике идею английского истеблишмента о существовании Содружества наций как неформальной империи.

В целом, с помощью Содружества наций Лондону удалось институционально закрепить реконфигурацию Британской империи в новое межгосударственное объединение. Отечественный исследователь вопроса А.Ю. Толстухина отмечает, что в его основу легла т.н. идея общего блага (англ. – commonwealth) – «одна из фундаментальных идей европейской политической культуры», помогавшая «удерживать в единстве столь гетерогенную ассоциацию», действуя при этом достаточно гибко, динамично и pragmatically [\[9, с. 24\]](#). Эти и другие формирующие повестку идеи и ценности – краеугольный камень стратегии «мягкой силы» – имели непреходящее значение для существования как самой Британской империи, так и Содружества наций.

И в настоящее время официальный Лондон продолжает популяризировать идею лояльности Содружества наций (значение которого в системе внешнеполитических приоритетов Туманного Альбиона после определенного забвения в конце XX – начале

XXI веков в последние годы вновь значительно повысилось) на основе английского языка и исторической общности судеб входящих в него стран; перспективная молодежь из государств-членов получает образование в британских университетах; с размахом проводятся спортивные мероприятия; британский монарх все еще находится во главе данной организации. Все это, безусловно, позволяет Соединенному Королевству Великобритании и Северной Ирландии оставаться мощным игроком в области «мягкой силы», значительно опережая большинство государств современного мира в этой важнейшей области мировой политики.

Библиография

1. Харитонова Е.М. «Мягкая сила» Великобритании. М.: ИМЭМО РАН, 2018.
2. Nye J. The Future of Power. New York: Public Affairs, 2011.
3. Сагимбаев А.В. Концепция Британского Содружества в деятельности группы «Круглого стола» в начале XX века // Научный диалог. 2021. № 7. С. 449-462.
4. Онищенко А.Г. Эволюция политики Великобритании в Египте после подписания Англо-египетского договора 1936 года (август 1936 – апрель 1938 гг.) // Исторический журнал: научные исследования. 2021. № 2. С. 39-46. DOI: 10.7256/2454-0609.2021.2.35391 URL: https://e-notabene.ru/hsmag/article_35391.html
5. Гусев А.А. Методы жесткой и мягкой силы, применяемые Британской империей при колонизации Адена и создании протекторатов Южной Аравии // Исторический бюллетень. 2023. Т. 6. № 6. С. 141-146.
6. Степанова Н.А. Великобритания в Содружестве наций: прошлое, настоящее, будущее // Вестник МГИМО-Университета. 2014. № 4 (37). С. 214-221.
7. Портнягин Д.И. Политическое и военное руководство Великобритании о роли Содружества и империи в «холодной войне» (1945–1951 гг.) // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2018. Т. 9. Вып. 1 (65) [Электронный ресурс]. URL: <https://arxiv.gaugn.ru/s207987840002047-0-1/> (дата обращения 09.06.2024).
8. Сухоруков А.В. Британское содружество наций: прошлое и настоящее // Новая и новейшая история. 2006. № 5. С. 70-85.
9. Толстухина А.Ю. Современная внешняя политика Великобритании в отношении Содружества наций (цели, задачи, основные направления) // Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата политических наук. М.: Центр евразийских исследований ИАМП ФГБОУ ВПО «Дипломатическая академия Министерства иностранных дел Российской Федерации», 2015.
10. Soft power and the UK's influence committee. Oral and written evidence. Vol. 2 // House of Lords. London, 2014.
11. Kerr P. From Empire to Commonwealth // Foreign Affairs. 1922. Vol. 2. No. 2. P. 83-98.
12. Tyler J.E. The Struggle for Imperial Unity. London: Longmans, Green and Co, 1938.
13. Капитонова Н.К., Романова Е.В. История внешней политики Великобритании. М.: Международные отношения, 2020.
14. Уколова И.П. «Постимперский» формат международных соревнований как инструмент спортивной дипломатии // X Международный Конгресс «СПОРТ, ЧЕЛОВЕК, ЗДОРОВЬЕ» 08-10 декабря 2021 г: Материалы Конгресса / Под ред. В.А. Таймазова. СПб.: ПОЛИТЕХ-ПРЕСС, 2021. С. 274-276.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Происходящие на наших глазах перемены в миропорядке заставляют обратиться к различным аспектам изучения внешнеполитической активности ведущих авторов. Безусловно, в последние десятилетия на первый план выходят государства Азиатско-Тихоокеанского региона, особенно КНР. Но не будем скоропатительно сбрасывать со счетов и такую державу как Соединенное королевство Великобритании и Северной Ирландии, ведь его статус во многом определяется Содружеством наций, весьма эффективным и в настоящее время.

Указанные обстоятельства определяют актуальность представленной на рецензирование статьи, предметом которой является Содружество

наций как актор «мягкой силы» Британской империи. Автор ставит своими задачами определить роль "мягкой силы" во внешнеполитической деятельности Британии, рассмотреть роль Содружества наций в британской политике, а также определить дальнейшую эволюцию Содружества в "мягкой силе" Альбиона.

Работа основана на принципах анализа и синтеза, достоверности, объективности, методологической базой исследования выступает системный подход, в основе которого находится рассмотрение объекта как целостного комплекса взаимосвязанных элементов. Научная новизна статьи заключается в самой постановке темы: автор на основе различных источников стремится охарактеризовать Британское Содружество наций как инструмент "мягкой силы".

Рассматривая библиографический список статьи, как позитивный момент следует отметить его масштабность и разносторонность: всего список литературы включает в себя 14 различных источников и исследований. Несомненным достоинством рецензируемой статьи является привлечение зарубежной англоязычной литературы, что определяется самой постановкой темы. Из привлекаемых автором исследований отметим труды Н.А. Степановой, А.В. Сагимбаева, Е.М. Харитоновой, в центре внимания которых находятся различные аспекты изучения "мягкой силы" Великобритании, в целом, и Содружества наций, в частности. Апелляция к оппонентам представлена на уровне собранной информации, полученной автором в ходе работы над темой статьи.

Структура работы отличается определенной логичностью и последовательностью, в ней можно выделить введение, основную часть, заключение. В начале автор определяет актуальность темы, показывает, что "Би-Би-Си, университеты, неправительственные организации, институт монархии и другие акторы «мягкой силы» Туманного Альбиона на протяжении длительного времени функционирует чрезвычайно эффективно". Более того, Содружество стало инструментом "мягкой силы" задолго до того, как Дж. Ней предложил данный термин. Автор обращает внимание на то, что "благодаря Содружеству наций Великобритания смогла во многом сохранить свои политические, экономические и культурные позиции в бывших колониях, выполнив важнейшую для себя задачу по недопущению перехода стран-членов организаций в сферу влияния СССР". Примечательно, что как отмечает автор рецензируемой статьи, "в основе самого существования Содружества лежали принципы, непосредственно связанные с политикой «мягкой силы», такие как равенство, гибкость, добровольность, отсутствие жестких взаимных обязательств". В работе показаны механизмы спортивной и образовательной дипломатии, используемые Лондоном в рамках Содружества, например, Игры Федерации Содружества наций.

Главным выводом статьи является то, что

"в настоящее время официальный Лондон продолжает популяризировать идею лояльности Содружества наций (значение которого в системе внешнеполитических приоритетов Туманного Альбиона после определенного забвения в конце XX – начале XXI веков в последние годы вновь значительно повысилось) на основе английского языка и исторической общности судеб входящих в него стран".

Было бы интересно провести параллели с другими подобными организациями, например, Французским союзом (сообществом), но это, конечно, выходит за рамки темы статьи. Представленная на рецензирование статья посвящена актуальной теме, вызовет читательский интерес, а ее материалы могут быть использованы как в учебных курсах, так и в рамках изучения стратегий "мягкой силы", а также неоколониализма. В целом, на наш взгляд, статья может быть рекомендована для публикации в журнале "Genesis: исторические исследования".

Genesis: исторические исследования

Правильная ссылка на статью:

Тащян Д.А. Чешско-русские культурные связи в период трансформации взаимного интереса во второй половине XIX века // Genesis: исторические исследования. 2025. № 4. DOI: 10.25136/2409-868X.2025.4.73873
EDN: DTFROP URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=73873

Чешско-русские культурные связи в период трансформации взаимного интереса во второй половине XIX века

Тащян Даниил Андреевич

аспирант, факультет Истории, социологии и международных отношений; ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет»

350058, Россия, Краснодарский край, г. Краснодар, ул. Ставропольская, д. 183/1, кв. 114

tas1998@yandex.ru

[Статья из рубрики "Культура и культуры в историческом контексте"](#)

DOI:

10.25136/2409-868X.2025.4.73873

EDN:

DTFROP

Дата направления статьи в редакцию:

29-03-2025

Аннотация: Настоящая статья посвящена анализу чешско-русских культурных связей во второй половине XIX века в контексте трансформации взаимного интереса и укрепления чешской национальной идентичности. Особенное внимание было уделено мотивам научного и культурного сотрудничества в равной степени как с русской, так и с чешской стороны. Цель исследования заключается в выявлении закономерностей культурного и научного обмена между двумя народами, а также в определении эволюции восприятия русской культуры чешским обществом и отношения русских просветителей к чешским контактам в условиях политических и социальных изменений. По итогам анализа выявлены причины отказа сторон от романтическо-идеалистического восприятия взаимного диалога и перехода к строгому академическому сотрудничеству. Дополнительно в статье подчеркнуты достижения полученные по результатам взаимодействия чешских и русских культурных деятелей в рассматриваемый период. Исследование базируется на сравнительном анализе исторических источников, научных трудов и публицистики обеих чешско-российских связей за указанный период. Применён

качественный подход к изучению архивных материалов, включая переписку культурных деятелей, а также контент-анализ периодических изданий, отражающих динамику культурного взаимодействия. Впервые детально прослеживается трансформация чешско-русского взаимодействия от романтического восприятия славянской взаимности к прагматичному сотрудничеству с акцентом на автономное развитие культур. Выявлены новые аспекты влияния русских реформ 1860–1870-х годов на усиление интереса к чешской культуре. Прежде всего были подчеркнуты различия, которые были обозначены между чешской и русской культурой, а также подчеркнуты зоны взаимного интереса, где культурным деятелям удалось достичь значительных результатов. Многие русские культурные и общественные деятели, пользуясь своими многочисленными контактами и высоким уровнем авторитета в чешском обществе, активно содействовали сохранению, укреплению и развитию связей между чешским и русским просвещённым сообществом. В том числе, было отмечено, что чешские переселенцы, проживавшие в России, внесли вклад в развитие экономики, науки, культуры. В то время как русские деятели, пользуясь своими многочисленными контактами и высоким уровнем авторитета в чешском обществе, активно содействовали сохранению, укреплению и развитию сведений о славянской истории и истории России в частности.

Ключевые слова:

Чешско-русские связи, Культурный обмен, Национальная идентичность, Взаимный интерес, Славянская взаимность, Политические реформы, Национальное возрождение, Русская культура, Чешская автономия, Славистика

Чешско-русское взаимодействие в XIX в., в зависимости от изменений, происходивших в политической и социокультурной сферах, неизменно трансформировалось. В статье рассматриваются пути осуществления культурного и научного обмена между Чехией и Россией во второй половине XIX в. в процессе укрепления чешской национальной идентичности.

Цель статьи – выявление основных закономерностей чешско-русского взаимодействия в период трансформации взаимного интереса. В частности, особенный акцент сделан на интересе к культурному взаимодействию со стороны деятелей российской культуры.

В 1860-е гг. в свете вступления в силу Закона об общих делах всех земель Австрийской монархии от 21 декабря 1867 г., признавшего равноправие двух частей империи – Цислейтании (Австрии) и Транслейтании (Венгрии)^[9], делегациям чешских представителей (60 членов от национальных сеймов) была предоставлена возможность участия в работе правительственные органов^[7]. Вследствие этого чешские делегаты стали добиваться все больших преобразований, способствовавших укреплению автономии чешской культуры даже несмотря на то, что чешский народ по-прежнему не обрел политической автономии.

Так, в 1882 г. последовало разделение Пражского университета на чешский и немецкий, был изменён порядок выборов в состав торговых и промысловых палат и т. д. С 1883 г. чешские депутаты достигли большинства в земском сейме. В этот период был основан Земский банк, выстроено здание для Музея королевства чешского, начато издание источников чешской истории на средства, отпускаемые сеймом.

Постепенное движение к политической независимости отражалось на восприятии

национального языка и культуры самими чехами. Сопоставление источников и научных трудов за периоды первой и второй половины XIX в. демонстрирует существенную разницу в целях и мотивах чешско-русского культурного взаимодействия.

В период начального этапа борьбы за Национальное Возрождение в чешском обществе на рубеже XVIII–XIX вв., а также в годы активного просветительского движения, русская культура воспринималась чешскими будителями как источник для развития национального языка, литературы и искусства. В лице русских просветителей чешские деятели науки и искусства видели надежных партнеров и образец для подражания. Опыт, накопленный русскими литераторами, живописцами, музыкантами и учеными активно воспринимался чехами. На основании культурного обмена в чешском обществе развивались те базовые принципы культурного и национального самосознания, которые были использованы в период революционных событий 1848 г. и в последующие годы.

В свете же произошедших революционных событий середины XIX в. и политических реформ, ознаменовавших укрепление тенденции к автономизации чешской культуры и развития социальных институтов, отношение к русской культуре трансформировалось. В чешском просвещённом обществе стало распространяться стремление к развитию равноправного сотрудничества с деятелями русской культуры. Во второй половине XIX в. чешская культура, благодаря нациальному языку, литературе, изобразительному, художественному творчеству, а также театральному искусству, стала развиваться без прямого заимствования, на автономных началах. Следовательно, к концу XIX в. тенденции реалистичного и нередко критического восприятия русской культуры стали в Чехии преобладать. Этим объяснялся постепенный отказ от восприятия русской культуры как ведущей, а концепции славянской взаимности как основной. Чешские деятели культуры к концу XIX в. все чаще стремились к самобытному развитию науки и искусств при условии осуществления культурного обмена с другими славянскими народами на принципах равного сотрудничества.

Кроме того, русофильские настроения уже в меньшей степени были свойственны чешским просветителям. Мнение о том, что Российская империя является основным источником поддержки для чешского культурного сообщества стало постепенно утрачивать свою актуальность, в особенности после завершения творческой и научной деятельности ведущих чешских славистов Й. Юнгмана, Ф.Л. Челаковского, В. Ганки и др. Кроме того, нередко в чешском обществе стали проявляться и русофобские тенденции в свете произошедшего в 1863 г. польского восстания [2]. Изменение отношения к России отразилось на осложнении чешско-русских научных контактов.

Научные труды, заказываемые русскими славистами из Чехии, стали расти в цене, при посещении Чехии многим русским ученым и культурным деятелям с трудом удавалось добиться аудиенции с чешскими учеными и просветителями, на публикуемые русскими авторами научные труды чаще стали выходить отзывы с критическим уклоном [4]. С подобным отношением столкнулся русский литературовед и историк А.Л. Дювернуа после публикации книги «Станислав Зноемский и Ян Гус» (1870 г.). Критика в адрес книги, поступившая от чешских литераторов, ясно свидетельствовала о том, что в этот период русская и чешская научные школы могли взаимодействовать, но лишь в поле объективного анализа национальной истории каждого народа, имевшего самобытные черты.

Если в первой половине XIX столетия происходило становление русского славяноведения, а научный интерес русских просветителей сводился преимущественно к изучению филологических тем и лингвистики, напротив, после начала реформ, в период

между 1860–1870-ми гг. задачи русского научного славяноведения были перенаправлены на решение вопросов социального и политического реформирования общества. При этом в российских университетах, количества которых в свете реформы образования только увеличивалось, стали открываться кафедры славянской филологии [5].

Изменения в оценках идеи славянской взаимности в русском обществе происходили также на фоне реформ 1860–1870-х гг. в стране. Реформы, инициированные Александром II, изменили социально-экономический уклад России, значительно либерализовали отношение к цензуре, и, как следствие, оказали влияние на взаимодействие со славянскими народами, стремящимися к политической независимости, среди которых был чешский. В связи с этим наибольшее количество специальных журналов, посвященных теме славяноведения в России, появилось в 70-е гг. XIX в., среди них. «Филологические записки» (Воронеж) и «Русский филологический вестник» (Варшава), сборники статей типа «Славянского ежегодника» (Киев) [3].

Ведущую роль в российской публицистике, выступавшей в поддержку идей славянской взаимности, играл журнал «Славянские известия» – печатный орган Славянского благотворительного общества. Периодическое издание на протяжении тридцати трех лет развивало и поддерживало данную тему. Идейным вдохновителем журнала являлся М. М. Филиппов (1858–1903), русский ученый и мыслитель конца XIX в., привлеченный к сотрудничеству в качестве редактора журнала. Ему принадлежала идея разработки программы формирования славянской культуры [3], согласно которой Россия должна осуществлять сближение с родственными культурами славянских народов на основе общности интересов, но не на политических и идеологических началах. Родство культур журнал «Славянские известия» видел в познании особенностей славянских языков. В связи с этим в широком спектре тем журнала длительное время занимали значимое место вопросы филологии и языкоznания.

Уровень активности органов периодической печати наглядно свидетельствовал о высоком интересе среди русской общественности к налаживанию и поддержанию взаимодействия с чешскими культурными институтами. Так, Н.В. Киселькова отмечает, что к 1875 г. большинство русских читателей было ознакомлено со списком названий славянских журналов, на которые принималась подписка в почтовых конторах России. Рассылка актуальных периодических изданий на чешском языке проводились не только самими журналами и газетами, но также посредством прямых почтовых отправлений [2].

Стойкий информационный обмен поддерживали отдельные заинтересованные лица, обладавшие авторитетом в сфере дипломатических отношений с Чехией. Одним из них был протоиерей российской посольской церкви в Вене М.Ф. Раевский. Так, его непосредственной заслугой являлось установление постоянных контактов между венским журналом «Славянская беседа» и Императорской Академией наук, а также учреждение Славянского благотворительного комитета в Санкт-Петербурге (1867 г.), включавшего в свой состав членов Чешской матицы. К примеру, благодаря установленным контактам М.Ф. Раевского с чешскими педагогами и в том числе директором полной гимназии в г. Таборе В. Кржижеком и профессором реальной высшей гимназии г. Табор И. Мейснером, налаживалось стабильное снабжение российских учебных заведений методической литературой, педагогическими сочинениями (в том числе книгами Я.А. Коменского), учебными пособиями [1].

Нельзя не заметить факт активной переписки и сотрудничества М.Ф. Раевского с одним

из известных чешских ученых А. Патерой. Материалы их деловой переписки сохранились до настоящего времени. Анализ материалов их переписки показывает, что в результате сотрудничества была проделана большая работа по отбору и поиску кандидатур на вакантные места преподавателей классических языков в российских университетах и гимназиях. При этом кандидаты проходили обязательный отбор, что наглядно указывало на большую заинтересованность со стороны молодых чешских преподавателей к получению профессионального опыта в России.

Со стороны чешского культурного сообщества контакты с М.В. Раевским и проводимыми по его инициативе начинаниями поддерживал чешский писатель и педагог А.Я. Вртятко (1815–1892). Находясь в должности библиотекаря Чешского музея с 1861 г., А.Я. Вртятко, обладая доступом к ценным литературным собраниям, активно участвовал в литературном обмене с Россией. В том числе им самим был сделан существенный вклад в обогащение чешской литературы. Так, например, особой ценностью обладали его переводы на чешский язык трактата Аристотеля «Категории». Из других трудов А.Я. Вртятко особенно известны фотографическое издание в 1862 г. Краледворской рукописи, статьи «Zlomky taborské» и «Hanka a Dobrovský»[\[11\]](#). С результатами его исследований и отдельными сочинениями, а также иными литературными произведениями на чешском языке знакомились и представители русского ученого сообщества. А.Я. Вртятко, будучи членом Чешской матицы, налаживал контакты с российскими библиотеками, университетами и в том числе Российским археологическим обществом, Министерством народного просвещения Российской империи, Национальным музеем, Славянским благотворительным комитетом, а также Императорской Академией наук.

Описанные выше события и в том числе неугасающий интерес русской культурной общественности к взаимодействию с культурой братских славянских народов стали одной из причин формирования новой школы славяноведения в России. Специализируясь по кафедре славистики, молодые люди в 1860–1870-е гг. получали знания в области славянского и общего языкоznания, практически изучали язык на занятиях, писали переводы со славянских языков и выполняли другие задания. Ученики первоходцев русского славяноведения находились в совершенно других условиях. Они прошли обучение языкам в период своей учебы. Гимназии и домашнее воспитание позволяли молодым людям усвоить по меньшей мере два европейских языка – немецкий и французский. В свою очередь центром притяжения «молодых» умов оставалась и Прага. Многие ученые, получая классическое университетское образование, стремились посетить столицу Чехии как символ славистики. При этом важно отметить, что в Чехию из России прибывали исследователи-слависты, получившие качественную предварительную подготовку в русских университетах, в совершенстве владеющие чешским и многими другими славянскими языками.

Русские слависты имели собственную, сформированную точку зрения на предмет изучения славянской культуры, нередко с критической точки зрения. К примеру, с целью совершенствования научных знаний, в Чехию одним из первых в рассматриваемый период отправился историк, профессор Московского университета Н.А. Попов. Занимаясь в Чехии и Германии исследованиями по истории, он провел много встреч в университетах с учеными и журналистами. Несомненному успеху работы Н.А. Попова в Чехии способствовала близость его политических взглядов с взглядами чешского ученого сообщества [\[5\]](#).

Также к числу выдающихся русских ученых, работавших в Чехии в рассматриваемый

период, относились Ю.С. Анненков (1849–1885 гг.) и Н.В. Ястребов (1869–1923 гг.). Они разделяли принципы научного исследования, принятые в Чехии, и внесли весомый вклад в развитие культуры обеих стран. Так, Ю.С. Анненков за всю свою жизнь посетил Прагу более восьми раз, посвящая большую часть времени работе в архивах. А. Патера, оказывая ему содействие в исследованиях, вспоминал о нем как об очень эрудированном молодом ученом, снискавшем большое количество как дружеских, так и научных связей среди чешских просветителей [\[4\]](#). Чешские ученые, бывшие его современниками, в том числе К. Крофта, вспоминали о том, с каким усердием Ю.С. Анненков работал с источниками и прежде всего рукописями, связанными с периодом гуситских войн. Вклад Н.В. Ястребова в развитие чешской науки состоял в том, что благодаря его инициативе были найдены и собраны в единую коллекцию многие рукописи, относящиеся к периоду XV века. [\[8\]](#).

Н.В. Ястребову, одному из немногих русских ученых, работавших на рубеже XIX–XX вв., удавалось сохранять тесное сотрудничество с чешскими культурными деятелями. В числе его постоянных партнеров были директор Пражского архива Я. Челаковский, профессор Пражского университета Й. Поливка, Т.Г. Масарик. Связи, установленные Н.В. Ястребовым, имели большое значение для продолжения чешско-русского диалога в новых, официальных и наполненных академическими формальностями, условиях. В Петербургском университете при его содействии проводились многочисленные лекции и семинары с участием приглашенных чешских ученых. В 1906 г. были переведены на русский и опубликованы работы Т.Г. Масарика «Революция и эволюция», «Марксизм и парламентаризм» [\[5\]](#).

Сотрудничество чехов и русских в этом направлении со временем дало свои результаты. Так, с 90-х гг. XIX в. активизировалась работа Отделения русского языка и словесности Российской академии наук (ОРЯС РАН) в области изучения славянских языков и литератур, издания славянских текстов, словарей. Если раньше славистов в этом отделении РАН долгое время представлял И.И. Срезневский, то в конце XIX в. действительными членами ОРЯС РАН были избраны слависты В.М. Ламанский, А.Н. Пыпин, а также такие крупные ученые-филологи, как А.А. Шахматов и А.И. Соболевский. ОРЯС имело свои печатные органы – *Известия ОРЯС* и *Сборник ОРЯС*, в которых публиковались исследования по разным аспектам славяноведения, рецензии на славистическую литературу. Однако пика своей деятельности ОРЯС достигло к началу XX в., после съезда русских славистов 1903 г.

Тем не менее, даже несмотря на то, что дипломатические и научные контакты между чехами и русскими стали значительно менее интенсивными, подобная деятельность указывала на сохранение потребности российской культуры в получении помощи и поддержки со стороны чешского культурного наследия. Напротив, в предыдущие периоды подобную потребность выказывала чешская культура, но тенденции постепенно изменялись. Так, чешские научные визиты в Россию стали значительно сокращаться несмотря на то, что взаимодействие с русскими учеными по-прежнему было активно, но в иных формах. Целями визитов чехов в Россию во второй половине XIX в. и в особенности в последней четверти столетия становились коммерция и политика.

Политический интерес со стороны чехов преобладал над научным в свете их стремления к окончательному обретению политической автономии. Многое в установлении культурных и политических контактов было сделано после проведения Этнографической выставки в Москве в 1867 г. Событие это имело не только весомую пользу для укрепления культурного взаимодействия, но получило широкий политический резонанс.

Многие чешские деятели воспользовались своим членством на выставке в целях демонстрации своих оппозиционных настроений правительству Австро-Венгрии. Одними из них были Ф. Палацкий и Л. Ригер, а также редакция газеты партии младочехов «*Narodni noviny*» [\[6\]](#).

Примечательно, что в области славянского языкознания между чешскими и русскими культурными деятелями поддерживались наиболее тесные контакты. Среди чешских ученых, наиболее активно сотрудничающих с русским академическим сообществом, были Я. Голл, Я. Бидло, Й. Поливка, Л. Нидерле.

Следует также указать, что в России было большое количество чешских мигрантов. Больше всего среди чешских мигрантов было врачей, инженеров, предпринимателей. Много чешских специалистов работало в российских учреждениях культуры. Интерес к профессиональной деятельности в России для чехов был продиктован комфортными условиями проживания, созданными правительственными указами для трудовых переселенцев, а также высоким уровнем оплаты [\[5\]](#). Особенno ярко отмеченная тенденция находила свое отражение среди работников культуры. При этом имела место семейная преемственность среди чешских деятелей культуры, работающих в России. К примеру, известна деятельность О.А. Рождественской, дочери чешского профессора языкоznания А.В. Добиаша. За годы преподавательской работы О.А. Рождественской было обучено и выпущено большое количество профессиональных палеографов латинской письменности [\[2\]](#).

Увеличение числа чешских ученых и преподавателей, проживавших в России и преподававших в образовательных учреждениях, было продиктовано дальнейшим углублением и расширением мероприятий образовательной реформы. Так, 31 июля 1871 г. в Российской империи был издан новый Устав гимназий, предусматривавший сохранение только классических гимназий. За счет сокращения других предметов в полтора раза расширялась программа преподавания древних языков [\[10\]](#).

В свете нововведений число уроков по древним языкам было значительно увеличено (на 15 по языку латинскому и на 11 по языку греческому); при этом греческий язык преподавался во всех гимназиях и прогимназиях (до этого момента – в 36). Более того, росло само число гимназий. С момента вступления на престол Александра III оно увеличилось с 73 до 130. В таких условиях особенно велика была потребность России в преподавателях, более всего, древних языков. В связи с тем, что чешская школа языкоznания была достаточно развита в это время, в Россию прибывало большое количество специалистов по древним языкам [\[11\]](#).

Поиском подходящих кандидатур для перевода в образовательные учреждения занимались многие русские и чешские общественные деятели. Среди них особое значение имели инициативы М.Ф. Раевского, А. Патеры, А. Вртятко и др. За счет их усилий многие чешские преподаватели получили не только работу в России, но также достойные оклады, стипендии, были обеспечены временным жильем. Между тем, зачастую именно сумма денежного вознаграждения не устраивала чехов. В 70-е гг. XIX в. М.Ф. Раевский как человек, тесно сотрудничавший с Министерством народного просвещения, получал просьбы от А. Патеры и от А. Вртятко о необходимости увеличения оплаты труда чехов [\[2\]](#). По данному направлению, связанному с реализацией инициатив по увеличению доходов чешских преподавателей русскими общественными деятелями, был достигнут значительный успех.

Обобщая вышеизложенное, можно сделать вывод о том, что чешско-русские культурные связи после 1870 г. значительно трансформировались. Изменения нашли свое отражение в следующих аспектах:

1. Как русские, так и чешские просветители стали постепенно отходить от романтическо-идеалистического восприятия идей славянской взаимности. Русская и чешская культура всё чаще рассматривались как родственные, но весьма самобытные формирования, развивающиеся по собственным законам и подверженные разным факторам влияния. В свете подобной оценки чешско-русские культурные связи выстраивались на основе равноправного сотрудничества, но на автономных началах.
2. Со стороны русских ученых наблюдался высокий уровень интереса к установлению научных контактов с чехами. Так, многие культурные и общественные деятели России, пользуясь своими многочисленными контактами и высоким уровнем авторитета в чешском обществе, активно содействовали сохранению, укреплению и развитию связей между чешским и русским просвещённым сообществом. В том числе интерес россиян к чешской культуре в рассматриваемый период был связан с потребностью в привлечении квалифицированных филологов, славяноведов и педагогов в активно развивающую вследствие реформы образования в России научно-просветительскую сферу.
3. Чехи, прибывавшие в Россию, все реже преследовали цель установления научного сотрудничества. Напротив, среди чешских переселенцев все больше встречались приезжающие в Россию предприниматели, инженеры, врачи, а также деятели культуры для постоянной работы в учреждениях культуры и образования. Однако, научные контакты сохранялись, но они развивались преимущественно в фокусе рассмотрения вопросов языкознания и литературоведения.

На основании вышеизложенного, можно констатировать, что во второй половине XIX в. русская культура, в отличие от чешской, стала проявлять наибольшую потребность в сохранении взаимных контактов.

Библиография

1. Зарубежные славяне и Россия. Документы архива М. Ф. Раевского. 40-80-е годы XIX века. – М.: Наука, 1975. – 576 с.
2. Киселькова, Н. В. Российский фактор в общественно-политической жизни чехов в 50-е-70-е гг. XIX в.: по материалам архива М. Ф. Раевского: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.03 / Н. В. Киселькова. – Москва, 2008. – 174 с. EDN: NPTDGX
3. Коробкова, С. Н. Русская мысль и чешско-русский диалог XIX – нач. XX в. / С. Н. Коробкова // Вече. – 2013. – № 25. – С. 252-264. EDN: RSXUAB
4. Лаптева, Л. П. История славяноведения в России в конце XIX – первой трети XX в. / Л. П. Лаптева. – М.: Индрик, 2012. – С. 431-467. EDN: QPUYDL
5. Лаптева, Л. П. Русско-чешские научные связи во второй половине XIX – первой четверти XX века. По данным переписки ученых / Л. П. Лаптева // Новая и новейшая история. – 2016. – № 1. – С. 68-93. EDN: VVGOMZ
6. Россия и славянский мир на этнографической выставке 1867 г.: Материалы Международной научной конференции, посвященной 140-летию Первой этнографической выставки, Санкт-Петербург, 20-22 ноября 2007 года / отв. науч. ред. В. М. Груссман, Н. М. Калашникова. – Санкт-Петербург: ООО Навигатор, 2009. – 135 с.
7. Санчук, Г. Э. История Чехословакии. Т. 1 / Г. Э. Санчук. – М.: Изд-во АН СССР, 1956. – 440 с.
8. Хельчицкий, П. Сочинения Петра Хельчицкого: Сеть веры; Реплика против Бискупца / П. Хельчицкий; [труд Ю. С. Анненкова; окончил по поручению Отд-ния рус. яз. и

- словесности И. В. Ягич]. – СПб.: Тип. Имп. Акад. наук, 1893. – 431 с.
9. Deuerlein, E. Foederalismus: Die historischen und philosophischen Grundlagen des foederativen Prinzips / E. Deuerlein. – Bonn: Sieg-Post Druckerei, 1972. – 416 с.
10. Patera E. A. Korespondence prijata. A. I. Gerogievskij A. Paterovi. b.d. 2/14.04.1871.
11. Wurzbach D. C. v. Vrtatko, Anton Jaroslav // Biographisches Lexikon des Kaiserthums Oesterreich: enthaltend die Lebensskizzen der denkwürdigen Personen, welche seit 1750 in den österreichischen Kronländern geboren wurden oder darin gelebt und gewirkt haben. – Wien, 1856. – Vol. 52. – S. 8-15.

Результаты процедуры рецензирования статьи

Рецензия скрыта по просьбе автора

Англоязычные метаданные

Two emperors – two eras. A view from Russia on the personality and politics of Napoleon Bonaparte and Napoleon III: a comparative analysis

Kryazheva-Kartseva Elena Valer'evna

PhD in History

Head of the Department; Faculty of Humanities and Social Sciences (FGSN); P. Lumumba Peoples' Friendship University of Russia

Miklukho-Maklaya str., 6, Moscow, 117198

✉ kartseva_ev@pfur.ru

Linkova Elena Valentinovna

Doctor of History

Professor; Faculty of Humanities and Social Sciences; P. Lumumba Peoples' Friendship University of Russia

117279, Russia, Moscow, Konkovo district, Ostrovyanova str., 33, sq. 84

✉ linkova_ev@pfur.ru

Simonova Mariya Aleksandrovna

Director of the Educational and Scientific Institute of Comparative Educational Policy, Institute of Educational and Scientific Comparative Educational Policy; P. Lumumba Peoples' Friendship University of Russia

Miklukho-Maklaya str., 6, Moscow, 117198

✉ simonova-ma@rudn.ru

Abstract. The subject of this study is the views of domestic conservative and liberal thinkers from the mid-19th to the second half of the 19th century on the personality and activities of Napoleon Bonaparte and Napoleon III. It is noted that there has always been a high level of interest in Russian society regarding events occurring in France. This interest was associated both with the ideological attitudes among the Russian nobility and with the contradictions that existed between Russia and France in the 19th century. This concerns the Patriotic War of 1812 and the anti-Napoleonic wars of the early century, as well as the Crimean Campaign of 1853-1856. These events had a significant impact on the perception of France in Russia, as well as on the assessments made in Russian society about French rulers. However, the authors emphasize a marked difference in the representations of domestic thinkers regarding Napoleon Bonaparte and Napoleon III, with a certain respect for the former and clear criticism and even disdain for the latter. The main methods of this research can be called comparative, allowing for a comparative analysis of opinions and assessments, and revealing the characteristic features in the perception of French leaders in Russian public opinion. It seems that this problem has not been studied before, i.e., no special research has been undertaken to compare the policies of French emperors in Russian public thought of the 19th century. In this regard, it seems quite interesting to conduct a comparative analysis of existing assessments, helping to understand the reason for the respectful attitude towards Napoleon Bonaparte in Russia and the almost complete oblivion or criticism of his nephew. Among the main conclusions reached by the authors, the following can be highlighted: in Russian society of the 19th century, there was a constant interest both in foreign policy aspects and in individual states. In particular, such interest was observed in relation to France, the embodiment and collective image of which were undoubtedly those rulers who were

remembered for their bright reforms, military successes/failures, and, of course, their interactions with Russia.

Keywords: Eastern Question, French Revolution, foreign policy, the image of the emperor, public thought, Napoleon III, Napoleon Bonaparte, Russia and France, Liberalism, Conservatism

References (transliterated)

1. Neizvestnaya perepiska Lui Napoleona Bonaparta s grafom A.F. Orlovym, nachal'nikom Tret'ego Otdeleniya (1847–1848 gg.) Iz fondov Gosudarstvennogo arkhiva Rossiiskoi Federatsii – GA RF // Rossiya i Frantsiya. XVIII–XX veka: Vypusk 9 / otv. red. i sost. P.P. Cherkasov. – Moskva, 2009. – S. 171–173.
2. Vyazemskii P.A. Staraya zapisnaya knizhka. 1813–1877. – M.: Zakharov, 2003. – 960 s.
3. Leont'ev K.N. Diplomaticheskie doneseniya, pis'ma, zapiski, otchety (1856–1872). – M.: Moskovskii gosudarstvennyi institut mezdunarodnykh otnoshenii (Universitet); ROSSPEN, 2003. – 528 s.
4. Kavelin K.D. Gosudarstvo i obshchina. – Moskva: Institut russkoi tsivilizatsii, 2013. – 1296 s.
5. Pobedonostsev K.P. Gosudarstvo i Tserkov'. – Moskva: Institut russkoi tsivilizatsii, 2011. – T. 2. – 624 s.
6. Fenenko A.V. "Klassicheskii natsionalizm" i vneshnopoliticheskie vzglyady frantsuzskikh konservatorov XIX v. // Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya gumanitarnye nauki. – 2002. – № 1. – S. 184–201.
7. Arslanov R.A., Lin'kova E.V. Vneshnyaya politika Rossii i Zapada v zerkale rossiiskoi obshchestvennoi mysli XIX v. – Moskva: RUDN, 2022. – 275 s.
8. Cherkasov P.P. Aleksandr II i Napoleon III. Nesostoyavshiisa soyuz (1856–1870). – Moskva: Tovarishchestvo nauchnykh izdanii KMK, 2015. – 450 s.
9. Otechestvennaya voyna 1812 goda v kul'turnoi pamyati Rossii. – Moskva: Kuchkovo pole, 2012. – 448 s.
10. Napoleon Bonapart: Pro et contra. Lichnost' i deyaniya Napoleona Bonaparta v otsenkah rossiiskikh issledovanii. Antologiya. – Sankt-Peterburg: Izdatel'stvo Russkoi khristianskoi gumanitarnoi akademii, 2012. – 1038 s.
11. Pushkin A.S. Polnoe sobranie sochinenii v 10 tomakh. T. 2. – M.: Akademiya nauk SSSR, 1956. – 462 s.
12. Tyutchev F.I. Polnoe sobranie sochinenii. Pis'ma. V 6-ti tomakh. T. 3. – M.: Izdatel'skii Tsentr "Klassika", 2003. – 528 s.
13. Leont'ev K.N. Slavyanofil'stvo i gryadushchie sud'by Rossii. – M.: Institut russkoi tsivilizatsii, 2010. – 1232 s.
14. Aksakov I.S. Nashe znamya – russkaya narodnost'. – M.: Institut russkoi tsivilizatsii, 2008. – 640 s.
15. Bor'ba imperii. "Kruglyi stol" zhurnala "Rodina", posvyashchennyi prichinam, itogam i posledstviyam Krymskoi voiny // Rodina. – 1995. – № 3–4. – S. 33.

Changes in the legal status of the Yenisei Cossacks in the 17th – early 20th centuries

Seleznev Andrey Valerievich

PhD in History

Senior Lecturer; Department of History and Political Science; Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education 'Krasnoyarsk State Agrarian University'
 Senior Lecturer; Department of History of Russia, World and Regional Civilizations; Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education 'Siberian Federal University'

6 Surikova str., block 34, Krasnoyarsk Territory, 660049, Russia

✉ seleznev.andrey.val@gmail.com

Abstract. The author examines in detail the issues of changing the right position of the Yenisei Cossacks in the period from the beginning of the 17th century to the end of the first quarter of the 20th century. The object of the study is the Cossacks of the Yenisei region of Eastern Siberia (Yenisei Cossacks) in the XVII – early XX centuries. The subject of this study is the evolution of the right-wing status of the Yenisei Cossacks in the period from the appearance of the first Cossack detachments in the Yenisei Region (early 17th century) to the announcement at the First Congress of the Yenisei Cossacks of the Krasnoyarsk Cossack Division by the Yenisei Cossack Army (May 25, 1917). The principles of historical materialism and a systematic approach to the study of historical phenomena. The author used both general scientific research methods, as well as special historical (periodization, historical-genetic, historical-systemic and historical-comparative) and legal (comparative-historical) research methods. The novelty of the study lies in the fact that the historical stages of the change in the legal status of the Yenisei Cossacks in the pre-revolutionary period of national history are highlighted, common features and differences in the legal status of the Yenisei Cossacks are revealed in comparison with the Cossacks of the Siberian and Trans-Baikal Cossack troops, as well as with the Russian peasantry. The results obtained can be used to create a textbook on the discipline "History of the Cossacks of the Krasnoyarsk Territory". The author comes to the following conclusions: The Yenisei Cossacks, as a separate territorial estate group of the population, have been formed since the beginning of the 17th century exclusively as a service category of the population, supported by the state, possessing rights and privileges, bearing duties established by the state to solve the tasks of expanding Russia's territorial possessions in Siberia and the Far East, and maintaining control over the acquired territories. The Yenisei Cossacks have never experienced the stage of free Cossacks, as a group of the Cossack population of the European part of Russia. In the history of the Yenisei Cossacks, four periods were identified in which the legal status of the Yenisei Cossacks changed.

Keywords: The Yenisei Cossack Army, mounted Cossack division, mounted Cossack hundred, mounted Cossack regiment, Police functions, irregular military, city Cossacks, men in military service, legal status, Yenisei Cossacks

References (transliterated)

1. Voennaya entsiklopediya / pod red. K. I. Velichko [i dr.]. – T. 10: [Elisaveta Petrovna – Initsiativa]. [Tekst] – Spb.: t-vo I. D. Sytina, 1912. – S. 323-642, [8], 2 s., [27] l. il.
2. Saprygin, F. F. Stanovlenie i razvitiye sibirskogo kazach'ego voiska 1808-1917 gg. Istoricheskii ocherk [Tekst] // Postsovetskii materik. – 2020. – № 4 (28). – S. 72-92. DOI: 10.48137/2311-6412_2020_4_72 EDN: ZRAPSC
3. Sibirskaya derevnya: obshchestvenno-politicheskii, sel'skokhozyaistvennyi, kooperativnyi i ekonomicheskii zhurnal. Eniseiskaya gubernskaya elektro-tipografiya. – 1917. – 25 iyunya. – № 13. – 23 c.

4. Kryukov, P. D. Aktual'nost' i istoriograficheskii obzor problemy pravovogo polozheniya rossiiskogo kazachestva v 1917 – nachale 1918 gg. [Tekst] // *Yurist"-pravoved"*. – 2008. – № 3(28). – S. 94-97. EDN: MWBTPZ
5. Kryukov, P. D. Kazachestvo v pravovom prostranstve Rossii: istoricheskaya retrospektiva [Tekst] // *Yurist"-pravoved"*. – 2011. – № 4 (47). – S. 76-79. EDN: NVWBQV
6. Levitskaya, M. I. Pravovaya reglamentatsiya kazachestva kak osobogo sotsial'nogo sloya rossiiskogo obshchestva XVIII–XIX vekov [Tekst] // *Obrazovanie i obshchestvo*. – 2014. – № 6(89). – S. 97-102.
7. Matsievskii G.O. Gosudarstvo i kazachestvo v XVI – nachale XIX vv. (evolyutsiya politicheskikh otnoshenii) // *Genesis: istoricheskie issledovaniya*. 2016. № 4. S. 122-136. DOI: 10.7256/2409-868X.2016.4.19279 URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=19279
8. Dzyuban, V. V. Problemy istoriko-pravovogo regulirovaniya kazachestva v sovremennoi Rossii [Tekst] / V. V. Dzyuban; S. A. Kiselev // *Mirovye tsivilizatsii*. – 2017. – T. 2. – № 3. – URL: <https://wcj.world.ru/PDF/06MZ317.pdf> (data obrashcheniya: 07.03.2025). EDN: YPTBGX
9. Abakumova, E. A. Bol'she, chem soslovie: pravovoi status kazachestva vo vtoroi chetverti XIX veka [Tekst] // *Aktual'nye problemy issledovanii istorii Rossii i Belorussii (K 80-letiyu Kurskoi bitvy): materialy Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii*. – Kursk, 2024. – S. 43-47. EDN: VCTEBV
10. Mininkov, N. A. Soslovno-pravovoe polozhenie donskogo kazachestva v 17 v. [Tekst] // *Izvestiya Severo-Kavkazskogo nauchnogo tsentra vysshei shkoly. Obshchestvennye nauki*. – 1983. – № 3. – S. 39-43. EDN: GGNXKI
11. Savchenko, M. S. Pravovoe polozhenie kubanskogo kazachestva v dorevolyutsionnoi Rossii (konets XVIII – nachalo XX v.): avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk. : 12.00.01 [Tekst] / Savchenko Marina Stanislavovna; Volgogradskii yuridicheskii institut MVD Rossii. – Volgograd, 2000. – 26 s. EDN: ZKLXQJ
12. German, O. B. Pravovoe polozhenie kazachestva i krest'yanstva yugo-vostoka evropeiskoi Rossii v 1861–1920 gg. [Tekst] / O. B. German ; Otv. red. L. P. Rasskazov; Rost. gos. un-t. – Rostov-na-Donu: Izd-vo Rostovskogo un-ta, 2003. – 575 s. EDN: QOTJTH
13. German, O. G. Pravovoe polozhenie kazachestva i krest'yanstva yugo-vostoka evropeiskoi Rossii v 1861–1920 gg.: avtoref. dis. ... d-ra. yurid. nauk. : 12.00.01 [Tekst] / German Oksana Borisovna. – Krasnodar, 2004. – 58 s.
14. Podosinnikov, Yu. V. Pravovoe polozhenie astrakhanskogo kazachestva v nachale XX veka: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk. : 12.00.01 [Tekst] / Podosinnikov Yurii Vasil'evich; Rostovskii yuridicheskii institut MVD Rossii. – Rostov-na-Donu, 2008. – 27 s. EDN: NJHPHX
15. Bykonya, G. F. Kazachestvo i drugoe sluzhebnoe naselenie Vostochnoi Sibiri v XVIII – nachale XIX veka (demografo-soslovnyi aspekt): monografiya [Tekst] / G. F. Bykonya; Krasnoyarsk. gos. ped. un-t im V. P. Astaf'eva. – Krasnoyarsk, 2007. – 416 s. EDN: TGJGNL
16. Zuev, A. S. Shtatnaya reforma Sibirskogo kazachestva 1737 goda [Tekst] // *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Iстория, Филология*. – 2007. – T. 6. – № 1. – S. 22-27. EDN: HYHZQF
17. Konovalov, I. A. Pravovaya reglamentatsiya soslovnogo polozheniya gorodovykh kazakov v "Ustave o sibirskikh gorodovykh kazakakh" 1822 g. (k 250-letiyu so dnya

- rozhdeniya M. M. Speranskogo) [Tekst] // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. – 2022. – № 478. – S. 93-98. – doi: 10.17223/15617793/478/12. EDN: ODHCKR
18. Datsyshen, V. G. Krasnoyarskie kazaki v kontse XIX – nachale XX veka. K probleme sokhraneniya identichnosti i soslovnoi zamknutosti [Tekst] // Sibirskii subetnos: kul'tura, traditsii, mental'nost': materialy II Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi Internet-konferentsii na saite sib-subethnos.narod.ru. – Vypusk 2, Kniga 1. – Krasnoyarsk, 2006. – S. 92-100. EDN: HENCFJ
19. Romanov, G. I. Kazach'e naselenie Vostochnoi Sibiri (konets XIX – nachalo XX v.): dis. ... kand. ist. nauk : 07.00.02 [Tekst] / G. I. Romanov. – Irkutsk, 1996. – 174 s.
20. Bogutskii, A. E. Eniseiskoe i irkutskoe kazachestvo v 1917–1925 gg.: dis. ... kand. ist. nauk : 07.00.02 [Tekst] / A. E. Bogutskii. – Abakan, 2007. – 180 s. EDN: NOWBRR
21. Bogutskii, A. E. Eniseiskoe kazachestvo v kontse XIX – nachale XX vv.: opyt formirovaniya i deyatel'nosti [Tekst] // Vestnik KhGU im. N. F. Katanova. – 2013. – № 6. – S. 61-68.
22. Tarasov, M. G. Eniseiskoe kazachestvo v period revolyutsionnykh sobytii 1917 g. i gody Grazhdanskoi voiny: dis. ... kand. ist. nauk : 07.00.02 [Tekst] / M. G. Tarasov. – Ulan-Ude, 2010. – 215 s. EDN: QEVPYT
23. Tarasov, M. G. Eniseiskoe kazachestvo v period revolyutsionnykh sobytii 1917 g. i gody Grazhdanskoi voiny [Tekst] / M. G. Tarasov ; M-vo obrazovaniya i nauki Rossiiskoi Federatsii, Sibirskii federal'nyi un-t. – M.: Flinta, 2011. – 173 s.
24. Kytmanov, A. I. Kratkaya letopis' Eniseiskogo uezda i Turukhanskogo kraja Eniseiskoi gubernii, 1594–1893 goda: [1594-1700] [Tekst] / A. I. Kytmanov. – [Eniseisk: b. i., 1920]. – 52 s.
25. Kytmanov", A. I. Kratkaya Ietopis' Eniseiskago uezda i Turukhanskogo kraja Eniseiskoi gubernii 1594–1893 god" [Tekst] / vstop. st. L. P. Berdnikova [Taezhnaya strana Aleksandra Kytmanova]. – Krasnoyarsk : Sib. feder. un-t, 2016. – 888 s.
26. Rusakova, E. Arkheologi ustanovili mestopolozhenie Ketskogo ostroga: [arkh. 14 noyabrya 2019] [Elektronnyi resurs] // N+1 [Elektronnyi resurs]. – 2019. 7 noyabrya. – URL: <https://nplus1.ru/news/2019/11/07/location> (data obrashcheniya: 07.03.2025).
27. Butsinskii, P. N. Zaselenie Sibiri i byt ee pervykh nasel'nikov [Tekst]. – Khar'kov: Tip. gubernskogo pravleniya, 1889. – IV, 345 s.
28. Puzanov, V. D. Komandirovki sluzhilykh lyudei goroda Tobol'ska v tomskii razryad v XVII v. [Tekst] // Vestnik Shadrinskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. – 2016. – № 2 (30). – S. 150-156. EDN: WFEHIN
29. Miller, G. F. Iстория Сибири: [в 2 томах] [Tekst] / G. F. Miller ; Institut antropologii, arkheologii i etnografii AN SSSR ; Nauchno-issledovatel'skaya assotsiatsiya Instituta narodov Severa im. P. G. Smidovicha. – M. ; L.: Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR, 1937-1941. – [T.] 2. – 1941. – 637 s.
30. Khotuntsov, G. A. Kratkie istoricheskie svedeniya ob osnovanii goroda Krasnoyarska i pervykh 27 godakh ego sushchestvovaniya [Tekst] // Pamyatnaya knizhka Eniseiskoi gubernii na 1890 god: s adres-kalendarem / sost. pod red. deistv. chl.-sekretarya Stat. kom. G. A. Khotuntsova. – [Krasnoyarsk: Eniseiskaya gubernskaya tipografiya], 1889. – S. 335-338.
31. Brodnikov, A. A. Eniseisk protiv Krasnoyarska: Iz istorii bor'by garnizonov za yasachnye territorii v XVII v. [Tekst] / A. A. Brodnikov // Sibir' v XVII-XX vekakh: Problemy politicheskoi i sotsial'noi istorii: Bakhrushinskie chteniya 1999–2000 gg.: mezhvuz. sb. nauch. tr. / pod red. V. I. Shishkina. – Novosibirsk, 2002. – S. 19-30.

32. Revolyutsionnoe dvizhenie v voennykh okrugakh, mart 1917 g. – mart 1918 g.: [Sb. dokumentov i materialov / AN SSSR, Nauch. sovet po kompleks. probl. "Istoriya Velikoi Okt. sots. Revolyutsii" i dr.; Sost. S. N. Bazanov i dr.]; Otv. red. Yu. I. Korablev. – Moskva: Nauka, 1988. – 486,[2] s.
33. Eniseiskie kazaki: Istoricheskoe proshloe, byt i sluzhba eniseiskikh kazakov: po materialam, sobrannym chlenom Voiskovogo pravleniya K. I. Lavrent'evym / sost. N. N. Knyazev. – Kharbin, 1940. – 172 c.
34. Knyazev, N. N. Eniseiskie kazaki / N. N. Knyazev. – M.: Kniga po trebovaniyu, 2024. – 173 c.
35. Parshukov, V. A. Dokumenty o likvidatsii Eniseiskogo kazach'ego voiska kak neizvestnye istochniki po istorii Grazhdanskoi voiny v Sibiri [Tekst] / V. A. Parshukov // Grazhdanskaya voyna na Vostoche Rossii: vzglyad skvoz' dokumental'noe nasledie: materialy II Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii s mezhdunarodnym uchastiem, Omsk, 25-26 oktyabrya 2017 goda. – Omsk: Omskii gosudarstvennyi tekhnicheskii universitet, 2017. – S. 257-262. EDN: XTRSYR
36. Zabaikal'skie kazaki: istoricheskii ocherk: [v 3 t.] / A. P. Vasil'ev. – Chita: Tipografiya Voiskovogo Khozyaistvennogo Pravleniya Zabaikal'skogo kazach'ego voiska, 1916–1918. – Prilozhenie k 1 tomu. – 1916. – 66 s.
37. Boeck, Brian J. Imperial Boundaries: Cossack Communities and Empire-Building in the Age of Peter the Great. – Cambridge: Cambridge University Press, 2009. – 255 p.
38. Barrett, Thomas M. At the Edge of Empire: The Terek Cossacks and the North Caucasus Frontier, 1700–1860. – Boulder, CO: Westview Press, 1999. – 264 p.
39. O'Rourke, Shane. The Cossacks. – Manchester: Manchester University Press, 2007. – 303 p.
40. Sunderland, Willard. Taming the Wild Field: Colonization and Empire on the Russian Steppe. – Ithaca, NY: Cornell University Press, 2004. – 264 p.

The history of scientific misconceptions in the USA and their socio-economic prerequisites according to the research of Naomi Oreskes

Yegorov Denis Ivanovich

PhD in History

Independent researcher

15 Bazhova St, Moscow, 129128, Russia

 denyegorov1981@yandex.ru

Abstract. The article examines the main works of the famous American historian of science Naomi Oreskes, highlighting examples of scientific misconceptions and their background in sources of funding, academic ambitions, and social values. Her works attract the attention of both a wide range of readers and specialists. For fans of the popular style, complex questions about the relationship between science and business in the United States, modern criteria of research activity, and the epistemological role of ecology in the system of scientific knowledge are presented. For specialists, a thorough archival work is obvious, and the novelty of covering events from a historical perspective is interesting. Describing examples of incompetent research and views, Oreskes uses the phrase scientific ignorance. Due to the lack of a direct semantic analogue in Russian, the concept of delusion replaces it in the article. The analysis and synthesis of the key theoretical provisions of Oreskes' works was carried out by

identifying the role of epistemic standards that the author adhered to in characterizing questionable research practices. Historical-genetic and historical-systemic methods were used to study the relationship of misconceptions with commercial interests in the socio-historical context of the development of science in the United States. The productivity of the regulatory function of expert consensus, interdisciplinarity, value pluralism in the criticism of destructive doubts, outdated criteria, and fundamentalism in the scientific community is determined. The history of scientific misconceptions is an important aspect of the sociology of knowledge, presented in Oreskes' writings using a variety of empirical material. The historical approach made it possible to highlight both the social and epistemological consequences of distortions and falsifications in science that arose under the influence of the material motives of scientists or their sponsors and employers. The appeal to Oreskes' works is designed to actualize the sense of social responsibility among scientists, which, in her opinion, contributes to the perception of research norms adequate to the modern level of knowledge. The article may be useful for specialists in the history and philosophy of science, used in educational courses in these disciplines.

Keywords: social responsibility, doctrines of neoliberalism, Sociology of science, research practice, environmental agenda, market fundamentalism, sources of financing, expert consensus, epistemic standards, scientific ignorance

References (transliterated)

1. Latur B. Nauka v deistvii: sleduya za uchenymi i inzhenerami vnutri soobshchestva / per. s ang. K. Fedorovoi; nauchn. red. S. Milyaeva. SPb.: Izdatel'stvo Evropeiskogo universiteta v Sankt-Peterburge, 2013. 414 s.
2. Kun T. Struktura nauchnykh revolyutsii. M.: "AST", 2003. 605 s. EDN: QWFEIT
3. Merton R. K. Sotsial'naya teoriya i sotsial'naya struktura / Per. s angl. E. N. Egorovoi, i dr.; nauch. red. Z. V. Koganova. – M.: AST, Khranitel', 2006. 873 s.
4. Flek L. Vozniknenie i razvitiye nauchnogo fakta. M.: Ideya-Press, Dom intellektual'noi knigi, 1999. 220 s.
5. Khaidegger M. Vopros o tekhnike // Novaya tekhnokraticheskaya volna na Zapade. M.: Progress, 1986. S. 45-66.
6. Chakrabarty D. The Climate of History: Four Theses December // Critical Inquiry. 2009. 35(2). R. 197-222.
7. Entine J. Naomi Oreskes And Denialism About The Scientific Consensus On GMOs And Nuclear Energy. 2016. [Elektronnyi resurs] URL: www.science20.com/jon_entine/naomi_oreskes_and_denialism_about_the_scientific_consensus_on_gmos_and_nuclear_energy-164788 (data obrashcheniya 20.10.2024).
8. Harding S. The Science Question in Feminism. Cornell University Press, 1986. 296 p.
9. Kocka J. Capitalism and Its Critics. A Long-Term View. 2018. [Elektronnyi resurs] URL: www.econstor.eu/bitstream/10419/191593/1/f-21792-full-text-Kocka-Capitalism-v3.pdf (data obrashcheniya 10.12.2024).
10. Longino H. Science as Social Knowledge: Values and Objectivity in Scientific Inquiry. Princeton: Princeton University Press, 1990. 280 p.
11. Morano M. Analysis: Climate activist Naomi Oreskes' shady history of 'crooked skeptics' claims. 2021. [Elektronnyi resurs] URL: www.climatedepot.com/2021/02/19/analysis-climate-activist-naomi-oreskes-shady-history-of-crooked-skeptics-claims/ (data obrashcheniya 16.11.2024).
12. Oreskes N. What Is the Social Responsibility of Climate Scientists? // Dædalus, the

- Journal of the American Academy of Arts & Sciences. 2020. № 149 (4). S. 33-45.
13. Oraskes N. Why Trust Science? Princeton, New Jersey: Princeton University Press, 2019. 376 p.
 14. Oreskes N., Conway E. Merchants of Doubt: How a Handful of Scientists Obscured the Truth on Issues from Tobacco Smoke to Global Warming. New York: Bloomsbury Press, 2010. 355 p.
 15. Oreskes N., Conway E. Science on a Mission: How Military Funding Shaped What We Do and Don't Know about the Ocean. University of Chicago Press, 2020. 744 p.
 16. Oreskes N., Conway E. The Big Myth: How American Business Taught Us to Loathe Government and Love the Free Market. Bloomsbury Publishing, 2023. 576 p.

Research and development work on the creation of electromagnetic artillery in the USSR in the late 1920s–1930s

Timofeeva Rimma Aleksandrovna

PhD in Art History

Associate Professor; Department of History and Theory of Art; St. Petersburg State University of Industrial Technologies and Design

29 Politehnicheskaya str., building 2, sq. 32, Saint Petersburg, 194064, Russia

 rimma.a.timofeeva@gmail.com

Chumak Ruslan Nikolaevich

PhD in Technical Science

Head of the Funds Department; Military Historical Museum of Artillery, Engineering and Communications Troops

7 Alexandrovsky Park str., Saint Petersburg, 197046, Russia

 rimmaa@gmail.com

Abstract. The subject of study in this article is the scientific development of the problem of creating electric artillery in the USSR in the late 1920s and early 1930s. Proposals made earlier (the magnetofugal gun suggested by M.P. Kostenko, M.M. Podolsky, and N.S. Yapolsky) are analyzed, and the reasons for the interest in this type of military technology in the USSR are determined. The main stages of developing the theoretical foundations of electric artillery are considered, the leading scientific center – the Artillery Scientific Research Institute – is identified, and the main projects (magnetoelectric, electrosolenoid guns, and other types) are analyzed. The complexities and problems faced by Soviet engineers are indicated, along with possible solutions. An objective barrier to the creation of powerful electric guns was, first of all, the problems in the field of extremely high power currents and their generation, which Soviet science in the 1930s was unable to resolve. The following research methods were used in working on this material: historical-scientific analysis of specialized research literature, comparative-historical method, and processing of archival data (CAMO RF, CGA St. Petersburg, RGA Samara, etc.). New data regarding the development of the scientific school of weapon design in the 1930s is introduced into scientific circulation for the first time, pointing out the engineers leading the main projects. Based on newly identified archival materials and the study of reports on the research conducted at the Artillery Scientific Research Institute, it is concluded that the attempt to create artillery of this type suitable for combat use ended in failure. Achieving the desired firing parameters from electromagnetic guns was hindered by two main reasons: the insufficient power of the energy sources available at that time and the inability to ensure reliable transmission of electrical energy to a moving projectile. As further

research has shown, there is no satisfactory solution to this problem with classical contact methods of energy transmission. The materials of the study can be used in examining the general patterns of development of domestic science during the Soviet period.

Keywords: Zhakov V.K., Konoplev A.P., scientific school, magnetolectric cannon, electric cannon, Artillery directorate, Artillery Research Institute, shock generator, electromagnetic artillery, weapons design

References (transliterated)

1. Nauchnyi arkhiv VIMAIViVS. F. 6R. Op. 1. D. 1531.
2. RGVA. F. 4. Op. 18. D. 23.
3. Nauchnyi arkhiv VIMAIViVS. F. 7R. Op. 1. D. 617.
4. Elmers M. Railgun predecessors [Elektronnyi resurs] // URL: <https://military-review.com/12528702-railgun-predecessors> (data obrashcheniya: 08.04.2025).
5. Nauchnyi arkhiv VIMAIViVS. F. 7R. Op. 9. D. 353.
6. Barsukov E.Z. Russkaya artilleriya v mirovyyu voinu. T. 1. M.: Voenizdat, 1938.
7. Korol'kov A.L. Dal'noboinaya elektricheskaya pushka // Tekhnika i snabzhenie Krasnoi Armii. 1923. № 37(68). S. 1-8.
8. Nauchnyi arkhiv VIMAIViVS. F. 7R. Op. 1. D. 51.
9. Nauchnyi arkhiv VIMAIViVS. F. 4R. Op. 1. D. 14.
10. Nauchnyi arkhiv VIMAIViVS. F. 7R. Op. 12. D. 25.
11. Nauchnyi arkhiv VIMAIViVS. F. 6R. Op. 1. D. 126.
12. Nauchnyi arkhiv VIMAIViVS. F. 7R. Op. 2. D. 16.
13. Nauchnyi arkhiv VIMAIViVS. F. 7R. Op. 13. D. 948.
14. Nauchnyi arkhiv VIMAIViVS. F. 7R. Op. 13. D. 39.
15. TsGA SPb. F. R-2140. Op. 20. D. 32.
16. Nauchnyi arkhiv VIMAIViVS. F. 7R. Op. 13. D. 1202.
17. Nauchnyi arkhiv VIMAIViVS. F. 7R. Op. 13. D. 947.
18. Nauchnyi arkhiv VIMAIViVS. F. 7R. Op. 7. D. 505.
19. Nauchnyi arkhiv VIMAIViVS. F. 7R. Op. 13. D. 71.
20. Nauchnyi arkhiv VIMAIViVS. F. 7R. Op. 7. D. 277.
21. Nauchnyi arkhiv VIMAIViVS. F. 7R. Op. 18. D. 15.

Underground «brokers» of Leningrad during the «Khrushchev Thaw»

Khaziev Rustem

Doctor of History

Professor; Institute of History and Public Administration; Ufa University of Science and Technology

Office 512, Karl Marx St., Ufa, 450076, Russia, Republic of Bashkortostan

 khazievra@mail.ru

Goffer Pavel Sergeevich

Postgraduate student; Institute of History and Public Administration; Ufa University of Science and Technology

Office 512, Karl Marx St., Ufa, 450076, Russia, Republic of Bashkortostan

Abstract. The shadow activities of illegal businessmen in the second most important city of the RSFSR – Leningrad are examined in the article, based on the study of a diverse array of materials stored in the State Archives of the Russian Federation and introduced into scientific circulation for the first time. The economic liberalism that was observed during the period of «Khrushchev's reformism» had both positive and negative consequences. The purpose of the article is to identify and analyze the reasons that led to the growth of the shadow economy in Leningrad during the «Khrushchev thaw». The illegal purchase and sale of goods created conditions for the enrichment of individuals, officially called «parasite speculators». The «swindlers» condemned by the authorities caused significant damage to state trade, introducing elements of disorganization into the Leningrad commodity supply system. Private intermediaries, engaged in illegal business in Leningrad, entered into collusion with «responsible employees» of some state trade organizations that were subordinate to the Ministry of Trade of the RSFSR. During the research it was revealed that shadow entrepreneurs «became immeasurably rich» thanks to the «criminal accumulation of capital», having gained illegal access to the acquisition of the «deficit» of the food and commodity fund of Leningrad. The responsible employees, who were in collusion with illegal businessmen, deliberately complicated the process of accounting for food products, falsified documents for the payment of travel expenses, «cash payments» of large sums for intermediary services, etc. In addition, secret entrepreneurs actively took advantage of their impunity. As a rule, «shadow traders» did not identify themselves in documentary and accounting records, so for a long time, without coming to the attention of law enforcement agencies, they could freely engage in illegal activities, which contributed to the flourishing of various economic frauds.

Keywords: food products, consumerism, Leningrad region, Leningrad, planned economy, trade, Khrushchev thaw, shadow economy, fraud, non-labor activity

References (transliterated)

1. Vel'mozhko I. N. Sotsial'nye transformatsii v period "khrushchevskoi ottepeli" // Vestnik Udmurtskogo universiteta. Seriya: Iстория и филология. 2016. T. 26, № 4. S. 93-100. EDN: UGPMZX.
2. Gosudarstvennyi arkhiv Rossiiskoi Federatsii (GA RF). F. A-259. Op. 42. D. 7679.
3. Markov A., Krupenkov N. Maklery // Sovetskaya Rossiya. 1961. 27 yanvarya. S. 2.
4. Nekrasov V. L. Sovetskii ekonomicheskii reformizm epokhi N. S. Khrushcheva: avtoritarnyi reformator, partiino-gosudarstvennaya sistema i akademicheskoe soobshchestvo // Novyi istoricheskii vestnik. 2017. № 4 (54). S. 71-91. DOI: 10.24411/2072-9286-2017-00017. EDN: YUJYMA.
5. Nikiforov Yu. S. Ideologo-politicheskoe obespechenie transformatsii ekonomiki i sotsiuma v SSSR 1950-80-kh gg.: istoricheskie vyzovy i skrytye tendentsii // Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta. 2020. T. 26, № 4. S. 50-57. <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2020-26-4-50-57>. EDN: RVSKPZ.
6. Pertsev V. A. Razrabotka i realizatsiya v sovetskem gosudarstve kontseptsii obshchestva potrebleniya v 1950-1960-e gg. // Obshchestvo: filosofiya, istoriya, kul'tura. 2017. № 8. S. 110-113. <https://doi.org/10.24158/fik.2017.8.26>. EDN: ZDRBNF.
7. Sukhova O. A. "Avtomobil' – v lichnoe pol'zovanie!": priobretenie avtomobilei v SSSR v usloviyakh krizisa sistemy raspredeleniya v 1960-e – 1980-e gg. // Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedenii. Povolzhskii region. Gumanitarnye nauki. 2017. № 3 (43). S. 59-

General inspectors of infantry, cavalry, and engineering units in the Russian army and the issue of the boundaries of their powers in the system of high military administration of Russia in the early 20th century

Datsko Nikita Igorevich

Lecturer; Department of Humanities; Russian National Research Medical University named after N.I. Pirogov
Postgraduate student; Department of History of Russia of the 19th century – early 20th Century; Lomonosov
Moscow State University

Russia, Moscow, Ramenki district, ter. Lenin Mountains, 1e

 datsko.nikita@yandex.ru

Abstract. The article examines one aspect of military policy between 1905 and 1914 – the introduction of the institution of general inspectors of infantry, cavalry, artillery, and engineering corps into the overall structure of the highest military administration of the Russian Empire at that time. The subject of the research is the scope of the powers of general inspectors from 1905 to 1909, i.e., during the period of decentralized military administration when the military minister's authority in the army was significantly reduced through the separation of the General Staff and the establishment of the Council of State Defense – a collegial, advisory body composed equally of the military and naval ministers, the head of the General Staff, general inspectors, and other figures from the highest military circles. The aim of the study is to analyze the process of preparing and adopting the "Regulations on General Inspectors" within the higher military administration – an important document intended to define the clear status of general inspectors within the military management hierarchy and delineate their areas of responsibility and powers. The methodology of the research involves working with archival, unpublished materials from the RGAVMF (Fund 830, Council of State Defense of Russia) and is based on a comparative approach to the sources. An additional source consists of published memoirs of the military minister of Russia from 1905 to 1909, A.F. Rediger. The analysis of official documentation and personal sources indicates that the creation of roles for general inspectors at the top of military administration, as autonomous from the military minister, was an attempt by an influential group from the August House of Romanov, traditionally closely connected with the Russian army, to control the process of military reforms following the Russo-Japanese War of 1904-1905. The author suggests that this group (including the emperor himself) either did not fully trust the traditional bureaucracy to carry out the reforms during such a crisis or sought to pursue their personal interests in the army (the grand dukes) through the institutions of general inspectors. In any case, this administrative reorganization ultimately complicated the already intricate higher administration of the Russian army, while the integration of autonomous general inspectors into the army demonstrates the complexity and inertia of the military-bureaucratic machine of that time.

Keywords: engineering troops, military administration, artillery, cavalry, infantry, National Defense Council, War Ministry, Inspector General, military department, military policy

References (transliterated)

1. Kuzin V.V. Sovet gosudarstvennoi oborony v Rossii (1905–1909 gg.). M.: [b. i.], 1950.
– 199 s.

2. Rostunov I.I. Russkii front Pervoi mirovoi voiny. M.: Nauka, 1976. – 387 s.
3. Beskrovnyi L.G. Armiya i flot Rossii v nachale KhKh v. Ocherki voenno-ekonomiceskogo potentsiala. M.: Nauka, 1986. – 238 s.
4. Bodrichenko I.A. Evolyutsiya strelkovogo dela v russkoi armii: vtoraya polovina XIX – nachalo XX vv.: avtoref. dis. ... kand. ist. nauk. – M.: [b. i.], 2007. – 236 s.
5. Pirogov D.V. Voprosy podgotovki russkoi armii k voine v voennoi periodike 1905–1914 gg. [Tekst]: dis. ... kand. ist. nauk: 07.00.02: zashchishchena 23.05.17: utv. 19.06.17. – 282 s.
6. Menning B. U. Pulya i shtyk. Armiya Rossiiskoi imperii, 1861–1914. M.: Modest Korolev, 2015. – 424 s.
7. RGVIA. F. 830. Op. 1. D. 3.
8. Rediger A.F. Istorya moei zhizni. Vospominaniya voennogo ministra. V dvukh tomakh / Pod obshchei redaktsiei I. O. Garkushi i V. A. Zolotareva; podgotovka teksta, vstupitel'naya stat'ya, primechaniya i ukazatel' imen – L. Ya. Saet, N. V. Il'ina. M.: Kanon-press; Kuchkovo pole, 1999. – 1056 s.
9. RGVIA. F. 830. Op. 1. D. 109.
10. RGVIA. F. 830. Op. 1. D. 3.
11. RGVIA. F. 830. Op. 1. D. 61.
12. RGVIA. F. 830. Op. 1. D. 131.

Nicos Poulantzis as a theorist of law and founder of structuralist Marxism.

Duben Andrei Kirillovich

Scientific Associate, Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences; Assistant, Department of Civil and Administrative Proceedings, Russian State University of Justice

10 Znamenka Street, Moscow, 119019, Russia

 k.duben@mail.ru

Abstract. The article analyzes the work of the renowned sociologist and political scientist Nikos Poulantzas, who adhered to left-radical views and sought to reinterpret Marxist theory through the ideas of political sociology. The main works of the author are analyzed, focusing on the key issues addressed by the scholar, such as political regimes, the crisis of the state, transitions to new political regimes, and state legal regulation. From a methodological perspective, the article justifies a new approach to contemporary historiography and its role in the history of political and legal theories. By analyzing Nikos Poulantzas's scientific legacy, the author concludes that the scholar highlights class affiliation and the role of the state in the legal regulation of relationships and interactions among various classes; in this context, the independence of the state is largely determined by the content and intensity of political struggle within that state. The methodological foundation of the research is based on a system of modern general scientific and private legal methods, employing the following general scientific methods: analysis and synthesis, abstraction and modeling, observation, generalization, description, classification, and more. In addition to the methodological aspects, the novelty of the research lies in the clarification of some basic provisions of Nikos Poulantzas's legal concepts regarding the state and law, and his significance in contemporary research in the fields of philosophy, theory, and history of the state and law. The political and legal thought of Nikos Poulantzas represents a departure from classical Marxism and socialism; the scholar pays special attention to: political regime and its changes; political

crisis and its consequences; law and its properties. In domestic legal philosophy, theory, and history of the state and law, scholars have frequently referred to the works of Nikos Poulantzas; however, the author's teachings have not been fully explored but only mentioned in relation to certain topics of socialism and Marxism.

Keywords: the concept of law, the new model, historiography, Political science, Sociology, history of legal doctrines, philosophy of law, Nikos Poulanzas, the history of political teachings, Marxism

References (transliterated)

1. Istorya politicheskikh i pravovykh uchenii. Drevniy mir / otv. red. V.S. Nersesiants. M.: Nauka, 1985. S. 27-71.
2. Gorban' V.S. Istoryograficheskie modeli rekonstruktsii politicheskikh i pravovykh uchenii // Gosudarstvo i pravo. 2024. № 11. S. 7-22. DOI: 10.31857/S1026945224110017. EDN: XVTNOZ.
3. Vsemirnaya istoriya: v 6 t. / gl. red. A.O. Chubar'yan. T. 1: Drevniy mir / otv. red. V.A. Golovina, V.I. Ukolova. M.: Nauka, 2011. 822 s.
4. Savenkov A.N. Filosofiya prava i stanovlenie rossiiskogo gosudarstva-tsivilizatsii: monografiya. M.: Nauka, 2024. 739 s. EDN: MXWSKU.
5. Gorban' V.S. Istoryograficheskie issledovaniya politiko-pravovoi mysli // Trudy Instituta gosudarstva i prava Rossiiskoi akademii nauk. 2024. T. 19. № 4. S. 11-39. DOI: 10.35427/2073-4522-2024-19-4-gorban. EDN: PNGOXZ.
6. Narykova S.P. Vlast' kak ob'ekt teoretiko-pravovogo issledovaniya // Obshchestvo i pravo. 2011. № 5. S. 27-31. EDN: PBHJBB.
7. Hall S. Nicos Poulantzas: State, Power, Socialism. New Left Review. 1980. 268 p.
8. Kokorina L.B., Rubina O.I. Politiko-pravovoe uchenie Nikosa Pulanzasa // Problemy pravoponimaniya v teoretiko-pravovoi i istoriko-pravovoi mysli: materialy mezhvuzovskoi studencheskoi nauchno-teoreticheskoi konferentsii, Minsk, 18 aprelya 2007 g. / Ministerstvo obrazovaniya RB; Belorusskii gosudarstvennyi ekonomicheskii universitet; [redkol.: I.V. Vishnevskaya (otv. red.) i dr.]. Minsk: BGEU, 2007. S. 75-76.
9. Poulantzas N. The Problem of the Capitalist State. New Left Review. № 58. // New Left Review. URL: <https://newleftreview.org/issues/i58/articles/nicos-poulantzas-the-problem-of-the-capitalist-state> (data obrashcheniya: 24.03.2025).
10. Bukel S. Poulantzas and the Juridical Constitution of the Subject. // Verso. URL: <https://www.versobooks.com/en-gb/blogs/news/3473-poulantzas-and-the-juridical-constitution-of-the-subject?srsltid=AfmBOore3wy7XCiiPFJnA3sHKLdamQhBCcxJ6paYVpvZ-H8A69ahaaz2> (data obrashcheniya: 24.03.2025).
11. Poulantzas N. State, Power, Socialism. N.-Y.: New Left Books, 1978. 268 p.
12. Shikhardin N.V. Fenomen etatizatsii v sotsial'no-filosofskikh kontseptsiyakh A. Lefevra i N. Pulanzasa // Tsennosti i normy v potokе vremeni: materialy VI Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii, Kurgan, 09-10 aprelya 2015 goda / B.S. Shalyutin (otv. redaktor). Kurganskii gosudarstvennyi universitet, 2015. S. 149-151. EDN: VDYAHT.
13. Poulantzas N. State, Power, Socialism. N.-Y.: New Left Books, 1978. 268 p.
14. Matveev I.A. Gosudarstvo kak nezavisimaya peremennaya: "organizational realizm" v istoricheskoi sotsiologii i rossiiskii sluchai // Neprikosnovennyi zapis. Debaty o politike

Russian Military Emigration in Paraguay and Its Contribution to the Victory in the Chaco War (1932-1935)

Moseykina Marina Nikolaevna □

Doctor of History

Professor; Faculty of Humanities and Social Sciences; P. Lumumba Peoples' Friendship University of Russia

6 Mklukho-Maklaya str., Obruchevsky district, Moscow, 117198, Russia

✉ moseykina-mn@rudn.ru

Yakusik Slobodiuk Ana Luba □

Postgraduate student; Faculty of Humanities and Social Sciences; P. Lumumba Peoples' Friendship University of Russia

6 Mklukho-Maklaya str., Obruchevsky district, Moscow, 117198, Russia

✉ 1042235118@pfur.ru

Abstract. The article is devoted to the history of the formation of the Russian military migration in Paraguay during the post-revolutionary period and its participation in the Chaco War of 1932-1935 on the side of the Paraguayan army. The aim of this article is to study the composition of Russian military emigration, its adaptation in the conditions of a new country of residence and the application of combat experience in the Paraguayan army. The article is based on the principles of historicism, credibility, scientific objectivity and systematicity; it used general and special-historical methods, including analysis and synthesis, unity of historical and logical, comparative-historical method, problematic-chronological. The object of research is Russian military emigration to Paraguay in 1920-1930. The subject of research is the forms of participation of Russian combat officers and military engineers in the training of military personnel of the national army, in the conduct of cartographic works, personal contribution of Russian officers to the victory of Paraguay in the Chaco war with Bolivia. The participation of military emigration in strengthening the national army of Paraguay, its contribution to the victory in the Chaco War, the nature of the relationship between the Russian and Paraguayan military and the policy of preserving historical memory about the Russian military standing up for their «second homeland». Features of the formation of the Russian diaspora in Paraguay are revealed, and the structure of the Russian military community in this country is described. Special attention is paid to the process of social adaptation of former military («rusoses blankos»), the institutional structure of military organizations. Concluded the involvement of military emigration in the internal life of the country of residence, some of its representatives have taken an important position in the state authorities, which has contributed to the integration of «Rosoz Blankos» in the structures of Paraguayan society and the formation of a positive image of the Russians in the public consciousness of the local population.

Keywords: world economic crisis, Russian hearth, adaptation, Paraguayan army, military emigration, Russian officers, Chaco war, Paraguay, colonization of lands, repatriation

References (transliterated)

1. Sovremennye metody v istoricheskikh issledovaniyakh. Uch.-met. posobie / Pod red. N. B. Selunskoi. SPb.: Aleteiya, 2024. 150 s. (Trudy istoricheskogo fakul'teta MGU. Vyp.

266. Ser. III: Instrumenta studiorum, 58).
2. Pivovar E. I. Rossiiskoe zarubezh'e: sotsial'no-istoricheskii fenomen, rol' i mesto v kul'turno-istoricheskem nasledii. M.: RGGU, 2008. 545 s. EDN: LBFCPF.
 3. Bocharova Z. S. Rossiiskoe zarubezh'e 1920-1930-kh gg. kak fenomen otechestvennoi istorii. M.: AIRO-XXI, 2011. 304 s. EDN: SUFEVL.
 4. Sabennikova I. V. Rossiiskaya emigratsiya (1917-1939): srovnitel'no-tipologicheskoe issledovanie. Tver': Federal'naya arkhivnaya sluzhba Rossii; VNIIDAD, 2002. 431 s.
 5. Okorokov A. V. Russkaya emigratsiya. Politicheskie, voenno-politicheskie i voinskie organizatsii. 1920-1990 gg. Spravochnik. M.: Avuar konsalting, 2003. 330 s. EDN: QOTAJV.
 6. Sizonenko A. I. Russkie v Latinskoj Amerike (ocherki). M.: ILA RAN, 2005. 164 s.
 7. Nechaev S. Yu. Russkie v Latinskoj Amerike. M.: Veche, 2010. 320 s. EDN: QPNTTH.
 8. Moseikina M. N. "Rasseyany, no ne rastorgnuty": russkaya emigratsiya v stranakh Latinskoj Ameriki v 1920-1960 gg. M.: RUDN, 2011. 388 s.
 9. Rossiiskii M. A. Russkoe zarubezh'e na Kube: Stranitsy istorii. M.: Veche, 2002. 221 s.
 10. Moiseev A., Egorova O. Los rusos en Cuba. Cronicos historicas: juicios y testimonies. La Habana: Casa Editora Abril, 2010. 215 p.
 11. Russkie v Urugvaje. Montevideo: B.i., 2009. 229 s.
 12. Martinez Virginia. Los rusos de San Javier. Perseguidos por el zar. Perseguidos por la dictadura uruguaya. De Vasili Lubkov a Vladimir Roslik. Montevideo: Ediciones de la Banda Oriental, 2013. 298 p.
 13. Russkie v Meksike / Pod obshch. red. V. I. Morozova. M.: Fortuna EL, 2009. 272 s.
 14. Ul'yanova O. i Norambuena K. Russkie v Chili. Santiago: Usach, 2009. 423 c.
 15. Zhosinto Anatolii Zabolotskii. Russkaya immigratsiya v Brazili. "V dolgii put' nadezhdy". Santa Rosa: RS-Coli Grafica e Editora Ltda, 2009. 164 p.
 16. Kublitskaya M. A. Russkaya zhizn' v Argentine. Penza: Vaza, 2018. 321 s.
 17. Moseikina M. N., Antoshin A. V., Golousova E. S. Russkaya diaspora v Argentine: istoriya i sovremennost': monografiya. M.: RUDN, 2022. 289 s. EDN: MLJJH.
 18. Martynov B. F. Russkii Paragvai. Povest' o generale Belyaev, lyudyakh i sobityiyakh proshloga veka. M.: Voenizdat, 2006. 238 s.
 19. Eduardo Nakayam. La inmigración rusa en el Paraguay (1917-2017) // <https://www.academia.edu/34899781/L> (data obrashcheniya: 10.10.2024).
 20. Emel'yanova N. M. Odin v pole voin. Belyi general-vozhd' krasnokozhikh. Ivan Belyaev. SPb.: Piter, 2019. 512 s.
 21. Gosudarstvennyi arkhiv Rossiiskoi Federatsii. F. 6378. Op. 2. D. 3.
 22. Golubintsev S. V paragvaiskoi kavalerii // Russkaya armiya v izgnanii. M.: ZAO Tsentrpoligraf, 2003. 512 s. S. 391-441.
 23. Parchevskii K. K. Po russkim uglam. Tsikl ocherkov o russkoi emigratsii vo Frantsii mezhdu pervoi i vtoroi mirovymi voinami. M.: IVI RAN, 2002. 220 s.
 24. Pilkin A. P. Paragvai (Kratkii ocherk). Parizh: Initsiativ. gruppa "Stanitsy im. gen. Belyaeva", 1934. 32 s.
 25. María Victoria Benítez Martínez. Inmigrantes europeos en Paraguay 1818-1930 // <https://shs.hal.science/halshs-00530644/document> (data obrashcheniya: 28.10.2024).
 26. Eduardo Nakayam. La inmigración rusa en el Paraguay (1917-2017) // <https://www.academia.edu/34899781/L> (data obrashcheniya: 10.10.2024).
 27. Paragvaiskaya Rossika v voine za Chako // <https://sammlung.ru/?p=33121> (data

obrashcheniya: 15.07.2024).

28. Khisamutdinov A. A. V Novom Svete, ili Istorya russkoi diasporы na Tikhookeanskom poberezh'e Severnoi Ameriki i Gavaiskikh ostrovakh. Vladivostok: Izd-vo Dal'nevost. un-ta, 2003. 323 s.
29. Alexándrova María. Los rusos y héroes de Paraguay // <https://es.gw2ru.com/articles/17625-rusos-heroes-paraguay> (data obrashcheniya: 20.11.2024).
30. Batalla de Nanawa. Vysokolan S. Portal Guaraní-BATALLA DE NANAWA (Dr. STEPHAN VYSOKOLÁN) (data obrashcheniya: 20.12.2024).
31. Kudayarova N. Yu. Voina Paragvaya protiv Troistvennogo al'yansa. Istoricheskaya pamyat' i poisk identichnosti // Latinskaya Amerika. 2022. № 1. S. 23-37. DOI: 10.31857/S0044748X0013612-2 EDN: NTHCHA.

The Commonwealth of Nations as an actor of the soft power of the British Empire

Naumov Alexander Olegovich

Doctor of History

Professor at the Faculty of Public Administration of Lomonosov Moscow State University, Leading Researcher at the RGGU Scientific and Educational Center

38 Akademika Anokhina Street, room 3, 392, Moscow, 119602, Russia

 naumovao@my.msu.ru

Abstract. The object of the study is the soft power of the British Empire in the 20th century; the subject is a unique interstate organization, which has been functioning under the name of the Commonwealth of Nations since 1949. The author examines such aspects of the topic as the potential of the soft power of the United Kingdom of Great Britain and Northern Ireland, key success factors of London's policy in this area, including the historical legacy of the British Empire; the process of creating the British Commonwealth of Nations, the activities of the renewed Commonwealth of Nations in the second half of the twentieth century; ideological foundations, principles of work and specific projects of the organization, which had a serious impact on the formation of the soft power system and public diplomacy of the British Empire; finally, in general, the role of the Commonwealth of Nations as an actor of soft power in the transformation and modernization of the imperial Albion project. The methodological basis of the research is the principle of historicism and scientific objectivity, a systematic approach, methods of analysis, synthesis, induction, deduction, observation. The novelty of the research lies in the fact that in modern historiography, the analysis of the activities of the Commonwealth of Nations as an actor of the soft power of the British Empire is carried out for the first time. The author concludes that thanks to the activities of the Commonwealth, Great Britain was able to consolidate the reconfiguration of its imperial project on a fundamentally new basis. A special role in this process was played by the technologies of soft power, which long before the appearance of J. P. Blavatsky's theory itself. They were actively used by the political elites of the United Kingdom. And it was within the framework of the Commonwealth of Nations that they were used most actively. This fact allowed London not only to maintain its influence over a significant part of the former empire, but also to create a powerful resource and institutional base that allows the UK to effectively pursue a policy of soft power in the international arena.

Keywords: British education, British Dominions, Commonwealth Games, The British

Commonwealth of Nations, The Commonwealth, Great Britain, The British Empire, The British Monarchy, Public diplomacy, Soft power

References (transliterated)

1. Kharitonova E.M. «Myagkaya sila» Velikobritanii. M.: IMEMO RAN, 2018.
2. Nye J. The Future of Power. New York: Public Affairs, 2011.
3. Sagimbaev A.V. Kontseptsiya Britanskogo Sodruzhestva v deyatel'nosti gruppy «Kruglogo stola» v nachale KhKh veka // Nauchnyi dialog. 2021. № 7. S. 449-462.
4. Onishchenko A.G. Evolyutsiya politiki Velikobritanii v Egipte posle podpisaniya Anglo-egipetskogo dogovora 1936 goda (avgust 1936 – aprel' 1938 gg.) // Istoricheskii zhurnal: nauchnye issledovaniya. 2021. № 2. S. 39-46. DOI: 10.7256/2454-0609.2021.2.35391 URL: https://e-notabene.ru/hsmag/article_35391.html
5. Gusev A.A. Metody zhestkoi i myagkoi sily, primenyaemye Britanskoi imperiei pri kolonizatsii Adena i sozdaniii protektoratov Yuzhnoi Aravii // Istoricheskii byulleten'. 2023. T. 6. № 6. S. 141-146.
6. Stepanova N.A. Velikobritaniya v Sodruzhestve natsii: proshloe, nastoyashchee, budushchee // Vestnik MGIMO-Universiteta. 2014. № 4 (37). S. 214-221.
7. Portnyagin D.I. Politicheskoe i voennoe rukovodstvo Velikobritanii o roli Sodruzhestva i imperii v «kholodnoi voine» (1945-1951 gg.) // Elektronnyi nauchno-obrazovatel'nyi zhurnal «Istoriya». 2018. T. 9. Vyp. 1 (65) [Elektronnyi resurs]. URL: <https://arxiv.gauhn.ru/s207987840002047-0-1/> (data obrashcheniya 09.06.2024).
8. Sukhorukov A.V. Britanskoe sodruzhestvo natsii: proshloe i nastoyashchee // Novaya i noveishaya istoriya. 2006. № 5. S. 70-85.
9. Tolstukhina A.Yu. Sovremennaya vneshnyaya politika Velikobritanii v otnoshenii Sodruzhestva natsii (tseli, zadachi, osnovnye napravleniya) // Avtoreferat dissertatsii na soiskanie uchenoi stepeni kandidata politicheskikh nauk. M.: Tsentr evraziiskikh issledovanii IAMP FGBOU VPO «Diplomaticeskaya akademiya Ministerstva inostrannykh del Rossiiskoi Federatsii», 2015.
10. Soft power and the UK's influence committee. Oral and written evidence. Vol. 2 // House of Lords. London, 2014.
11. Kerr P. From Empire to Commonwealth // Foreign Affairs. 1922. Vol. 2. No. 2. P. 83-98.
12. Tyler J.E. The Struggle for Imperial Unity. London: Longmans, Green and Co, 1938.
13. Kapitonova N.K., Romanova E.V. Istoriya vneshnei politiki Velikobritanii. M.: Mezhdunarodnye otnosheniya, 2020.
14. Ukolova I.P. «Postimperskii» format mezhdunarodnykh sorevnovanii kak instrument sportivnoi diplomatiyi // X Mezhdunarodnyi Kongress «SPORT, ChELOVEK, ZDOROV'E» 08-10 dekabrya 2021 g: Materialy Kongressa / Pod red. V.A. Taimazova. SPb.: POLITEKh-PRESS, 2021. S. 274-276.

Czech-Russian cultural ties during the transformation of mutual interest in the second half of the 19th century

Tashchian Daniil Andreevich

Postgraduate student; Faculty of History, Sociology and International Relations; Kuban State University

350058, Russia, Krasnodar territory, Krasnodar, st. Stavropol, 183/1, sq. 114

 tas1998@yandex.ru

Abstract. This article examines Czech-Russian cultural ties in the second half of the 19th century within the context of shifting mutual interests and the strengthening of Czech national identity. Special attention is given to the motivations behind scientific and cultural cooperation from both the Russian and Czech perspectives. The study aims to identify patterns of cultural and academic exchange between the two nations, as well as to trace the evolution of Czech perceptions of Russian culture and the attitudes of Russian intellectuals toward Czech contacts amid political and social changes. The analysis reveals the reasons behind the parties' abandonment of a romanticized and idealized view of mutual dialogue in favor of more rigorous academic collaboration. Additionally, the article highlights the achievements resulting from the interactions between Czech and Russian cultural figures during this period. The research is based on a comparative analysis of historical sources, scholarly works, and publications related to Czech-Russian relations from the given era. A qualitative approach was employed in studying archival materials, including correspondence between cultural figures, as well as content analysis of periodicals reflecting the dynamics of cultural interaction. For the first time, this study meticulously traces the transformation of Czech-Russian interaction—from a romanticized perception of Slavic reciprocity to pragmatic cooperation emphasizing the autonomous development of cultures. New aspects of the influence of Russian reforms in the 1860s–1870s on the growing interest in Czech culture are revealed. The analysis highlights both the distinctions between Czech and Russian cultures and the areas of mutual interest where cultural figures achieved significant results. Many Russian cultural and public figures, leveraging their extensive networks and high standing in Czech society, actively contributed to preserving, strengthening, and developing ties between the Czech and Russian intellectual communities. It is also noted that Czech migrants living in Russia made substantial contributions to the development of economics, science, and culture. Meanwhile, Russian figures, drawing on their broad connections and authority in Czech society, played a key role in promoting knowledge of Slavic history—and Russian history in particular—within Czech intellectual circles.

Keywords: Czech autonomy, Russian culture, National revival, Political reforms, Slavic reciprocity, Mutual interest, National identity, Cultural exchange, Czech-Russian relations, Slavic studies

References (transliterated)

1. Zarubezhnye slavyane i Rossiya. Dokumenty arkhiva M. F. Raevskogo. 40-80-e gody XIX veka. – M.: Nauka, 1975. – 576 s.
2. Kisel'kova, N. V. Rossiiskii faktor v obshchestvenno-politicheskoi zhizni chekhov v 50-e-70-e gg. XIX v.: po materialam arkhiva M. F. Raevskogo: dis. ... kand. ist. nauk: 07.00.03 / N. V. Kisel'kova. – Moskva, 2008. – 174 s. EDN: NPTDGX
3. Korobkova, S. N. Russkaya mysl' i cheshsko-russkii dialog XIX – nach. XX v. / S. N. Korobkova // Veche. – 2013. – № 25. – S. 252-264. EDN: RSXUAB
4. Lapteva, L. P. Iстория славяноведения в России в контсе XIX – первои трети XX v. / L. P. Lapteva. – M.: Indrik, 2012. – S. 431-467. EDN: QPUYDL
5. Lapteva, L. P. Russko-cheshskie nauchnye svyazi vo vtoroi polovine XIX – первои chetverti XX veka. Po dannym perepiski uchenykh / L. P. Lapteva // Novaya i noveishaya istoriya. – 2016. – № 1. – S. 68-93. EDN: VVGOMZ
6. Rossiya i slavyanskii mir na etnograficheskoi vystavke 1867 g.: Materialy Mezdunarodnoi nauchnoi konferentsii, posvyashchennoi 140-letiyu Pervoi etnograficheskoi vystavki, Sankt-Peterburg, 20-22 noyabrya 2007 goda / otv. nauch.

- red. V. M. Grusman, N. M. Kalashnikova. – Sankt-Peterburg: OOO Navigator, 2009. – 135 s.
7. Sanchuk, G. E. Istoriya Chekhoslovakii. T. 1 / G. E. Sanchuk. – M.: Izd-vo AN SSSR, 1956. – 440 s.
 8. Khel'chitskii, P. Sochineniya Petra Khel'chitskogo: Set' very; Replika protiv Biskuptsa / P. Khel'chitskii; [trud Yu. S. Annenkova; okonchil po porucheniyu Otd-niya rus. yaz. i slovesnosti I. V. Yagich]. – SPb.: Tip. Imp. Akad. nauk, 1893. – 431 s.
 9. Deuerlein, E. Foederalismus: Die historischen und philosophischen Grundlagen des foederativen Prinzips / E. Deuerlein. – Bonn: Sieg-Post Druckerei, 1972. – 416 s.
 10. Patera E. A. Korespondence prijata. A. I. Gerogievskij A. Paterovi. b.d. 2/14.04.1871.
 11. Wurzbach D. C. v. Vrtatko, Anton Jaroslav // Biographisches Lexikon des Kaiserthums Oesterreich: enthaltend die Lebensskizzen der denkwürdigen Personen, welche seit 1750 in den österreichischen Kronländern geboren wurden oder darin gelebt und gewirkt haben. – Wien, 1856. – Vol. 52. – S. 8-15.